ДОБРОЛЮБОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) — один из основателей русской революционной демократии, выдающийся литературный критик и философ-материалист, соратник Н. Г. Чернышевского. Книга знакомит с жизнью и сочинениями мыслителя, показывает его определяющую роль в разработке ряда важнейших разделов революционно-демократической идеологии.

Для широкого круга читателей.

- В. С. Никоненко
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Глава I
    - 1. ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ
    - 2. КРИТИКА ИДЕАЛИЗМА В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
    - 3. ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА
  - Глава II
    -
    - 1. МАТЕРИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА
    - 2. ЕДИНСТВО СЛОВА И ДЕЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ
    - 3. НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ЛИЧНОСТИ НОВОГО ТИПА
    - 4. ДУХОВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЛИЧНОСТИ
  - Глава III
    -
    - 1. НАРОД В ИСТОРИИ
    - 2. ЛИЧНОСТЬ И НАРОД
    - 3. НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
  - ЛИТЕРАТУРА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

В. С. Никоненко
Николай Александрович Добролюбов

С сочинениями Эрлиба (Добролюбова.—В. Н.) я отчасти знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро.

К. Маркс

О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих.

И. Г. Чернышевский

Никоненко Виталий Сергеевич (1942 г. рожд.) — кандидат философских наук, доцент Ленинградского государственного университета. Автор ряда публикаций по истории русской философии XIX в.

Рецензент докт. филос. наук В. В. Богатов

ВВЕДЕНИЕ

Плодотворная деятельность Николая Александровича Добролюбова в русской литературе и освободительном движении приходится на 1857–1861 гг. Это был бурный период в истории России.

Сложившееся положение имело глубокие корни в жизни страны. Задолго до 50—60-х годов обнаруживается противоречивость социально-экономического и политического строя России. Страна силой экономического развития втягивалась на путь капитализма. Постепенное развитие буржуазных отношений в недрах старого феодального строя подтачивало его основы. В какой-то мере отражением этих явлений было движение дворянских революционеров-декабристов. Отжившие отношения, опиравшиеся на политические учреждения феодального общества, могли сохраняться только лишь путем усиления эксплуатации и ограбления десятков миллионов крестьян. Естественно, что все это вызывало рост недовольства крестьян, их бунты, экономический саботаж крестьянством помещичьего класса. Итогом длительного процесса разложения крепостнической системы и борьбы крестьянства было проведение помещичьим правительством крестьянской реформы 1861 г. «В России — в 1861 году… — писал В. И. Ленин, — произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом…» (2, 39, 71).

В конце 50-х годов в России сложилась революционная ситуация. Налицо были ее главные признаки: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство… 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс… привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими „верхами“,* к самостоятельному историческому выступлению» (2, *26,* 218).

Проведение реформы 1861 г. не снизило напряженность ситуации, а, наоборот, усилило ее. Оживление демократического- и освободительного движения в Европе, свободное слово «Колокола», требование политических реформ дворянством, борьба революционных демократов во главе с Чернышевским и прежде всего «возбуждение крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять „Положение“, обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять

такое „Положение“, студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» (2, 5, 29–30).

Однако, как известно, революции в то время не произошло. Для ее осуществления недостаточно одних объективных условий, требуется еще наличие субъективного фактора, т. е. наличие такого класса, который способен на «революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство…» (2, *26,* 219). В результате «освобождение» русских крестьян было осуществлено самодержавным правительством в интересах помещиков, так как последние сохраняли свои земли, юридические привилегии, политическую власть в государстве и т. п. Тот факт, что в России был избран так называемый прусский путь развития хозяйства, вызвал острейшую политическую борьбу.

Отношение к реформе было различным со стороны политических группировок. Если либералы во главе с К. Д. Кавелиным приветствовали реформу, то Н. Г. Чернышевский и весь лагерь «Современника», выступая подлинными выразителями коренных интересов крестьянства, не строили никаких иллюзий в отношении действий крепостников. Отмену крепостного права Чернышевский встретил «проклятьем молчания», в дальнейшей же своей деятельности он подверг ее решительной критике (см. 2, *1*, 289–292).

Процесс разложения крепостнической системы и складывание революционной ситуации в России определяют идейное развитие, жизнь и деятельность Добролюбова, ставшего решительно на сторону трудового народа. В то же время противоречивость, двойственность крестьянской реформы, которая, с одной стороны, представляла буржуазный переворот, с другой — сохраняла помещичье землевладение, и вытекающие из этого последствия: дальнейшее ухудшение экономического положения крестьянства, национальных меньшинств, политическое бесправие трудящихся в рамках самодержавного государственного аппарата и т. п. — все это определяет особую жизненность работ Добролюбова, как и значение выступлений других представителей революционной демократии, в ожесточенной идейной борьбе последующих десятилетий. Теоретические решения на основе материализма и утопического социализма вопросов освободительного движения, данные А. И. Герценом, И. П. Огаревым, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, воспроизводятся общественным движением 60-х годов, находят отражение в революционном народничестве,

играют видную роль в движении демократических слоев интеллигенции и крестьянства в ходе. русских буржуазных революций. Бережно относились к наследию революционных демократов, рассматривая их как своих предшественников, русские марксисты.

Биография Добролюбова не сопровождалась какими-то внешними эффектными событиями, однако это не свидетельствует о ее бедности. Жизнь и деятельность Добролюбова можно разделить на три этапа: детство и учеба в семинарии, учеба в институте, работа в «Современнике».

Николай Александрович Добролюбов родился 5 февраля 1836 г. в Нижнем Новгороде, в семье священника. В 1847 г. он поступил в высший класс Нижегородского духовного училища, в 1848 г. перешел в Нижегородскую духовную семинарию, где и учился до 1853 г.

Нижний Новгород был расположен на Волге, и это играло немаловажную роль в формировании настроений будущего критика. Вспомним, что выходцами из Поволжья были Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов. Поволжье в середине XIX в. активно вовлекается в процесс капитализации страны. Волга играет роль главного транспортного пути России. Противоречивость экономических и социальных отношений в Поволжье была особенно наглядной. С одной стороны, крупные помещики и богатые купцы, с другой — массы обнищавшего и разоренного крестьянства, работный люд, толпы вчерашних бурлаков и другие городские низы. Это все чрезвычайно обостряло восприятие Добролюбовым окружающей действительности еще в детском возрасте, понимание несправедливости и произвола, царящих в ней. К тому же Добролюбов был разночинцем; материальное и социальное положение его семьи не создавало по существу никаких преград для непосредственного соприкосновения с жизнью.

Важное значение в развитии Добролюбова имел его страстный интерес к русской и западноевропейской литературе. Знакомство с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Шекспира, Жорж Санд и многих других писателей (см. 43, 271–292. 50, 21–28) формировало самосознание юного Добролюбова, выработало благородный и отзывчивый на чужие страдания характер, развило нормы эстетического вкуса. Большое влияние на формирование высоких гражданских чувств Добролюбова оказало чтение в семинарские годы основных работ В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

Каждая прочитанная книга сопровождалась вдумчивым анализом и оценкой, что в немалой степени способствовало

раскрытию литературно-критических способностей Добролюбова. С 13 лет он пишет стихи, критические заметки, делает попытки писать прозаические и драматические произведения. Поэтому в 1853 г., объясняя причины своего стремления жить в Петербурге, Добролюбов писал, что для него «на первом плане… стоит удобство сообщения с журналистами и литераторами» (3, *8,* 453). Одновременно в последние годы учебы в семинарии Добролюбов пытается перейти от отвлеченных принципов справедливости, любви к собратьям и т. п. к критическому восприятию отдельных лиц и событий и «к более реальному требованию человеческого блага…» (3, 6, 132).

В 1853 г. Добролюбов становится студентом историко-филологического факультета Петербургского главного педагогического института. Годы учебы Добролюбова в институте совпали с бурными событиями в жизни страны: поражением России в Крымской войне, смертью Николая I, общим подъемом крестьянского движения в стране и небывалым оживлением общественно-политической борьбы в русском образованном обществе. Главным политическим вопросом было уничтожение крепостничества и характер предстоящих преобразований. Против революционно-демократического лагеря, возглавляемого после смерти Белинского Герценом и Чернышевским, выступили реакционеры всех мастей и фактически примкнувшие к ним либералы. Хотя часто борьба шла вокруг эстетики, литературы, искусства, идейно-политические позиции партий ясно осознавались. Революционеры-демократы утверждали связь литературы с жизнью, с актуальными вопросами современности. Полную формулировку эти требования нашли в магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», ставшей в середине 50-х годов настоящим манифестом революционно-демократического лагеря.

Наряду с учебным материалом Добролюбов во время пребывания в институте проявляет активное внимание к чтению литературы, критических и философских статей, публицистики. Он углубленно изучает вопросы русской словесности и истории. В это время происходит решительный переход Добролюбова на позиции материализма в философии. На процесс выработки материалистического мировоззрения Добролюбова решающее влияние оказывают работы Чернышевского, а также знакомство и беседы с ним. «С Н. Г. (Николаем Гавриловичем. — *В. Н.),* — писал Добролюбов в августе 1856 г., — мы толкуем не только о литературе, но и о философии, и я вспоминаю при этом, как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский — Некрасова, Грановский — Забелина и т. п. Для меня, конечно, сравнение

было бы слишком лестно, если бы я хотел тут себя сравнивать с кем-нибудь; но в моем смысле — вся честь сравнения относится к Ник. Гавр.» (3, 9, 248). Еще в студенческие годы Добролюбов приходит к убеждению в верности основных начал мировоззрения Чернышевского, и это определяет в дальнейшем специфику его занятий философией.

В тесной связи с выработкой материалистического мировоззрения происходил и отказ Добролюбова от симпатий к религии, осознание реакционной роли ее в обществе. Смерть родителей, последовавшая в 1854 г., ускорила этот процесс. Добролюбов остался главою многочисленной семьи, состоявшей из семерых несовершеннолетних детей, и заботы о ней не покидали его всю жизнь.

За время учебы в институте Добролюбов окончательно становится на революционно-демократические позиции. Он ненавидит самодержавие и крепостной строй, выступает в защиту угнетенных и обездоленных крестьянских масс. Разрешение всех наболевших проблем России видит он в уничтожении ига помещиков и самодержавия. Вокруг Добролюбова складывается кружок прогрессивно настроенной студенческой молодежи. Среди биографических материалов существует свидетельство преследования институтским начальством Добролюбова за чтение герценовского «Колокола». Содержание юношеских поэтических произведений наполняется пафосом (см. 54, 42). В стихотворении «18 февраля 1855 г.», написанном в связи со смертью Николая I, Добролюбов, например, призывал:

Пора открыть глаза уснувшему народу,
Пора лучу ума блеснуть в глухую ночь,
Событий счастливых естественному ходу
Пора энергией и силою помочь (5, 57).

С института начинается и литературная слава Добролюбова. В 1856 г. в «Современнике» была опубликована его большая историко-литературная статья «Собеседник любителей русского слова», написанная с позиций Белинского и Чернышевского. Статья была посвящена русской литературе второй половины XVIII в. Характерно, что о литературе этого периода неоднократно писал Белинский. И. Панаев отмечал в своих воспоминаниях, что статья Добролюбова «обратила на себя всеобщее внимание своим здравым взглядом к едкою ирониею» (27, 361). Это было началом постоянного литературного участия Добролюбова в «Современнике», «Журнале для воспитания» и «Русском иллюстрированном альманахе».

Окончив в июне 1857 г. педагогический институт, Добролюбов с конца того же года становится сотрудником «Современника», выполняя обязанности заведующего литературно-критического (библиографического) отдела. С начала 1858 г. он участвует в редактировании журнала. За время работы в «Современнике» Добролюбовым было написано несколько сот статей, рецензий, заметок, художественных произведений (см. 74, 10). В них было развито цельное и последовательное для того времени материалистическое мировоззрение, разработана революционно-демократическая политическая программа, изложены принципы утопического социализма. Статьи Добролюбова откликались на самые злободневные вопросы, пропагандировали необходимость подготовки к революционному перевороту. Все творчество Добролюбова было политически целеустремленным. Он связывал теоретические вопросы с материальными, практическими потребностями трудящихся; революционный демократизм составлял основу его деятельности. Он, как и его учитель, обладал способностью заглядывать в будущее и увлекать за собою молодежь. Благодаря этим качествам Добролюбов становится одним из вождей революционной демократии 50—60-х годов. «С ним вместе, — писал В. В. Боровский, — в русскую общественность и в русскую литературу хлынула целая рать „молодых людей“, полных энергии, жажды дела, веры в светлое будущее, любви ко всем угнетенным и обездоленным» (17, 314).

Приход Добролюбова в «Современник» усилил позиции революционных демократов и содействовал их борьбе с идейными противниками внутри редакции. Добролюбов, по свидетельству Д. В. Григоровича, находился во главе журнала «как критик, дававший камертон направлению…» (20, 271; см. также 33). Обострение борьбы революционных демократов и либералов привело к выходу из редакции ряда писателей и сотрудников во главе с И. С. Тургеневым. Однако именно после этого события усиливается влияние в обществе руководителей журнала — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, и он постоянно занимает авангардные позиции в борьбе против самодержавия, крепостничества и либерализма.

В 1857–1861 гг. были созданы крупнейшие литературно-философские труды Добролюбова — «О степени участия народности в развитии русской литературы», «Николай Владимирович Станкевич», «Первые годы царствования Петра Великого», «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «От Москвы до Лейпцига», «Литературные мелочи прошлого года», «Когда же придет

настоящий день?», «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» и многие другие. С 1859 г. Добролюбов руководил «Свистком», являвшимся сатирическим отделом «Современника».

В 1860 г. Добролюбов выезжает для поправки здоровья в Италию. Здесь он близко знакомится с политической деятельностью западноевропейских либералов и пишет ряд статей на эти темы: «Из Турина», «Два графа», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» и др. Русские либералы без труда узнавали себя в Кавуре и ему подобных деятелях. Указанные статьи имели важное политическое значение, так как способствовали формированию революционно-демократического сознания у передовой российской молодежи.

В августе 1861 г. Добролюбов вернулся в Петербург. Последним актом политического мужества тяжелобольного мыслителя была его подпись под петицией об освобождении поэта-революционера М. Л. Михайлова.

Умер Николай Александрович 29 ноября 1861 г. и был похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища рядом с могилой своего великого предшественника — В. Г. Белинского.

В условиях обострения политической борьбы вставала задача построения революционной теории, формирования мировоззрения, способного стать идейным оружием угнетенных классов. Не будучи знаком с марксизмом, Чернышевский дал относительно последовательное решение этой задачи.

Ко времени непосредственного знакомства Добролюбова и Чернышевского последний был уже сформировавшимся мыслителем, автором широко известных работ «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода русской литературы» и др. И хотя еще не все стороны мировоззрения были основательно развиты, на основе имеющихся к 1856–1857 гг. работ можно заключить, что в мировоззрении Чернышевского уже тогда присутствовали те принципы, которые получили систематическую разработку в более поздних работах, таких, как «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Антропологический принцип в философии», «Экономическая деятельность и законодательство» и др.

Выше приводились слова Добролюбова о влиянии Чернышевского на окончательное определение его позиций, в том числе философских. Следует учитывать и тот факт, что ко времени прихода в «Современник» он был знаком с опубликованными работами Чернышевского и Герцена, увлекался Белинским, прочитал основные труды Б. Бауэра, Д. Ф. Штрауса, Л.

Фейербаха (см. 50, 32–41). Поэтому нет ничего удивительного, что встреча с Чернышевским и беседа с ним выявили зрелость взглядов молодого Добролюбова. Вспоминая о первой беседе с Добролюбовым, Чернышевский писал: «…толковали мы с ним о его понятиях. Я спрашивал, как он думает о том, о другом, о третьем; сам говорил мало, давал говорить ему. Дело в том, что по статье о „Собеседнике“ мне показалось, что он годится быть постоянным сотрудником „Современника“. Я хотел узнать, достаточно ли соответствуют его понятия о вещах понятиям, излагавшимся тогда в „Современнике“. Оказалось, соответствуют вполне» (27, 162).

О чем могли идти подобные беседы, в чем состояли основные черты идеологии революционной демократии, разработанной Чернышевским? Краткое освещение этого вопроса имеет важное значение, так как взгляды Чернышевского служили подлинным фундаментом, отправной точкой разработки Добролюбовым коренных проблем революционно-демократической идеологии.

Идеология революционных демократов была тесно связана с материалистическим учением. Однако отношение выдающихся русских революционеров-демократов к философии, и в частности к материализму, было далеко не одинаковым. Продолжая развивать материалистические идеи Белинского и Герцена, Чернышевский, по существу впервые в России, видит в передовой, материалистической философии методологию, общее руководство революционно-практического отношения к действительности. Под влиянием Чернышевского Добролюбов разрабатывает такое же понимание задач и функций философии в рамках революционно-демократической идеологии. В то же время Белинский в силу особенностей русской материальной и духовной жизни 30—40-х годов XIX в. только в последний период своей деятельности начал осознавать значение материалистической философии как теоретической основы революционно-практического преобразования общественных отношений в интересах народа. Он рассматривал философию по преимуществу как способ объяснения действительности, как теоретическую основу борьбы против обскурантизма и религии и только в самых общих чертах усматривал связь определенной философской теории с материальными интересами классов и политических партий.

Представление о материализме как методологии революционно-практической деятельности позволило Чернышевскому разработать вопрос о классовом характере философии. «…Каждый философ, — пишет он, — бывал представителем какой-нибудь из политических партий,

боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ» (84, 7, 223). В полном согласии с Чернышевским Добролюбов считал, что развиваемая им материалистическая теория служит интересам крестьянства и эксплуатируемого большинства городского населения.

Связывая свою теорию с определенной позицией в политике, с интересом прогрессивных сил общества, Чернышевский и Добролюбов соединяли ее с действительной борьбой. Главной задачей теории становилось выявление путем научного исследования законов общественного развития и соразмерение с ними практической борьбы прогрессивных сил. Безусловно, эту задачу могли помочь решить только философские знания, лишенные мечтательности и фантазерства, а также тесно связанные с естествознанием. Такой системой философии, по мнению Чернышевского и Добролюбова, является философия Фейербаха. К. Маркс и Ф. Энгельс видели заслугу Фейербаха в том, что он «при… первом решительном выступлении против *Гегеля* противопоставил *трезвую философию пьяной спекуляции»* (1, 2, 139). Подвергнув критике гегелевскую систему, Фейербах «открыл тайну „системы“… уничтожил диалектику понятий — эту войну богов, знакомую одним только философам… поставил на место старой рухляди, в том числе и на место „бесконечною самосознания“ — не *„значение человека“*… а самого *„человека“*…*»* (1, 2, 102).

Чернышевский воспринимает фейербаховское понимание философии в ее отношении к действительности. Пожалуй, это наиболее существенная сторона влияния Фейербаха на Чернышевского. Чернышевский не только воспринимает, но и значительно углубляет точку зрения Фейербаха на предмет и характер философского знания. Это проявилось в выделении им критерия действительности, посюсторонности философского знания. По мнению Чернышевского, действительная жизнь человека служит основанием для единственно верного критерия различения «мнимых, воображаемых стремлений-.. от действительных и законных потребностей человеческой натуры, которые необходимо требуют удовлетворения…» (84, 2, 102). В качестве такого критерия выступает практика. Если Фейербах в своей философии остается в основном на теоретической точке зрения, то Чернышевский и под его влиянием Добролюбов в силу выделения особого значения материальной практики стремились ориентировать материалистическую философию на решение практических задач, ставили своей целью разработку научной системы мировоззренческих принципов, призванных служить теоретической основой революционного преобразования мира.

Более того, успешность революционного действия должна была послужить важнейшим критерием истинности философии. К. Маркс отмечал, что Л. Фейербах рассматривал как истинно человеческую только теоретическую деятельность, тогда как практику он брал и фиксировал в грязно-торгашеской форме ее проявления, а поэтому он не понимал «значения „революционной“, „практически-критической“ деятельности» (1, *3,* 1). Русские революционеры-демократы в значительной степени преодолели этот недостаток.

Вследствие направленности своей философии на решение практических задач Чернышевский и Добролюбов теоретически разрабатывали преимущественно те вопросы философской теории, которые во второй половине XIX в. были наиболее актуальны. К числу этих вопросов относятся прежде всего основные принципы научного мировоззрения и метода.

Важнейшей исторической задачей идеологов русского освободительного движения второй половины XIX в. был поиск научной революционной теории. Условием создания последней является разработка материалистического мировоззрения. Фундамент его составляет учение о природе, которое Чернышевский обстоятельно развивает в своих трудах. «В природе… — пишет он, — есть разнородная материя с разнородными качествами; они сталкиваются — начинается жизнь природы» (84, *2,* 154). Стремясь создать единую материалистическую теорию, включающую и материалистическую социологию, Чернышевский развивает цепь доказательств материального единства мира, что, по его мнению, предполагает единство законов и закономерностей действительности и, следовательно, позволяет распространить на область человеческих действий строго научное исследование. Единство мира он выводит из существования «разнородной материи с разнородными качествами». Добролюбов был полностью согласен с Чернышевским и уделял этим вопросам большое внимание в своих статьях. Неестественного, считали революционеры-демократы, а следовательно, принципиально недоступного научному познанию в природе, человеке, общественной жизни никогда не было и не будет. Чернышевский формулирует антропологический принцип в нравственных науках, который «состоит в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру…» (84, 7, 293). Идеализм решительно изгонялся из науки о человеке.

Важное значение для Чернышевского имели проблемы диалектики. Уже в ранних работах он стремится опереться на диалектику как метод познания окружающего мира. При этом он

осознает, что диалектика Гегеля, развиваемая на основе идеализма, имеет односторонний и непоследовательный характер. Подчеркивая выдающееся значение Гегеля в истории философии, Чернышевский в то же время считает, что он уже принадлежит истории. Так, он отмечает, что философия Гегеля была «переходом от бесплодных схоластических умствований, граничивших с апатиею [и невежеством], к простому и светлому взгляду на литературу и жизнь…» (84, *3,* 209). Этим «простым и светлым взглядом» была материалистическая точка зрения. После Гегеля в передовой философии утвердилась мысль о том, что теория познания и метод познания совпадают, а это логически приводит материалистов к необходимости широкого применения диалектики в собственных учениях. Зная мысли Чернышевского о значении диалектического метода в познании, а также работы Герцена и Белинского, Добролюбов с должным вниманием относился к диалектике.

Материалистическое учение о мире, теория познания и диалектический метод Чернышевского замыкались на социологии. Чернышевский показывает зависимость сознания людей от бытия, устанавливает связь экономики и политики, политики и философии, развивает конкретно-исторический подход к социальным явлениям, видит причины классовой борьбы в наличии частной собственности. Материальные потребности народных масс и их борьба, по мнению Чернышевского, составляют главный элемент истории. Это был крупнейший шаг в сторону исторического материализма. Важнейшие достижения Чернышевского в развитии социологии прямо или косвенно находят выражение в работах Добролюбова. Он же разделяет и ограниченность социологической теории своего учителя. Несмотря на глубокую критику буржуазной политической экономии, несмотря на выдающуюся по своему замыслу попытку разработать «политическую экономию трудящихся», Чернышевскому все же не удалось увидеть объективную основу развития общества в развитии производительных сил. Он так и не сумел прийти к научному пониманию способа производства и в конечном итоге оказался далек от научного понятия общественно-экономической формации. Это вызывало ограниченность его позиции и в вопросе о материальном единстве мира, и в вопросе о познании, в понимании диалектики. Преодолеть эту ограниченность не позволяли исторические условия, в которых жил и работал вождь русской революционной демократии. В. И. Ленин, оценивая философские взгляды Чернышевского, писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который

сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (2, *18,* 384).

Чернышевский дал социальное, экономическое, историческое и нравственное обоснование социализма. Он пришел к твердому выводу, что «экономическая история движется к развитию принципа товарищества». В своих работах «Очерки из политической экономии (по Милю)», «Капитал и труд», «Экономическая деятельность и законодательство» и др. Чернышевский доказывал преимущества экономического строя, основанного на свободном труде работников, отсутствии эксплуатации, крупном машинном производстве и общественном владении средствами производства.

Попытавшись с позиций своей материалистической философии разработать социалистическое учение и приняв во внимание материальные потребности людей, Чернышевский тем самым осознал проблему превращения социализма из утопии в науку. С целью решения этой проблемы он был занят поиском реальных форм общественного материального быта, способных выступить основой будущих преобразований. В качестве таковых для него выступали сельская община и промышленная артель. Однако это не значит, что Чернышевский связывал свои надежды на социалистическое преобразование общества с существовавшей в его время забитой и отсталой русской сельской общиной, используемой помещиками в целях более эффективной эксплуатации крестьянства. Ее отсталость была очевидным фактом для всех мыслящих людей, более или менее знакомых с экономикой. Чернышевский полагал, что только безвозмездная передача всей земли крестьянским общинам создаст возможность развития по некапиталистическому пути, превращения общинного владения вне общественного производства в общинное владение с общественным производством, что и вызовет резкое повышение производительности труда. Убедившись в грабительском характере крестьянской реформы 1861 г., Чернышевский выступил за крестьянскую революцию, которая покончила бы с самодержавно-крепостническим строем и привела бы к разделу помещичьих земель среди крестьянских общин.

Несмотря на теоретическую глубину приведенных выше положений, при всех добавлениях, сделанных его учениками, концепция социализма Чернышевского в целом не вышла из

рамок утопического социализма. Утопизм ее прежде всего заключался в переоценке возможностей русской общины устоять против натиска капитализма И выступить в качестве основы сокращенного пути России к социализму. Дальнейший ход исторического развития полностью опроверг эти надежды. К. Маркс и Ф. Энгельс допускали возможность перехода России к социализму, минуя капитализм, но необходимым условием такого перехода во второй половине XIX в. они считали победоносную пролетарскую революцию в развитых странах Европы, соединенную с крестьянской революцией в России (см. 1, *18,* 545–546, *19,* 116–121, *22,* 443–444).

Как известно, Ф. Энгельс в качестве двух важнейших открытий К. Маркса, позволивших превратить социализм из утопии в науку, называл открытие материалистического понимания истории и раскрытие механизма прибавочной стоимости, этой «тайны» буржуазного прогресса (см. 1, *20,* 26). Чернышевский только шел в направлении исторического материализма. В конечном итоге точка зрения антропологического материализма, проводимая им и его учениками в объяснении общественной жизни, наряду с ценными результатами в отдельных случаях неизбежно вела либо к натурализму, либо к идеализму.

Основой развития социологии Чернышевского в направлении исторического материализма выступала тесная связь теоретических воззрений с практически-политической деятельностью революционной демократии. Политическая позиция революционера-демократа, защитника интересов крестьянства, занятая Чернышевским, прямо обусловила формулировку им ряда важнейших теоретических положений, оказавших определяющее влияние не только на его собственную дальнейшую теоретическую работу, но и на формирование революционного мировоззрения Добролюбова. Во-первых, для осуществления будущего общественного устройства, согласно Чернышевскому, требуются определенные материальные и общественно-политические условия; необходимо, чтобы существующая форма общественного бытия была неблагоприятной для огромной массы населения, необходима высокая степень развития техники, орудий труда и т. п. Во-вторых, осуществление социалистического идеала Чернышевский связывал с деятельностью масс, овладевавших найденной социальной истиной. Борьба за осуществление социалистического идеала является проявлением классовой борьбы в современном обществе, и высшей формой ее является революция. Такая постановка вопроса обращала внимание на необходимость

пропаганды социализма в массах, требовала организации политической партии и воспитания революционеров. В. И. Ленин писал, что от сочинений Чернышевского «веет духом классовой борьбы» (2, *25,* 94).

Глава I
ФИЛОСОФСКАЯ СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИКА КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

1. ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ

В период созревания революционной ситуации в России на политическую арену выступают два выдающихся по своим способностям мыслителя, придавшие мировоззрению русской революционной демократии 50—60-х годов XIX в. относительно завершенный и цельный вид.

Идейная жизнь и политическая деятельность Добролюбова прошла рядом с Чернышевским. Он был бессменным сотрудником «Современника», у него был общий с Чернышевским круг друзей, их объединяли общие интересы. Не было такого положения в трудах Чернышевского, под которым не подписался бы Добролюбов, как и не было таких идей Добролюбова, которые не одобрял бы Чернышевский (см. 8, 206–207. 40. 66. 71. 85). Имеется много фактов, свидетельствующих о четком осознании Чернышевским и Добролюбовым полной идейной солидарности между ними.

История философии и общественной мысли знает примеры подобного творческого сотрудничества и единомыслия, однако совсем немного в истории случаев, когда бы такое сотрудничество объединяло людей, рапных по таланту, способных удачно распределять спои задачи и счастливо дополнять друг друга. В этом случае перед историко-философской наукой не стоит проблема определения приоритета одного мыслителя над другим; от нее требуется всеобъемлющее воспроизведение и объяснение философского мировоззрения, выработанного ими совместно.

Между Чернышевским и Добролюбовым существовало распределение обязанностей в редакции «Современника», «своего рода разделение труда соответственно различию их темпераментов и способностей» (82, 102; см. также 7, 25, 62, 58). После прихода в редакцию Добролюбова Чернышевский продолжал писать по вопросам филосотии, политэкономии, политики, социологии. Добролюбов сосредоточил свое внимание на критической деятельности, а также возглавил сатирическое приложение к журналу «Свисток». Подобное разделение труда кроме субъективных причин имело и определенные объективные основания. Здесь отразился факт резкого усиления идейно-теоретической борьбы между противоположными политическими лагерями в условиях острого кризиса крепостнической системы и созревания революционной ситуации в стране. В этой обстановке

возрастал круг задач идеологов революционной демократии. Требовалось вести борьбу с попытками либералов и консерваторов подчинить своему влиянию литературу, искусство, философию, общественные науки. Эта борьба приводила к ясному осознанию партийности идеологии и литературы и требовала активного использования для достижения практически-политических целей указанных форм общественного сознания. Статьи в русских журналах 50—60-х годов, писал С. А. Вепгеров, «как будто трактовали о Тургеневе, Островском, Гончарове, а на самом деле это были лирические манифесты того или другого мировоззрения» (13, 29). С другой стороны, в отмеченном разделении труда отразился факт осознания вождями русской революционной демократии необходимости перехода от теории к практике.

«Разделение труда» между Чернышевским и Добролюбовым в решении важнейших научных и общественно-политических задач не исключало, а, наоборот, предполагало создание цельного материалистического и социально-политического учения, в котором труды обоих мыслителей были совершенно необходимыми элементами[1]. Условием такой совместной работы было полное тождество социально-политической и теоретической позиции мыслителей, одинаковое понимание ими особенностей развития материалистической философии, верная оценка масштабов своей деятельности, объективных и субъективных возможностей ее. Указанную специфику деятельности Чернышевского и Добролюбова требуется учитывать при изучении их наследия.

Четкое осознание Добролюбовым общих задач, стоящих перед русской революционной демократией, обусловило последовательное проведение им единой философской и политической линии в своих критических произведениях. При этом, когда мы говорим о критической деятельности Добролюбова, то было бы неправомерно сводить ее только к анализу художественных произведений. Сам Добролюбов понимал границы критической деятельности значительно шире. В примечании к работе «Литературные мелочи прошлого года» он писал: «…слово „литература“ мы употребляем не в смысле беллетристики, а в самом обширном значении, разумея тут и поэзию, и науку собственно, и публицистику, и т. д.» (3, *4,* 59). Среди работ русского критика имеются статьи, в которых обсуждаются философские вопросы, мировоззренческие и методологические аспекты естественных и общественных наук.

В рецензии на подготовленное И. Синайским издание сочинения Ксенофонта о Сократе Добролюбов высказал мысль,

которая позволяет правильно представить понимание им предмета и задач как философии вообще, так и собственных философских изысканий. Дело в том, писал Добролюбов, что «все превосходные истины Сократова учения давно стали не новы и потеряли общественное значение…». Поэтому, упрекает он переводчика, «избирая для перевода одно какое-нибудь сочинение, не мешает позаботиться о его интересе для современного общества» (3, *2,* 115).

Добролюбов предлагает оценивать произведения прошлого степенью актуальности подымаемых в них проблем и в этой области руководствоваться необходимостью решения задач жизненных, волнующих современное общество. Истины философии прошлых времен, сколько бы они ни были великолепны и превосходны, в случае их неприменимости для современного общества теряют свой прошлый блеск, и «читать их ужасно скучно и утомительно» (там же).

Требование Добролюбовым актуальности философских исследований имеет большое значение для понимания характера его философских взглядов. Этому требованию он подчинил уже первые свои работы. Разумеется, ориентация философии на решение практических задач, стоящих перед обществом, не предполагала снижения теоретического уровня философского мышления. Такая ориентация в условиях послегегелевского периода истории философии служила единственным основанием преодоления «собственно философской» точки зрения на мир и перехода к развитию философии как научного метода и как теоретической основы научного мировоззрения.

Добролюбов использует материалистическую философию преимущественно как метод и основу решения задач нравственного и социально-психологического порядка, как надежный фундамент эстетического отношения к действительности. Он резко выступает против любых попыток пропаганды реакционной философии. Например, разоблачая выступления против науки и материализма Ю. Савича, мыслитель сквозь туман риторических фраз последнего видит основной смысл его возражений. «Вы, господа материалисты, — провозглашал Ю. Савич, — хотите основать общее благо на круговой поруке интересов, на естественной наклонности людей участвовать в делах общих. В теории вы справедливы; но ваши надежды слишком идеальны. Мы, идеалисты, подобное слияние личного интереса с общим считаем лишь блестящим исключением, которое, как редкость, отмечается в истории. Не смейте же нас уверять, что ваша наука, ваша теория довели вас до таких результатов; этого быть не может… Это уж слишком

хорошо и высоко… Где же дойти до этого вашей науке? Тут непременно нужно другое основание…» (3, 5, 188). Добролюбов ясно увидел связь подобных выступлений с интересами господствующего класса. Он осознал, что идеализм является врагом не только материализма и науки, но и направлен против социалистического учения. Осознание Добролюбовым непримиримости идеализма и социализма, даже когда она выступает не Прямо, не явно, свидетельствует о развитии им параллельно с Чернышевским принципа партийности философии и о понимании необходимой связи социалистической теории и материалистической философии. В таких статьях, как «От Москвы до Лейпцига», «О степени участия народности в развитии русской литературы» и др., Добролюбов много говорит о связи науки, литературы, политических теорий с борьбой противостоящих друг другу общественных классов. Он пишет, что в западноевропейской литературе есть множество «историй, написанных с большим талантом и знанием дела и с католической точки зрения, и с рационалистической, и с монархической, и с либеральной — всех не перечтешь. Но много ли являлось в Европе историков народа, которые бы смотрели на события с точки зрения народных выгод, рассматривали, что выиграл или проиграл народ в известную эпоху, где было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нескольких титулованных личностей, завоевателей, полководцев и т. п.? Политическая экономия, гордо провозглашающая себя наукою о *народном* богатстве, в сущности заботится только о возможно выгоднейшем употреблении и возможно скорейшем увеличении капитала, следовательно, служит только классу капиталистов, весьма мало обращая внимания на массу людей бескапитальных, не имеющих ничего, кроме собственного труда» (3, 2, 228–229).

Осознание партийности, классового характера философии и идеологии служило более глубокому пониманию революционными демократами роли материалистической философии в идейной борьбе и познании законов развития объективной действительности.

Критика идеализма Добролюбовым направлена на выявление методологической несостоятельности идеалистического решения вопросов об отношении мышления и бытия, теории и практики. При этом, имея в виду партийный характер философских систем, Добролюбов отнюдь не рассматривал указанную несостоятельность как чисто теоретическое заблуждение. «В критике враждебных революционно-демократическому лагерю философских учений Добролюбов руководствовался принципом: консерватизм в науке связан с консерватизмом в политике.

Иными словами, его подход к оценке идеологических явлений совпадает с принципом партийности теории, выдвинутым Чернышевским» (18, 406). Этим объясняется принципиально непримиримое отношение русского революционера-демократа к идеалистам, которые «созданы не ускорять, а запинать всеобщее шествие» (3, *4,* 259).

Идеалисты, или, как называет их Добролюбов, идеологи, «непременно хотят дуализма… — пишет он, — уверяя, что только чистые идеи имеют настоящую действительность…» (3, *2,* 222). Это на первый взгляд невинное пожелание влечет за собой далеко идущие последствия не только для самих идеалистов, считает Добролюбов, но и для всех людей. Поэтому он призывает «освободить жизнь от тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами» (там же). Влияние идеализма отрицательно сказывается и на понимании людьми своего отношения к природе, и на их общении друг с другом, и на их нравственности.

Идеалистическое решение вопроса о соотношении бытия и идей влечет за собой переворачивание, извращение всех действительных отношений. Это решение есть не что иное, как попытка предписать некие идеальные, умозрительные принципы живой действительности, подчинить ее им. Однако, отвечает Добролюбов, «в жизни самое трудное дело подогнать одно к другому благоприятные обстоятельства, устроив течение дел сообразно с логической надобностью» (3, *6,* 305–306). И поэтому высокомерные попытки идеализма приводят к тому, что его системы страдают отвлеченностью, являются собраниями универсальных, бездоказательных истин и противоречат здравому смыслу. По поводу «системы» Ю. Савича Добролюбов писал, что он «в своем идеализме заносится так далеко, что совершенно теряет из виду человеческие потребности и всякие условия здравого смысла» (3, 5, 186).

Идеалисты запутываются в противоречиях и не могут указать реальное содержание собственных систем. В этом случае примечательна критика Добролюбовым А. Кусакова, искавшего некие высшие аксиомы, которые могли бы служить основой абсолютно истинной философской системы. В силу того что логическими средствами нельзя доказать существование предметов материального мира и их свойств, Кусаков пытался найти такое начало, которое было бы абсолютно достоверно, т. е. не нуждалось бы в доказательствах. «В самом деле, — писал Добролюбов по поводу изысканий Кусакова, — какое философское доказательство можно привести на то, что моя рука — моя рука… Чем можно это доказать человеку неверующему?.. И пойдет бесконечная история для отыскания начала всех

начал…» (3, 2, 480). Примечательно, что логика критики агностицизма и идеализма Чернышевским в статье «Характер человеческого знания», написанной в 1885 г., напоминает логику рассуждений Добролюбова в рецензии 1858 г. на брошюру А. Кусакова. В статье Добролюбова мы видим принципиальное различие в подходах идеалистов и вождей революционной демократии к пониманию предмета, задач и характера философского знания.

По мнению Добролюбова, философия, которая выступает как основа научного мировоззрения и метода, качественно отличается от умозрительных, метафизических систем, создаваемых в прошлые времена и претендовавших на статус единственных хранительниц абсолютной истины. Такая материалистическая философия имеет творческий характер и находится в постоянной связи с развитием конкретных наук. «В наше время, — писал Добролюбов, — успехи естественных наук, избавившие нас уже от многих предрассудков, дали нам возможность составить более здравый и простой взгляд и на отношение между духовной и телесной деятельностью человека» (3, *2,* 434).

Согласно материалистической позиции, писал Добролюбов, «бытие предметов сознается нами потому только, что они на нас действуют и что, следовательно, нет возможности представить предмет без всякого действия… Общий… закон всякого действия состоит в том, что *действие соразмерно причинам*… узнавая предметы только по их действию на нас, мы только по действию можем определить и величину и значение самих предметов» (3, *2,* 482). Это краеугольное положение материалистического учения о мире и его познании. Для Кусакова взаимодействие предметов — искомая аксиома, т. е. в конечном итоге означает, что «без субъекта нет объекта» и, следовательно, объективная истина недостижима. Для Добролюбова же «в мире все подлежит закону развития… в природе все идет постепенно от простого к более сложному, от несовершенного к более совершенному; но везде одна и та же материя, только на разных степенях развития» (3, *4,* 262). Материя есть единственная субстанция, следует из суждений Добролюбова, и для своего утверждения она не нуждается ни в каких логических доказательствах; проявление сил природы есть проявление ее качеств. «Нам казалось, — писал Добролюбов, — что мы с дуализмом давно уже порешили; мы надеялись, что теперь только разве в психологии г. Кикодзе может быть разрываемо человеческое нераздельное существо… Мы думали, что недостойно образованного человека заниматься теперь серьезно антагонизмами двух противоположных начал в

мире и в человеке. С тех пор как распространилась общеизвестная ныне истина, что сила есть неизбежное свойство материи и что материя существует для нашего сознания лишь в той мере, как обнаруживаются в ней какие-нибудь силы, — с этих пор мы считали совершенно ненужными всех этих Ормуздов и Ариманов…» (3, 5, 178–179). Познавая силы природы, мы познаем саму материю, и наше знание является знанием о действительном мире. Эти положения служат подлинной основой научного прогресса, против которого тщетно боролись В. Берви, А. Кусаков и им подобные.

Материализм в понимании Добролюбова и Чернышевского отвергает не только идеалистические системы, но также и попытки создания замкнутых материалистических систем. Материализм в понимании русских революционеров-демократов включает реальное, земное содержание. Это есть учение об объективной реальности, существующей вне нас и независимо от нашего сознания. Добролюбов в статье «Сватовство Ченского, или Материализм и идеализм», возражая против попыток свести спор материалистов и идеалистов к спору об отвлеченных, метафизических понятиях, писал: «Тут, во-первых, человек удаляется в область чистой мысли, где ничто нечистое, ничто действительное не смущает его… Ничто, потому что самый *материализм* вовсе не есть *реализм;* нет, это есть не более как милое отвлечение, вроде хорошенькой модели паровоза, на которой, конечно, нельзя ехать, но для которой зато не нужно ни воды, ни дров, ни рабочих… Во-вторых, беседа об идеализме и материализме приятна тем, что здесь можно изощрять свое остроумие и диалектику в показании антагонизма этих двух начал. В-третьих, хороша она потому, что споры с противниками, не доходя до существенных, житейски важных раздражений, могут, однако ж, слегка щекотать самолюбие собеседников и чрез то приятно поддерживать разговор» (3, 5, 178).

Признаки спекулятивно развиваемого материализма, выделенные Добролюбовым, позволяют, на наш взгляд, увидеть определенные различия между Фейербахом и вождями русской революционной демократии 50—60-х годов в подходе к проблеме бытия и мышления, материи и сознания, хотя их позиции в целом довольно сходны. И Фейербах и его русские почитатели противопоставили идеализму положения последовательного материализма и передовой науки, утверждающие объективность и первичность бытия. Однако Фейербах говорил, что он определенно ставит на место бытия природу, на место мышления — человека (см. 83, 2, 882). Под природой, объяснял Фейербах, следует понимать совокупность всех чувственных сил, вещей и

существ, которые человек отличает от себя как нечеловеческое. Добролюбов и Чернышевский нигде не развивали этих мыслей Фейербаха, потому что их философия была ориентирована на решение практических задач социально-политической борьбы. В философских взглядах Чернышевского и Добролюбова, пишет В. С. Кружков, «политика занимает первенствующее место» (50, 246). Чернышевский и Добролюбов определили партийную принадлежность философии, они ставили задачу создания научной социологии, выводы которой будут соответствовать интересам трудового народа. Все это заставляло Чернышевского и Добролюбова вносить в исходные философские понятия не только естественное, но и социальное содержание. Анализ произведений Добролюбова и Чернышевского показывает, что для них бытие — это не только природа, или чувственность, но это и общественные отношения, в которые включен человек. Человек живет как индивид, преследует свои естественные цели, имеет материальные и духовные потребности, однако живет он в обществе. Революционные демократы практически делают попытку включить экономические, политические, нравственные и другие отношения в бытие, которое определяет собою сознание. Это обстоятельство объясняет, почему русские мыслители соотносили с бытием не человека, а сознание. Только совершив указанное расширение исходных философских понятий, можно было дойти до существенных, жизненно важных вопросов. Этим объясняется и последовательность философской позиции Чернышевского и Добролюбова. По сравнению с Фейербахом им свойственна более решительная материалистическая позиция (см. 62, 58).

Однако не следует расценивать отмеченную особенность понимания Добролюбовым и Чернышевским основных философских положений как переход их на позиции исторического материализма. Плеханов, отождествляя теоретические позиции Фейеобаха и Чернышевского, приводит слова К. Маркса: «Фейербах хочет иметь дело с конкретными объектами, действительно отличными от объектов, существующих лишь в наших мыслях. Но он не доходит до взгляда на человеческую деятельность, как на *предметную* деятельность» (70, *4,* 333). В. И. Ленин, тоже обратив внимание на стремление Фейербаха рассматривать не абстракцию, а конкретное, поставив на место бытия природу, на место мышления — человека, замечает: «Вот почему *узок* термин Фейербаха и Чернышевского „антропологический принцип“ в философии. И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма»* (2, 29. 64). Ленин имел здесь в

виду то обстоятельство, что попытка материалистически объяснить жизнь общества на основе «конкретного», исходя из жизнедеятельности, потребностей и интересов отдельных индивидов, не может привести мыслителя, как бы ни были значительны у него зачатки исторического материализма, к выработке научной теории развития общества, так как вне поля зрения остается подлинная основа истории, т. е. действие не подчиненных контролю человека сил экономического развития Только материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф. Энгельса является наукой о «действительных людях» и их историческом развитии. Маркс выразил это принципиальное различие двух точек зрения в одном из тезисов о Фейербахе. «Точка зрения старого материализма, — писал Маркс, — есть *„гражданское“* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество» (1, 3,4).

Приведенные выше слова Ленина об антропологическом принципе выражают общую оценку воззрений и Фейербаха и Чернышевского, а вместе с ними и Добролюбова. Все они в конечном счете представители антропологического материализма, так как в центр их философской системы был поставлен человек как единое материальное существо; доводы антропологии и других естественных наук рассматривались в качестве решающих при доказательстве этого единства. В то же время Ленин обращал внимание на необходимость подходить исторически к философской позиции Чернышевского и Добролюбова, учитывать связи их материализма с революционным демократизмом, ориентацию философии на решение практических задач освободительного движения и т. п. Например, подчеркнув в книге Плеханова о Чернышевском слова: «Подобно своему учителю (Фейербаху. — *В. Н.),* Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на „теоретической“ деятельности человечества», — Ленин замечает: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском» (2, *29,* 550).

Утверждение материалистической философии как учения об объективной реальности, существующей независимо от нашего сознания и вне его, предполагало принципиально новый подход к построению философских знаний. До сих пор, отмечал Добролюбов, везде господствует синтез. В противовес этому в философии, да и вообще в науке, критике, должен утвердиться аналитический способ суждений: вот какое дело, вот его последствия, вот его выгоды и невыгоды (см. 3, *6,* 303). Принятие «аналитического способа суждения» совершенно несовместимо с

пустой отвлеченностью!мысли. «Пора бы отстать и от отвлеченных идей, по которым будто бы образуется жизнь, — призывал Добролюбов, — точно так, как отстали наконец от телеологических мечтаний…» (3, 2, 222). В этом случае примером может служить естествознание, где давно оставлены все аллегории. Пора и философии, и литературе осознать, что «нужно сказать, да и доказать. А на слово нынче уже не верят» (3, *4.* 259). Доказательство же можно дать, убеждал Добролюбов, только одним способом: опираясь на факты. И здесь он высказывал глубоко верное материалистическое положение, содержащее в себе возможность развития всего богатства материалистической диалектики. Он писал: «Не факты нужно приноровлять к заранее придуманному закону, а самый закон выводить из фактов, не насилуя их произвольно…» (3, *4,* 258). В другом месте, а именно в статье «Луч света в темном царстве», Добролюбов еще раз выделил и конкретизировал эту мысль. «…Она (истина. — *В. Н.),* — писал он, — не в диалектических тонкостях, не в верности отдельных умозаключений, а в живой правде того, о чем рассуждаете. Дайте мне понять характер явления, — продолжал Добролюбов, — его место в ряду других, его смысл и значение в общем ходе жизни, и поверьте, что этим путем вы приведете меня к правильному суждению о деле гораздо вернее, чем посредством всевозможных силлогизмов, подобранных для доказательства вашей мысли» (3, *6,* 303).

Примечательно, что идея связи эмпирии и теории и выведения теории из фактов была уже широко известна в то время. Действительно, об этом много говорили философы и естествоиспытатели. Однако дело не только в том, отмечал Добролюбов, чтобы соглашаться с этой истиной, а в том, чтобы проводить ее на деле. «А между тем чаще всего встречаешь противоречие этой истине, и, что всего досаднее, противоречащие нередко сами торжественно проповедуют ее… А посмотришь— вывод давно уже готов у них, а факты-то так себе, ради единой только формальности выставляются напоказ» (3, *4,* 258). Стремление выводить теорию из фактов позволило Добролюбову последовательно проводить материалистическую линию в философии.

2. КРИТИКА ИДЕАЛИЗМА В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Важное место в критической деятельности Добролюбова занимают проблемы естествознания. Естествознание интересует Добролюбова в такой же мере, как и его учителя Чернышевского. Этот интерес вполне закономерен, если вспомнить, что их предшественник — Фейербах провозгласил требование органической связи философского материализма и естествознания, опоры философии на науку и замены умозрения при определении места изучаемого явления в рамках материального мира точкой зрения естествознания. Будучи продиктованными логикой развития передовой материалистической философии середины XIX в., работы Чернышевского и Добролюбова были одновременно продолжением лучших традиций русской материалистической философии XVIII–XIX вв. (М. В. Ломоносов, Я. П. Козельскнй, А. Н. Радищев, А. И. Герцен) в решении проблемы соотношения философии и естествознания. Следует особо указать на то большое влияние, которое оказали на русскую философию XIX в. «Письма об изучении природы» А. И. Герцена, в которых была поставлена задача фундаментального преобразования философского знания путем диалектического осмысления всего содержания естественных наук.

Добролюбов написал ряд статей-рецензий, посвященных в основном проблемам психологии и физиологии. Это такие статьи, как «Основания опытной психологии», «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» и др. То, что Добролюбов выбрал именно эти науки, объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, именно в психологии и физиологии сконцентрировалась в середине XIX в. борьба по поводу решения психофизической проблемы. Передовая наука решала ее в духе материализма. Материалистическое решение этой проблемы, по мнению Фейербаха и его русских последователей, давало неопровержимый аргумент в пользу материалистического решения вопроса о соотношении бытия и мышления. Во-вторых, сведение всех свойств человеческого существа к единой, материальной природе, а именно это фактически доказывали психологические и физиологические труды русских и европейских ученых, по мнению русских мыслителей, позволяло объяснить поступки и деятельность

людей вполне материальными причинами. Чернышевский опирался на эти достижения естествознания, рассматривая антропологический принцип как основу научной социологии. Добролюбов понимал материалистическое толкование природы человека и его свойств как основу духовной и нравственной целостности личности.

Четкое определение Добролюбовым значения естественных наук для дальнейшего развития материалистической философии позволило ему увидеть выражение партийности в современной ему науке. Оно проявляется в наличии диаметрально противоположных истолкований достижений науки, в попытках направить исследование по ложному пути, противопоставлении теории и фактов.

С естествознанием, которое оставило все аллегории, отмечает Добролюбов, связаны успехи в изучении природы. Эти успехи позволяют нам составить более правильный взгляд на мир, освобождают наше сознание от предрассудков (см. 3, 2, 434). Современная наука, опираясь на факты, отказывается повсеместно от мечтательных теорий и темных гаданий, тем самым сделав основным и единственным положительный метод исследования. Для передовой науки, констатировал Добролюбов, характерна тесная связь естествознания и философии. «… Естественные науки, — писал он, — сделали… огромный шаг вперед, примирившись философские рассуждения о силах природы с результатами опытных исследований над материею» (3, 2, 328). При этом он подчеркивал, что для середины XIX в. характерно не только стремление естествоиспытателей к материалистической философии, но и стремление философов-материалистов к естествознанию. «Нынешние молодые люди, — читаем мы у Добролюбова, — если уж занимаются естественными науками, то соединяют с этим и философию природы, в которой опять следуют… наиболее смелым и практическим из учеников Гегеля» (3, 2, 328–329). Опираясь на естествознание и в то же время будучи методологической основой дальнейшего развития науки, материалистическая философия сохраняет свое значение и ни в коем случае не заменяется, как утверждали позитивисты, естественными науками. Материалистические положения являются незыблемыми истинами, имеющими более широкое основание, чем истины конкретных наук, что, кстати, позволяет, заняв верную философскую позицию, отделить в естественных науках действительное содержание от фантастического.

Естественные науки обратились к материальным исследованиям, имеющим практическое значение для повседневной жизни людей. Однако как раз это совсем не по

душе идеалистам и церковникам. Добролюбов приводил взгляды «заслуженного профессора» В. Ф. Берви. Тот настаивает, писал Добролюбов, чтобы физические исследования имели в виду не познание изменений и действий материи, а отыскивали в материи дух, эфир, жизненную силу и т. п., т. е. что-нибудь «чувствам недоступное» (см. 3, 2, 330). Берви не хочет принадлежать нашему времени, продолжает он, и стремится остановить его, он надеется провести в науке средневековые, схоластические принципы. На место опытного исследования природы Берви и Другие идеалисты ставят пустую риторику, метафизику, ссылки на сверхъестественное. Они не допускают возможностей научного изучения природы и общественной жизни, а это и есть проявление их партийной позиции. Так понимал их деятельность Чернышевский, так понимал ее и Добролюбов. Не случайно он пишет статью, посвященную анализу френологических изысканий Матвея Волкова. Волков выразил грубо и прямолинейно то, о чем в завуалированной форме говорили Берви, Г. М. Кикодзе и другие русские идеалисты. С точки зрения Волкова, «„приступающего“ к френологии с приемами истинного ученого», иронически замечал Добролюбов, революционное настроение пролетариата во Франции 1847–1848 гг. можно объяснить тем, что у французов в голове сильны органы разрушительности и противоборства, а органы рассудка и благоволительности слабы (см. 3, 2, 473; 475–477). Наличие пролетариев в буржуазном обществе Волков объяснял тем, что все они глупцы, бессильны, небрежны, ленивы и т. п. Выводы френологии, иронически заключал Добролюбов, сводят изучение истории к правильному ощупыванию головы.

Критическая работа Добролюбова в отношении естествознания помогала ему не только вскрыть несостоятельность идеалистического подхода к научному познанию и доказать необходимость органической связи материализма и передового естествознания, но и позволила познакомиться с конкретными достижениями физиологии, психологии и других наук. Эти знания активно использовались Добролюбовым при решении философских проблем.

Попытка применить материалистические взгляды в теории личности обусловливала рассмотрение Добролюбовым человека с его действительными отношениями к внешнему миру. Эту проблему можно было решать в духе философии Фейербаха, приняв за основу представление о человеке, творящем из своей головы религию, философию, другие формы сознания и тем самым выражающем свою материальную природу и зависимость ее от окружающего мира. В этом случае человек, личность, точно

так же выходил бы из лона монотеистических религий, как это было в философии Фейербаха (см. 1, *21,* 298). Однако Добролюбов не пошел по пути немецкого философа. Личность имеет исторический характер, деятельность ее есть проявление и отражение определенных общественных условий и отношений. Исторический подход к личности предполагал рассмотрение ее в рамках социально-исторических отношений. Наряду с конкретными формами политической и экономической жизни общества Добролюбов в качестве важнейшего исторического образования рассматривал народ. Жизнь народа включает в себя деятельность личности, самая личность оценивается соответственно своему отношению к народу. В результате философская теория Добролюбова обогащалась фундаментальным понятием, которому не нашлось места в системе Фейербаха.

Рассмотрение личности и народа в рамках совокупности конкретно-исторических условий жизни общества обусловливает интерес Добролюбова к истории, педагогике, а также заставляет его, как и Чернышевского, анализировать события политической жизни Западной Европы и России середины XIX в.

Критическое рассмотрение исторических работ и идей идет у Добролюбова под знаком распространения па них «реалистического» подхода, который, по мнению мыслителя, должен быть наиболее существенным признаком материалистического учения, выражающим неразрывную связь его содержания с объективной действительностью, а также принципиальную направленность материализма на научное познание природы и общества и их практическое преобразование. «Реализм» в исторической науке, полагал Добролюбов, требует тщательнейшего изучения фактов, «история не сочиняется, — писал он, — а составляется по данным, сохранившимся более всего в письменных памятниках» (3, 2, 256).

Презирая изучение конкретных фактов, говорил он, историки искажают события, смешивают «общие теоретические положения с точкой зрения действительности…» (3, 2, 386), не могут увидеть сущность явлений и таким образом часто оказываются не в состоянии отличить форму события от его содержания. Это приводит историков к неумению постичь явление в его целостности и противоречивости. Например, Н. М. Карамзин в своей работе «История государства Российского» противопоставляет народную свободу государственному порядку, не учитывая, замечает Добролюбов, что они дополняют друг друга (см. 3, 2, 256). Историк Н. Устрялов тоже абсолютизирует государственную точку зрения на русскую историю. Подобная

односторонность присуща и многим европейским историкам. Пренебрежение в исторической науке жизнью народа, его историческим развитием превращает ее в описание деяний без раскрытия внутреннего смысла их. Рассуждая, например, о времени поздней империи в Древнем Риме, историк много говорит о роскоши и развращении нравов, но, как и почему возникает эта роскошь, объяснить вразумительно не может. То же касается причин появления отдельных великих личностей, причин их поразительных успехов и т. п.

Первым и самым главным в исторической науке является реальный, действительный факт. Явления, действительно совершившиеся, характеризуют быт народа и нравы общества (см. 3, 6, 153). История рассматривает внутреннюю естественную связь событий. История прежде всего должна быть историей народа (см. 12, 93. 35, 271).

Реалистическое понимание исторической науки приближало Добролюбова к пониманию подлинной сущности исторических событий. Он хвалит русского писателя XVII в. Г. Котошихина за объяснение многочисленных недостатков жизни России отношениями различных классов между собой (см. 3, 2, 248). Другой русский публицист и общественный деятель, И. Посошков, принимается, по словам Добролюбова, за рассуждение о народном богатстве, а «этот… предмет составляет науку, служащую венцом всех… общественных наук» (3,2.251).

Критическую деятельность Добролюбова в отношении истории дополнял анализ политических установок и деятельности либералов. Добролюбов раскрывал классовые основы либеральной идеологии в России и на Западе. Он писал, например, что западноевропейское общественное мнение, о котором так любят говорить русские либералы, не интересуется нуждами народа, да к тому же оно и не имеет реальной силы (см. 3, *5,* 466). Добролюбов показывал и методологическую беспомощность либеральных теоретиков. Она вызывается рядом причин. Прежде всего либералы недооценивают конкретные, жизненные факты. Они дорожат своими отвлеченными воззрениями, им «важнее общие принципы, чем простая жизненная правда, — писал Добролюбов. — Они… пишут благородные статьи затем, чтобы любоваться логическим построением своей речи; говорят смелые вещи, чтобы прислушиваться к благозвучию своих фраз… Но что далее, какая цель всего этого читанья, писанья, говоренья — они или вовсе не хотят знать, или не слишком об этом беспокоятся» (3, *4,* 336). Более того, анализируя итоги судебного процесса французского буржуазного либерала графа Монталамбера, Добролюбов делал

вывод, что либералы часто боятся факта или его последствий. Они боятся народной свободы, они боятся правительства и т. п. А ведь народ к нравственному развитию и к улучшениям материального быта, писал Добролюбов, ведет «путь жизненных фактов, никогда не пропадающих бесследно, но всегда влекущих событие за событием, неизбежно, неотразимо. Факты жизни, — продолжал он, — не пропускают никого мимо… Холод и голод, отсутствие законных гарантий в жизни, нарушение первых начал справедливости в отношении к личности человека — всегда действуют несравненно возбудительнее, нежели самые громкие и высокие фразы о правде и чести…» (3, 5, 250). Здесь Добролюбов вполне определенно говорил о жизненных фактах, определяющих развитие революционной ситуации в стране, — самодержавном произволе, крепостничестве, угнетении народа. Именно остроту этих жизненных фактов стремились сгладить либералы.

Боязнь реальной жизни приводит либералов к тому, что они приписывают свои отвлеченные представления окружающей действительности. Выдавая желаемое за действительное, либералы к фактам народной жизни часто причисляли все те планы и предположения, которые они вырабатывали на бумаге, а это могло привести их к довольно забавным практическим последствиям. Дело в том, говорил Добролюбов, что такие разглагольствования, исследования, комитеты и т. п. «совершенно ничего не значат пред твердым и могучим ходом жизни, не спрашивающей у нас никаких программ» (3, *6,* 154). Конечно, Добролюбов не сводил узость воззрений либералов к их философской необразованности. Так, например, французским либералам середины XIX в. нельзя было отказать в стремлении поговорить о деспотизме Луи Наполеона. «А о чем говорить этим господам, ненавидящим suffrage universel и боящимся народной свободы пуще всякого деспотизма?»— спрашивал Добролюбов. Дело, таким образом, не в теоретических познаниях, а в практических устремлениях, в политических целях тех общественных сил, выразителями интересов которых выступают либералы.

Выяснив социальную сущность либерализма и указав на его методологические приемы, Добролюбов и Чернышевский сумели дать систематическую критику идеологии и политики как русского, так и западноевропейского либерализма.

Критическому анализу были подвергнуты также и экономические взгляды либералов. Чернышевский в статьях «Капитал и труд», «Экономическая деятельность и законодательство» и др., Добролюбов в статье «От Москвы до Лейпцига» подчеркнули буржуазно-апологетический характер

защищаемого либералами принципа свободы капиталистического предпринимательства, показали неосновательность суждений о вечности частной собственности и капиталистического способа производства в целом, развенчали попытки затушевать острейшие социально-классовые противоречия буржуазного общества. Критика экономических идей западноевропейских либералов дополнялась критикой экономической программы русских либералов. Чернышевский и Добролюбов показали, что русские либералы, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и сласти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти (см. 2, *20,* 174). Революционеры-демократы раскрывали буржуазную сущность и антидемократический характер буржуазно-парламентского строя, служащего конечным государственно-правовым идеалом западноевропейских и русских либералов. В знаменитых статьях Добролюбова «Письмо из Турина», «Жизнь и смерть графа Камило Бензо Кавура» и др. раскрыта вся неосновательность политических представлений либералов, высмеяны попытки буржуазных политиков выставить себя выразителями народных интересов. На основе анализа событий бурной истории Западной Европы 30—60-х годов Чернышевский и Добролюбов показали ограниченность, классовый характер буржуазных свобод. Критика либерализма, как «одного из главных врагов революции» (59, 28), составляет лейтмотив почти всех крупных работ Добролюбова; он развенчал тип либерала в мелочных «обличителях», в умеренных «зрелых людях» и т. п., наконец, он создал собирательный образ русского либерала — обломовца. Чернышевский и Добролюбов сумели правильно определить основные признаки либерализма. Борьба против либерализма составляет их крупнейший вклад в русское освободительное движение.

Анализируя сложившееся в конце 50-х годов в Западной Европе социально-политическое и экономическое положение, Добролюбов отмечал тщетность попыток либеральной литературы представить дело таким образом, что сила общественного мнения, покоящегося на политической организации буржуазного общества, в состоянии уничтожить всю социальную несправедливость. Пресловутое «общественное мнение» есть мнение известного своекорыстного кружка, т. е. буржуазии, и поэтому «оно и не принимает слишком близко к сердцу те действия, даже самые произвольные, и несправедливые, которые касаются низших классов народа… а с другой стороны, и сам произвол не слишком смущается неблагоприятным мнением тех, которые сами питают наклонность к эксплуатации массы

народной… Если рассматривать дело ближе, — продолжал Добролюбов, — то и окажется, что между грубым произволом и просвещенным капиталом, несмотря на их видимый разлад, существует тайный, невыговоренный союз…» (3, *5,* 466).

Несмотря на то что Добролюбов, как и Чернышевский, не обладая материалистическим пониманием истории, не сумел достаточно последовательно провести диалектический принцип развития в исследовании жизни общества, все же, сознательно применяя диалектический метод, он дает довольно верные оценки ряда явлений современной ему жизни.

Объясняя тот факт, что лозунги победившей буржуазии в своей сущности оказались совместимыми с произволом, против которого она ранее боролась, Добролюбов писал: «Самая борьба городов с феодализмом была горяча и решительна только до тех пор, пока не начала обозначаться пред тою и другою стороною разница между буржуазией и работником» (3, 5, 466). Такое объяснение было значительным шагом мыслителя к осознанию диалектики общественного сознания, так как основой смены понятий в общественной жизни выступает борьба классов, преследующих свои материальные интересы. «Вообще, — подчеркивал Добролюбов, — с изменением форм общественной жизни старые принципы тоже принимают другие, бесконечно различные формы, и многие этим обманываются. Но сущность дела остается всегда та же…» (3, 5, 467).

Подвергая критике буржуазную историческую науку, Добролюбов руководствовался положением о том, что в обществе всегда шла борьба антагонистических классов. «Борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории… — писал он. — Массы народные всегда чувствовали, хотя смутно и как бы инстинктивно, то, что находится теперь в сознании людей образованных и порядочных», что «есть только люди трудящиеся и дармоеды» (3, *3,* 314–315). Поэтому историка должны занимать права рабочих классов и формы тунеядства господствующего класса (см. там же). Основа деления общества на классы заключается, по мысли Добролюбова, в порядке распределения благ природы между людьми (см. 3, *6,* 176–177). В этом случае он разделял ограниченность всех домарксистских теоретиков, так как не увидел, что коренные причины классового деления общества находятся в способе производства. Однако в отличие от буржуазных философов и экономистов Добролюбов не считал сложившиеся отношения вечными. История, полагали Добролюбов и Чернышевский, имеет тенденцию к освобождению труда. Источником этого движения является классовая борьба трудящихся, конечная цель его — социализм.

3. ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Исходным пунктом развития русской демократической литературы Чернышевский и Добролюбов считали гоголевский период ее истории. В то время литература в художественном, эстетическом отношении стала переходить на позиции реалистического изображения действительности, начала народности проникают в литературу. Пушкин первый сумел показать доступность действительности изображению поэтическими средствами. Гоголь сближает литературу «с стройностью простой, чистой народной жизни, мало испорченной чуждыми влияниями и еще способной к обновлению на началах правды и здравого смысла» (3, 2, 262–263). Лермонтов сумел понять, что спасение общества от ложного пути находится в народе (см. 3, *2,* 263). Однако, несмотря на эти успехи, писал Добролюбов, «если окончить Гоголем ход нашего литературного развития, то и окажется, что до сих пор наша литература почти никогда не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений» (там же).

Возникает вопрос: что же придает особую историческую ценность гоголевскому периоду русской литературы? Чернышевский и Добролюбов единодушно отвечали: деятельность В. Г. Белинского. «За Гоголем, — писал Добролюбов, — возвышался гениальный критик его, энергически громко и откровенно объяснивший России великое значение ее национального писателя». Под знаменем Белинского и Герцена литература выступила против неправды и застоя, «от них заимствовала она свою энергию и жизнь» (3, *2,* 219). Белинский показал общественное значение русской реалистической литературы, сделал ее составной частью революционно-демократической пропаганды.

Русская литература в последующее после Белинского десятилетие была занята распространением идей добра и правды, «завоевывала себе кружок людей, со всею энергией правды и молодости отдавших себя на служение правому делу, чтоб при первой возможности честно и правдиво послужить ему» (3, *2,* 220). Это большая заслуга литература. Однако, согласно Добролюбову, она может стать еще больше, «если интересы, возбужденные литературою, проникнут наконец в массы народа» (там же).

В то же время Добролюбов предупреждал, что нельзя успокаиваться на достигнутых успехах передовой литературы. Жизнь на протяжении прошедших десяти лет бурно изменялась, а

литература во внутреннем содержании не подвинулась вперед, т. е. она еще не служит, если следовать логике Добролюбова, «выражением народной жизни, народных стремлений» (3, *2,* 263). Для выполнения этой задачи одной пропаганды принципов добра и правды, выступлений против злоупотреблений, привлечения отдельных героев на сторону прогресса уже недостаточно. Движение жизни меняет взгляд на литературу и ее назначение.

Продолжая линию Белинского, Добролюбов попытался превратить литературу и критику в неотъемлемую часть революционно-демократической идеологии в новых исторических условиях. Как в свое время Белинский указал на общественное значение литературы, так в 50-х годах Добролюбов пытался ориентировать ее па выяснение условий и путей преобразования материальной и духовной жизни народа.

Публицистичность литературно-критического творчества Добролюбова является очевидной (см. 30, 62. 47, 292 и др.). В то же время, будучи публицистом по призванию, Добролюбов был также *«прекрасным литературным критиком»* (70, 5, 683). Эта точка зрения поддерживается большинством исследователей наследия Добролюбова (см. 23, 8–9. 82, 36 и др.). Любые попытки противопоставить указанные стороны деятельности Добролюбова могут только свидетельствовать о метафизическом, неисторическом подходе к его литературно-критическим взглядам и к пониманию эстетической концепции русских революционных демократов вообще[2]. В этой концепции эстетические вопросы рассматривались в их органической связи с нравственной и социально-политической проблематикой. Это было прямым продолжением линии Белинского в русской критике, осуществлением его требований, определенно выраженных им не раз в последние годы (см. 45, 273). «В действительности, — пишут М. Ф. Овсянников и З. В. Смирнова, — публицистичность составляла не слабость, а силу „реальной критики“… Публицистичность литературной критики принадлежит к тем великим традициям революционно-демократической критики и эстетики, которые наследует и продолжает советская критика» (65, 410).

Переоценка Добролюбовым и Чернышевским роли и значения литературы в общественной жизни и выделение ее положительных функций в рамках революционно-демократической идеологии сопровождались острой критикой так называемой обличительной литературы. Эта критика в 50—60-х годах стала чрезвычайно актуальной задачей.

В литературе и публицистике 40—50-х годов большое значение имели критика и осмеяние отдельных язв, темных

сторон российской действительности, раскрытие ужасов помещичьего гнета и самодержавно-крепостнического произвола. С формированием идеологии революционной демократии эта критика существенно усиливается. Особенный всплеск и звучание она получила после начала герценовского издания «Полярной звезды» и «Колокола». В. И. Ленин в работе «Памяти Герцена» отмечал исторические заслуги великого публициста, обличителя существующего строя и пропагандиста революционных идей. В частности, он писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. „Полярная звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“ (1857–1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» (2, *21,* 258–259).

Однако дальнейшее углубление кризиса самодержавно-крепостнического строя проявило и негативные стороны «обличительной литературы». Под влиянием социально-экономического кризиса существующего строя происходит определенное изменение политических условий, перестановка общественных сил и в соответствии с этим распространение новых взглядов, идей и исчезновение старых, бывших еще вчера чрезвычайно оппозиционными и даже революционными. Все это привело к тому, что если в 40-х — начале 50-х годов обличения в литературе носили в целом характер антикрепостнический и демократический, то в эпоху Чернышевского и Добролюбова обличениям часто была присуща «нежность неслыханная, доходящая до приторности… В таком виде, — говорил Добролюбов, — представляются нам почти все русские обличители. Кричат, кричат против каких-то злоупотреблений, каких-то дурных порядков… подумаешь, у них на уме и бог знает какие обширные соображения. И вдруг, смотришь, у них самые кроткие и милые требования; мало этого — оказывается, что они и кричат-то вовсе не из-за того, что составляет действительный, существенный недостаток, а из-за каких-нибудь частностей и мелочей» (3, *4,* 50–52). «Обличительная литература» становится главным оружием либералов. В конце 50-х годов к такому «обличительству» приближался и Герцен, по крайней мере его тянули к нему либералы. Поэтому критика Чернышевским и Добролюбовым обличительной литературы была в определенной степени направлена против редактора «Колокола», против его оценок политических сил тогдашней России и предлагавшихся им методов решения социальных вопросов. В то же время следует заметить, что отношение к Герцену со стороны Чернышевского и Добролюбова и в этот период отличалось от их отношения к либералам. Как известно, они предприняли практическую

попытку найти общий язык с Герценом, освободить его от иллюзий либерализма. В дальнейшем, уже в 1861–1863 гг., Герцен полностью осознал ошибочность своего прежнего отношения к либералам. Это было результатом того, что, по словам В. И. Ленина, «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все жебрал в нем верх» (2,2/, 259).

Добролюбов высмеивал либеральную обличительную литературу за ее мелочность, за ее отсталость по сравнению с общим движением общества, указывал, что либеральные «обличения» только наносят вред развитию российской действительности. За насмешки над обличительной литературой и либеральными восторгами по поводу общественных успехов русской литературы либералы обвиняли Чернышевского и Добролюбова в том, что они будто бы отвергают всякое значение литературы для общества. В действительности это было не так. Добролюбов не отвергал общественного значения даже обличительной литературы. В письме к С. Т. Славутинскому он писал: «Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи и чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: „Да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше…“» (3, *9,* 408). Важно учитывать, считал Добролюбов, характер критики и ее направленность, важно группировать факты, вскрывать существенные пороки общественной жизни. Однако более важное значение литературы, можно сказать ее положительное значение, Добролюбов видел в тех возможностях познания общественной жизни, которые она способна реализовать. При этом познавательное значение литературы предполагало одновременно выполнение ею воспитательных функций.

Либеральные воззрения на роль литературы в жизни общества являются в своей сущности идеалистическими. «Книжные приверженцы литературы, — говорил Добролюбов, — очень горячатся за нее, считая прекрасные литературные произведения началом всякого добра. Они готовы думать, что литература заправляет историей, что она изменяет государства, волнует или укрощает народ, переделывает даже нравы и характер народный; особенно поэзия, — о, поэзия, по их мнению, вносит в жизнь новые элементы, творит все из ничего» (3, 2, 220). В действительности такое мнение является ошибочным. Поэзия,

наука, искусство, подчеркивал Добролюбов, слагаются по жизни, а не наоборот. Например, «книжные приверженцы литературы» ссылаются на выдающееся значение для истории общества великих поэм древности. Однако, замечает Добролюбов, «несмотря на все величие гомеровских рапсодий, героический век, с своими богами и богинями, не явился в Греции во времена Перикла…» (3, *2,* 221). Единственное, что достойно нашего внимания в этих поэмах, писал Добролюбов, — это те части их, в которых отразилась живая действительность. «Самые заблуждения, какие мы в них находим, интересны для нас потому, что некогда они не были заблуждениями, некогда целые народы верили им и по ним располагали жизнь свою» (там же). Этот отрывок важен для понимания реалистической концепции эстетики Добролюбова, в основе которой лежали материалистические принципы[3].

Добролюбов противопоставляет реалистические произведения произведениям, рожденным отвлеченным поэтическим воображением. «Там видна жизнь своего времени, — пишет он, — и рисуется мир души человеческой с теми особенностями, какие производит в нем жизнь народа в известную эпоху; а здесь ничего нет, кроме праздных выдумок, стоящих в разладе с жизнью…» И Добролюбов в связи с этим формулирует важный закон материалистической эстетики: «…все, что в поэзии является лишним против жизни, т. е. не вытекающим из нее прямо и естественно, все это уродливо и бессмысленно. Что отжило свой век, то уже не имеет смысла…» (3, 2, 221–222). Изменения жизни общества вызывают изменения в поэзии и заставляют иначе смотреть на поэзию.

Под этим углом зрения Добролюбов рассматривает весь путь развития литературы. В древности, когда человечество во всем видело какие-то таинственные силы и олицетворяло их в чудовищных размерах, тогда и в поэзии мы видим те же чудовищные формы и ту же подавленность человека внешними силами. В дальнейшем природа в поэзии представлялась антропоморфически. Особый интерес вызывает развитие литературы в классовом обществе. Здесь литература обращается к общественным интересам. «Разнообразие этих интересов и успехи борьбы из-за них определяют дальнейшее развитие литературы» (3, 2, 224). В этом развитии литература классового общества ярко проявляет свою двойственность. С одной стороны, она выражает народные стремления, выражает народные интересы, с другой — она воспевает, по слонам Добролюбова, искусственные, нелепые устремления класса победителей, т. е. эксплуататоров. Представления Добролюбова об искусственном характере

учреждений, стремлений и понятий буржуазии, как победившего класса, являются проявлением теоретической ограниченности понимания жизни общества на основе антропологического материлизма. То же самое относится и к пониманию Добролюбовым места в жизни общества других эксплуататорских классов — рабовладельцев, феодалов. Здесь представления мыслителя напоминают идеи просветителей XVIII в. Довольно подробное критическое рассмотрение указанных представлений Добролюбова дано в статье Плеханова «Добролюбов и Островский» (см. 70, 5, 662–681). Однако выделение полярности отражения в литературе материальных отношений борющихся классов играло важную методологическую роль в революционно-демократической эстетике. «…Взгляд его (Добролюбова. — *В. Н.)* на литературу определенно классовый». — отмечает П.И. Лебедев-Полянский (25, 67). Фактически Добролюбов приходит к выводу о существовании в действительности двух культур, двух литератур: культуры и литературы народной и культуры и литературы «победившего класса», т. е. рабовладельцев, помещиков и буржуа соответственно. В особенности классовый характер литературы заметен на примере западноевропейской литературы буржуазного периода. Там, как и в пауке, нет голоса народа. Светская, аристократическая литература чужда народу, его интересам.

Аналогично западноевропейской развивалась и русская литература. Если во времена сравнительно давние, писал Добролюбов, существовала поэзия народная, так как не было разлада между жизнью семейной и государственной, то с установлением феодально-крепостнических отношений народная поэзия была потеснена «книжной литературой». Последняя не имела жизненной силы, не могла проникнуть в самый дух народа и, таким образом, была лишена народности русской. Согласно Добролюбову, для русской литературы XIII–XVI вв. было характерно бессилие перед существующим фактом и бессмысленное подчинение ему. И хотя начиная с Котошихина под влиянием развития жизни общества произошло определенное движение в литературе, так как в ней появились отголоски на явления общественной и государственной жизни, все же русская литература, делал вывод Добролюбов, еще далека от реализации в полной мере начала народности. Это проявляется прежде всего в том, что массе народа чужды наши интересы, непонятны наши страдания, забавны наши восторги. Угнетенному народу, писал Добролюбов, занятому заботой о прокормлении полумиллиона читающего люда, к сожалению, нет вовсе дела до художественности Пушкина (см. 3,2,227). К тому же и русская

литература середины XIX в. все более и более проникается, по наблюдению Добролюбова, «духом парциальности», т. е. приобретает не только ярко выраженный партийный характер, но и становится орудием в руках определенных классов и сословий, преследующих всегда частные интересы. До того же, писал Добролюбов, русские люди часто смотрели на литературу как на потеху.

Таким образом, два принципа — реализм и народность составляют, согласно Добролюбову, основу такой эстетической концепции, которая в полной мере позволит угнетенному, эксплуатируемому большинству использовать литературу в своих интересах.

Литература не имеет деятельного значения в жизни общества, писал Добролюбов. Она только «предполагает то, что нужно сделать, или изображает то, что уже делается и сделано» (3, *6,* 309). Необходимым качеством литературы должна быть правда. Правда — это первое условие реалистического произведения, однако достоинство произведения нельзя свести только к этому качеству. О достоинстве произведения, согласно Добролюбову, «мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся» (3, *6,* 311). Кроме правды достоинство произведения предполагает наличие и высоких художественных характеристик. Но и это еще не дает высшего достоинства. Его можно достичь только в результате гармоничного сочетания двух вышеуказанных принципов — реализма и народности.

Добролюбов следующим образом формулировал критерий достоинства произведения. «…По принятому нами критерию, — писал он, — мы различаем авторов, служащих представителями естественных, правильных стремлений народа, от авторов, служащих органами разных искусственных тенденций и требований» (там же). Принцип народности, таким образом, в понимании Добролюбова не означал только изображение жизни простого народа. Простой народ изображали многие русские писатели. Однако мы помним слова Добролюбова о том, что даже Гоголя нельзя считать подлинно народным писателем. Литература становится народной, ее ценность и значение в общественной жизни возрастают в том случае, считал критик, когда она выражает те стремления, которые уже пробудились в народе или должны пробудиться в результате происходящего в обществе движения. Литература отражает те идеи, которые бродят в обществе, а степень успеха писателя определяется тем, насколько он сумел выразить общественные интересы и стремления. «Прочный же успех остается только за теми

явлениями, которые захватывают вопросы далекого будущего или в которых есть высший, общечеловеческий интерес, независимый от частных, гражданских и политических соображений» (3, *4,* 56).

Добролюбов довольно подробно рассматривал вопрос о соотношении философии и литературы, точнее, о соотношении философского и художественного способов постижения действительности.

Вопрос о соотношении философии и литературы имеет, судя по логике рассуждений Добролюбова, два аспекта. Причем в обоих случаях литературе принадлежит служебная роль.

В первом случае литература часто дает толчок мысли философа. Существенная разница между талантом художника и мыслителя, замечает Добролюбов, заключается в способе отражения действительности. «В сущности, — писал он, — мыслящая сила и творческая способность обе равно присущи и равно необходимы — и философу и поэту. Величие философствующего ума и величие поэтического гения равно состоят в том, чтобы при взгляде на предмет тотчас уметь отличить его существенные черты от случайных, затем — правильно организовать их в своем сознании и уметь овладеть ими так, чтобы иметь возможность свободно вызывать их для всевозможных комбинаций» (3, 5, 22). Но художник обладает более живой и сильной восприимчивостью, чем философ. Он поражается самым первым фактом известного рода, он еще не может объяснить этот факт теоретически, но уже видит, что тут есть что-то особенное. Художник усваивает указанный факт как единичное представление, потом присоединяет к нему другие однородные факты и образы и создает тип, «выражающий в себе все существенные черты всех частных явлении этого рода, прежде замеченных художником» (там же). Мыслитель, обладающий меньшей восприимчивостью, проходит вначале мимо этого факта, как мимо странной случайности, и займется им только тогда, когда таких фактов наберется много. И вот уже здесь мыслитель составляет из этих фактов общее понятие, располагает его в ряду других идей, делает из него выводы и т. п. Приняв во внимание познавательные функции реалистической литературы, Добролюбов указывал на ее важнейшее общественное значение. «Таким образом, — пишет он, — совершенно ясным становится *значение художнической деятельности в ряду других отправлений общественной жизни:* образы, созданные художником, собирая в себе, как в фокусе, факты действительной жизни, весьма много способствуют составлению и распространению между людьми правильных понятий о вещах» (там же). В художественном произведении главным достоинством становилась правда,

выражающая необходимость, закономерность, существенность явления, потому что если в качестве основы мышления примем случайные, ложные черты действительной жизни, то и получим ложные понятия.

Наряду с вышеизложенным не менее важным является, по мысли Добролюбова, и второй аспект соотношения философии и литературы. «…Литература, — говорится в статье „Луч света в темном царстве“, — представляет собою силу служебную, которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует» (3, *6,* 309). В этом случае литераторы обычно проводят в сознание масс то, что открыто передовыми деятелями человечества, раскрывают и проясняют людям то. что в них живет еще смутно и неопределенно. Это не значит, что литератор просто заимствует у философа идеи и затем их пропагандирует. «…Оба они действуют самостоятельно, — уточнял Добролюбов, — оба исходят из одного начала — действительной жизни, но только различным образом принимаются за дело» (3, *6,* 310). Философ, замечая, например, недовольство людей своим положением, пытается связывать факты и найти начала преобразования жизни. Литератор рисует картину этого недовольства «так живо, что общее внимание, остановленное на ней, само собою наводит на мысль о том, что же именно им нужно» (там же). Результат получается один и тот же, однако история литературы свидетельствует, говорил Добролюбов, что, за немногим исключением, литераторы обыкновенно опаздывают в художественном выражении новых идей. По мнению критика, и эта особенность литературы чрезвычайно важна. Дело в том, пишет он, что литераторы, будучи менее чуткими, чем философы, к новизне идей, «подмечают и рисуют возникающее движение тогда уже, когда оно довольно явственно и сильно. Зато, впрочем, — продолжал он, — они ближе к понятиям массы и больше имеют в ней успеха: они подобны барометру, с которым всякий справляется, между тем как метеоролого-астрономических выкладок и предвещаний никто не хочет знать» (там же). Выступая в роли пропагандиста передовых идей, литература, считал Добролюбов, не должна терять своего главного качества — правды. Правда художественного произведения выступает в форме логической правды, т. е., пояснял Добролюбов, проявляется в разумной вероятности изображаемых событий и сообразности их с существующим ходом дел. В соответствии с этим Добролюбов в своих статьях «никогда не решался навязывать произведениям чисто литературным умышленно тенденциозного характера» (60, 58).

Определение Добролюбовым функций литературы в рамках общественной жизни показывает, в какой степени ему удалось провести принципы материализма в понимании специфики художественного восприятия мира. Выделенные им аспекты на роль и назначение литературы в общественном сознании играли важное значение в деятельности революционных демократов 50—60-х годов. Дело в том, что, будучи не в состоянии с позиций антропологического материализма провести всесторонний и подлинно научный анализ окружающей их жизни, они часто были вынуждены довольствоваться отражением реального движения в литературе, хотя косвенный и приблизительный характер подобного источника они, несомненно, осознавали.

Рассмотрение соотношения философского и художественного восприятия действительности неизбежно влекло за собой рассмотрение вопроса о роли философского мировоззрения в творчестве писателя. Этот вопрос был актуальным для понимания сущности развития русской литературы, приобретал большую злободневность в ходе борьбы за влияние в русской литературе, разгоревшейся в 50—60-х годах между различными общественными силами. Русская литература в тогдашних условиях превращалась из «потехи» в серьезное идеологическое средство классовой борьбы.

Миросозерцание талантливого художника, согласно Добролюбову, есть то общее его произведений, что характеризует их и отличает от произведений других писателей. Однако попытки выразить это миросозерцание в отвлеченных формулах редко могут привести к ощутимым результатам. «Отвлеченностей этих, — пишет Добролюбов, — обыкновенно не бывает в самом сознании художника; нередко даже в отвлеченных рассуждениях он высказывает понятия, разительно противоположные тому, что выражается в его художественной деятельности, — понятия, принятые им на веру или добытые им посредством ложных, наскоро, чисто внешним образом составленных силлогизмов. Собственный же взгляд его на мир, — продолжал Добролюбов, — служащий ключом к характеристике его таланта, надо искать в живых образах, создаваемых им» (3, 5, 22). Автор может придерживаться каких угодно мнений, считал Добролюбов, лишь бы талант его был чуток к жизненной правде. Только в таком случае он может выразить известную идею или стремление, так как он будет изображать те факты действительности, из которых эта идея или стремление вытекают. Философия Сократа и комедии Аристофана, приводил пример Добролюбов, выражали одну общую идею — разрушение древних верований. Но Аристофан достигает своей цели изображением картины нравов

своего времени. Он с помощью художественных средств приводит нас к тому, что Сократ и Платон доказывают философским образом. Художник мыслит конкретными образами, мыслитель — отвлеченными понятиями, «но существенной разницы между истинным знанием и истинной поэзией быть не может: талант есть принадлежность натуры человека, и потому он, несомненно, гарантирует нам известную силу и широту естественных стремлений в том, кого мы признаем талантливым» (3, 6, 313). Известная натуралистичность и просветительство, неизбежные при рассмотрении общественной жизни на основе антропологического материализма, особенно заметны в этом рассуждении Добролюбова о соответствии «естественных стремлений» талантливой натуры нормальным требованиям человеческой природы и «естественным» потребностям народной жизни. В такой форме он раскрывал действительно существующее соответствие между творчеством талантливого писателя и потребностями общественной жизни. Точка зрения Добролюбова позволяла связать развитие русской реалистической литературы с революционно-демократической идеологией, однако не раскрывала действительных причин ее возникновения. Плодотворной была попытка объяснения появления талантливого произведения процессом взаимодействия писателя и общества.

Обоснование реалистической литературы с точки зрения антропологического материализма позволяет, полагал Добролюбов, объяснить факты поразительных успехов литературы, когда она далеко опережала и философию и науку. Дело в том, что некоторые деятели литературы, отмечал Добролюбов, были настолько одарены природою, что «естественные стремления говорили в них чрезвычайно сильно, незаглушаемо» (3, *6,* 308). В качестве примера такого писателя Добролюбов рассматривал Шекспира, литературная деятельность которого «подвинула общее сознание людей на несколько ступеней». В этом взгляде на Шекспира, а также на творчество Данте, Гёте, Байрона отразилась высокая оценка Добролюбовым гуманистических идей.

Отрицание Добролюбовым жесткой связи между мировоззрением талантливого художника и реалистическим творчеством отнюдь не свидетельствует о недооценке им значения мировоззрения для успеха или неуспеха литературной деятельности. Конечно, в случае с Шекспиром художественный гений далеко опередил философию своего времени. Так же в случае с Гоголем, Островским, Достоевским и рядом других русских писателей наличие яркого таланта, повлекшего за собой реалистическое изображение реальной жизни, чувство

художественной правды позволяют отделить действительное мировоззрение художника, выразившееся в образах его произведений, от тех философских принципов, которые они высказывали отвлеченно. Но даже и в этих случаях ошибочные понятия вызвали определенную ограниченность художественных произведений. Например, в отношении Островского Добролюбов писал, что «его литературная деятельность не совсем чужда была тех колебаний, которые происходили вследствие разногласия внутреннего художественного чувства с отвлеченными, извне усвоенными понятиями». К примеру, в пьесах «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» неверность взгляда А. Н. Островского на некоторые «существенно дурные стороны нашего старинного быта… повредила цельности и яркости самих произведений» (3, 5, 25).

В свою очередь, отсутствие каких-либо отвлеченных понятий о действительности чаще всего не позволяет писателю в полной мере реализовать задачи, поставленные жизнью перед литературой. Говоря, например, о народности в литературе, Добролюбов отмечал, что хотя русский поэт А. Кольцов и жил жизнью народа, и обладал тем простым чувством, которым обладал народ, однако он не постиг тайны «русской народности», так как его поэзии недоставало всесторонности взгляда на жизнь (см. 3, *2,* 263).

Всякая односторонность и исключительность в подходе писателя к действительности, подчеркивал Добролюбов, уже мешает соблюдению правды художником. В этом случае возможно два выхода. Либо художник пытается сохранить в полной неприкосновенности младенчески непосредственный взгляд на мир, что совершенно невозможно в жизни. Либо художник спасается от односторонности «возможным расширением своего взгляда, посредством усвоения себе тех общих понятий, которые выработаны людьми рассуждающими» (3, *5,* 24). Добролюбов писал: «Свободное претворение самых высших умозрений в живые образы и вместе с тем полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном, факте жизни — это есть идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии и доселе еще никем не достигнутый» (там же). Однако, «когда общие понятия художника правильны и вполне гармонируют с его натурой, тогда эта гармония и единство отражаются и в произведении». Более того, такое произведение, считал Добролюбов, «легче может привести рассуждающего человека к правильным выводам и, следовательно, иметь большее значение для жизни» (там же). Это и есть конкретное проявление пропагандистской, просветительской функции литературы.

Понимание Добролюбовым вопроса об отношении мировоззрения и художественного творчества писателя имеет определенную специфику. Он не сводил это отношение к отношению художественного метода и содержания произведений писателя (см. 52, 302). Не совсем адекватно выражена точка зрения Добролюбова и в том случае, когда утверждается, что «Добролюбов устанавливает возможность противоречия… между взглядом на мир, выраженным художником именно в качестве художника, т. е. системой художественных образов, и взглядом на мир, заключенным в системе теоретических идей, которой придерживается художник…» (78, 134). Такая трактовка упрощает метод художественной критики Добролюбова, так как центральным пунктом его становится выяснение соотношения *идейности* и *художественности* в художественном произведении; в действительности же Добролюбов считал центральной задачей критики выяснение отношения *научности* и *художественности,* что значительно расширяло возможности метода и делало его более диалектичным. Согласно Добролюбову, идейность должна необходимо вытекать из научного взгляда на мир. Если мы примем во внимание выделение Добролюбовым познавательной функций искусства, то становится оправданной точка зрения на критику Добролюбова Д. Н. Овсянико-Куликовского, который писал: «Вникая в его (Добролюбова. — *В. Н.)* критические приемы, мы легко убедимся в том, что основной фон его критической мысли был научный… Вспомним: он всегда отдавал предпочтение произведениям строго реалистическим, т. е. именно тем продуктам художественного мышления, которые так близко подходят к процессу научной мысли» (64, 205). Об этом же пишет В. С. Кружков: «В философских воззрениях Добролюбова, без преувеличения, пожалуй, можно сказать, центральное место занимает обоснование принципов соотношения научного и художественного творчества в познании реальной действительности…» (50, 291).

Добролюбов рассматривал русскую реалистическую литературу как неотъемлемый компонент революционно-демократической идеологии. Писатель-реалист, к тому же обладающий необходимой широтой воззрений, в состоянии отразить те существенные процессы, которые протекают в обществе, его произведение может быть и средством познания, и тем барометром, который покажет и начало движения в народе и обществе, и степень его развития. Такой подход к литературе, возможно, вызывал определенное преувеличение ее роли и значения в общественном движении, однако в специфических условиях жизни и борьбы русских революционеров-демократов и

с учетом их отношения к изучению действительности это понимание литературы было в определенной мере оправданным. При этом важное значение приобретал, с точки зрения Добролюбова, вопрос о том, согласно ли общество с выводами, сделанными в «Современнике» на основе анализа реалистической литературы. Раскрывая характер этого вопроса, он говорил: «У ней (литературы. — *В. Н.)* во власти только теоретическая часть; практика вся в руках общества» (3, *4,* 110). Отсюда задача литературной критики состоит в том, «стоит ли автор в уровень с теми естественными стремлениями, которые уже пробудились в народе или должны скоро пробудиться по требованию современного порядка дел» (3, *6,* 312), ищет ли в реалистической литературе критерий практической истинности теоретических установок революционных демократов.

Глава II
ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

Русские революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов прекрасно осознавали, что в истории общества действуют люди, одаренные сознанием и стремящиеся к определенным целям. Гуманизм и демократизм русских революционных демократов заключался в том, что они понимали проблему довольно широко, признавая любого члена общества в качестве исторического деятеля. Говоря об этом, Добролюбов отмечал, что существует два противоположных взгляда на права личности, ее значение в жизни общества. Оба они ошибочны в своих крайностях. Так, первый из них, «происходя из неуважения к личности вообще, от непонимания прав каждого человека, приводит к неумеренному, безрассудному поклонению нескольким исключительным личностям», т. е. исторически активными признаются только великие личности. Такое преклонение перед великими личностями, по мнению Добролюбова, возмутительно — в нем выражается неуважение каждой отдельной личности к самой себе. Второй взгляд предполагает вообще подавление личности, так как «важно развитие народа и человечества, а не развитие отдельных личностей». Такое рассуждение, объяснял Добролюбов, показывает неумение применить общее положение в конкретных областях (см. 3, 2,385–386).

Демократическая направленность разработанной Добролюбовым концепции личности позволяла ему вычленить новые, специфические аспекты в понимании личности, которые, по мнению вождей русской революционной демократии, приобретали решающее значение на данном этапе общественного процесса.

Важнейшим вопросом освободительного движения конца 50-х — начала 60-х годов был вопрос о переходе от теории к практике. В теории, считали Чернышевский и Добролюбов, правильные ответы на важнейшие житейские вопросы уже получены. Особую злободневность вопросу о единстве теории и практики придавало то обстоятельство, что в России сложилась социально-политическая обстановка, требующая, как полагали вожди революционной демократии, незамедлительной перестройки

жизни. Правда, для доказательства необходимости такой перестройки чаще всего приводились доводы, рациональные по своему характеру.

Указанное обстоятельство обусловило в конечном счете утопичность социалистических теорий Чернышевского и Добролюбова, однако не исключало возможности обогащения ими учения социализма в целом. Отсутствие в их работах материалистического понимания истории и достаточно обоснованного представления о внутренних экономических и социальных законах и тенденциях развития капитализма не позволило им выработать научное представление о силах, способных осуществить социалистическое изменение мира, и об условиях этого процесса. Однако Чернышевский и Добролюбов неразрывно связывали утверждение социализма с борьбой народных масс и с борьбой каждого отдельного человека за свое будущее. Согласно Добролюбову, человеческая личность является связующим звеном теории и практики, выступая в качестве борца за будущее, против отживших свое время общественных отношений и выступая в качестве основной единицы общества будущего. Поэтому выработка материалистической теории личности становилась важнейшим элементом революционно-демократической идеологии.

Противники Чернышевского и Добролюбова представляли их сторонниками закрепощения личности обществом, строгой регламентации ее действий и т. п. Это была вульгаризация и фальсификация позиции руководителей «Современника». Личность для Чернышевского и Добролюбова — прежде всего деятель исторического процесса. Историческая необходимость отнюдь не представляет собой фаталистического определения жизненной позиции и поступков личности, хотя во многом ограничивает ее действия и стремления. Личность имеет сложный внутренний мир, структура личности включает физическую, умственную, нравственную и духовную жизнь. Целью будущего переустройства общества является установление гармонии человеческой личности во всех областях. В реальной жизни постоянно имеют место разрывы, дисгармонии в человеческой природе. Дисгармонии в человеческой природе, говорил Чернышевский, в конечном счете обусловлены дисгармонией в человеческом обществе, делением его на эксплуататоров и эксплуатируемых (см. 84, 5. 607). Добролюбов создавал теорию личности под углом зрения преодоления дисгармонии человеческого существа, «разладов» внутри человека; а также между человеком и обществом.

Теория личности Добролюбова отражала существенные

стороны жизни — социальные, нравственные, психологические черты облика русских людей середины XIX столетия — и выражала понимание вождями революционной демократии конкретных направлений дальнейшего развития передовых людей России. Общие принципы понимания существа человека и его деятельности, намеченные Чернышевским, составили исходную точку этой теории, но в то же время благодаря трудам Добролюбова эти принципы приобретали реальные очертания. Здесь проявилось верное понимание Добролюбовым тенденций развития философской мысли, берущих начало от Фейербаха. Ф. Энгельс отмечал, что Фейербах не нашел дороги из царства абстракций в действительный мир. Поэтому природа и человек остались v него только словами. «…Чтобы перейти от Фейербаховского абстрактного человека, — пишет Энгельс, — к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях» (1, *21,* 299). Именно к этому и стремился, вслед за Чернышевским. Добролюбов. Человек в теории Добролюбова является живым человеком. Он является таковым. потому что живет в исторически определенном обществе, принадлежит к определенным классам или слоям общества, имеет реальные интересы к ставит такие же реальные пели. «…Антропологический элемент, свойственный материализму Добролюбова, не тождественен антропологичегкомму материализму Фейеобаха, — отмечает М. Т. Иовчук. — В отличие от Фейербаха, Добролюбов не отрывает человека от социально-исторической среды…» (37, 476). В творчестве Добролюбова и Чернышевского важнейшее место занимал анализ исторических событий, в котором намечается понимание того. что сущность человека «есть совокупность всех общественных отношений» (1. *3,* 3). Однако философия антропологического материализма ограничивала развитие воззрений Добролюбова, «антропологизм появляется там, где он стремится дойти до конечных причин общественных явлений…» (80, 120). В то же время эта философия была теоретической основой трезвого, реалистического взгляда на человека, и, находясь на ее позициях, можно было прийти к осознанию необходимости формирования субъективного фактора будущих преобразований.

Кроме конкретизации и развития точки зрения Фейербаха целостная, систематическая разработка теории личности на основе материализма открывала перед Добролюбовым ряд важных перспектив.

Первой из таких перспектив была окончательная победа над идеализмом в понимании человека. В какой-то мере все

«разрывы» в характере и поступках русского человека, вызванные в первую очередь социально-экономическими, политическими и культурными условиями жизни России, острейшими противоречиями русского быта эпохи развития капитализма, давали благодатную почву для идеалистических спекуляций. Все религиозно-идеалистические и иррационалистические концепции основывались на признании двойственности, непознаваемости, иррациональности человеческого существа. Отсюда важнейшее значение приобретала проблема научного объяснения мотивов и причин поведения человека. Следует сказать, что Добролюбов не ограничивал объяснение поступков человека воздействиями общественной среды, избегал огрубления этой проблемы. Отмечая ограниченность домарксовского материализма, Ф. Энгельс писал, что старый материализм «судил обо всем по мотивам действий, делил исторических деятелей на честных и бесчестных и находил, что честные, как правило, оказывались в дураках, а бесчестные торжествовали» (1, *21,* 307). Конечно, Добролюбов в понимании исторических событий шел значительно дальше указанной Энгельсом точки зрения. У него исторический деятель был выразителем определенных тенденций общественного, народного развития. Поэтому то, что Добролюбов так тщательно занимался объяснением мотивов и причин действий человека, свидетельствует о направленности философских поисков мыслителя, заключающейся в попытке найти более глубокие, материальные основания деятельности людей. Задавшись целью найти достаточно полное объяснение поступков людей, имеющих и материальные и идеальные мотивы и причины, Добролюбов уже не мог ограничиться антропологическим материализмом Фейербаха, он должен был пойти дальше его, занявшись выяснением реальных стремлений общества в целом.

Вторая перспектива открывалась в связи с возможностью положительного использования в осмыслении общественных явлений литературных образов, искусства и других форм общественного сознания. По Марксу, сущность человека определяется в конечном счете общественными отношениями, существующими в данном конкретном обществе, прежде всего материиальным интересом борющихся классов. Однако это становится очевидным при общем взгляде на историю, а также в условиях, развитых до полного проявления общественных отношений классов. Чаще же всего такая зависимость скрыта, затушевана личными, семейными, групповыми, сословными и прочими отношениями и стремлениями. Особенно сложной задачей является выяснение общественной сущности отдельной

личности в условиях, подобных сложившимся в России 50—60-х годов XIX в. В этом случае не только общественные науки, но и литература, искусство могут дать факты, необходимые для общего определения сущности личности, класса, сословия или какого-либо другого явления; по крайней мере эти факты могут нацелить, сориентировать дальнейшее исследование. Указанные вненаучные формы восприятия мира имеют те преимущества перед конкретной наукой, что они позволяют воспроизвести некие качественные признаки явления, недоступные до определенного времени научному познанию. Сюда относятся, например, нравственные, психологические и другие характеристики личности. Поэтому рассмотрение русской литературы Добролюбовым и как определенного «барометра» общественного движения, и как в особенности источника материала для постижения сущности человеческой личности, складывающейся на определенном переломе русской истории, не противоречило научному исследованию этих проблем. Уместно сказать, что основоположники марксизма никогда не отрицали познавательного, а тем более воспитательного значения литературы.

Осуществленное Чернышевским и Добролюбовым развитие антропологического материализма необходимо заставляет переходить от разработки теории личности к разработке теории народа. Как отмечают некоторые исследователи и с чем нужно согласиться, «понятие „естественный человек“ (выработанное Чернышевским и Добролюбовым. — *В. Н.)* во многом являлось антропологическим… Но в связи с ним Добролюбов, как и Чернышевский, рассматривал вопрос об исторических судьбах народа и личности, о влиянии условий общественной жизни…» (90, 427). Именно с таким развитием антропологического принципа была связана третья перспектива, открывающаяся перед Добролюбовым. Он осознавал необходимость расширения освободительного движения от одиночек к массам и поэтому очень много внимания уделял разработке вопроса о естественных стремлениях и исторической жизни русского народа. В рамках добролюбовской теории личности особое место занимает личность трудового человека, прежде всего крестьянина. Добролюбов и здесь широко использовал беллетристику, публицистику, историю и тем самым одним из первых выразил стремление понять интересы, надежды, нравственный и духовный мир русского крестьянина, его психологию. Это был очень важный вопрос для русского освободительного движения. Ведь действие народа было основным критерием разработанной революционерами-демократами теории. В этом случае

революционное народничество 70—80-х годов продолжало линию Чернышевского и Добролюбова. Исторический опыт показал неосновательность надежд и революционных демократов, и народников поднять русское крестьянство на социалистическую революцию, однако проводимая ими работа содействовала революционному воспитанию крестьянских масс России.

1. МАТЕРИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Учение о материальном единстве человека служит краеугольным камнем теории личности, разработанной Добролюбовым. Идеалисты — философы и ученые разрывали материю и дух, физические и психические свойства человеческого существа. Такая точка зрения не только была ненаучной, но и выражала определенные социальные интересы реакционных сил общества. Добролюбов прекрасно осознавал последнее. Для опровержения идеализма он стремится конкретизировать монистическое представление о природе человека Л. Фейербаха. Указанная конкретизация была возможна в первую очередь на основе результатов современного Добролюбову естествознания. Поэтому статьи Добролюбова «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» и «Основания опытной психологии», в которых излагались материалистические основания теории личности, были написаны в виде рецензий на естественнонаучные работы К. Ф. Шнелля, К. Э. Бока, а также на философское толкование проблем психологии идеалистом Кикодзе.

Идеалистическое утверждение антагонизма духовной и телесной природы в человеке имеет, по мнению Добролюбова, глубокие гносеологические и исторические корни. Дело в том, что человеческое сознание совершенно естественно и необходимо замечает противоположность предметов между собой, а затем мы отличаем себя от предметов, существующих в мире. Еще не сознавая своей связи с общими законами природы, человек выделяет в ней силу темную, постоянно вредящую ему, и силу светлую и добрую, покровительствующую ему. Такое разделение сил природы служит началом всех естественных религий, отмечал Добролюбов. «…Вишну и Шива, Ормузд и Ариман, Белбог и Чернобог и пр. и пр. служат олицетворением первоначальных понятий человека о силах природы». Впоследствии этот дуалистический принцип был применен, замечает Добролюбов, ко всякому отдельному явлению, и в конечном счете, «не умея еще возвыситься до идеи о всеобщем единстве и гармонии, он (человек. — *В. Н.)* и в себе, как в природе, предполагает существование различных, неприязненных друг другу, начал». В средние века этот дуализм был воспринят схоластиками, которые ухватились за него, «как за неистощимый источник диалектических прений» (3, 2, 432; 433). Такой подход, отмечал Добролюбов, порождал массу противоречий, ставил в тупик ученых, а самих схоластиков приводил к самому грубому

материализму, так как если допустить, что душа занимает определенное место в теле, то надо признать ее материальной.

Конечно, Добролюбов упростил процесс возникновения идеалистического взгляда на мир в целом и понимания идеалистами соотношения тела и души человека. Он не провел глубокого анализа всей совокупности гносеологических и социальных корней указанных явлений. Задача его заключалась в том, чтобы показать, что дуализм души и тела, о котором говорили идеализм и религия, имеет исторически объяснимый характер. Этот дуализм вызван слабостью человека перед природой, а также неразвитостью процесса познания. Однако в последнее время, говорил Добролюбов, положение дела резко изменилось. «В наше время, — пишет он, — успехи естественных наук… дали нам возможность составить более здравый и простой взгляд и на отношение между духовной и телесной деятельностью человека» (3, 2, 434). Наука, по мнению Добролюбова, раскрыла три положения, имеющих важнейшее значение для понимания человека. Во-первых, она ясно доказала, что наши попытки представить себе отвлеченный дух без всяких материальных свойств совершенно бесплодны. Во-вторых, любая человеческая деятельность может быть замечена только тогда, когда она выражена в физических проявлениях. В-третьих, наука показала, что жизненность нашего тела зависит от известного соединения простых веществ. Именно на оснований этих открытий «новейшая наука, — пишет Добролюбов, — отвергла схоластическое раздвоение человека и стала рассматривать его в полном, неразрывном его составе, телесном и духовном, не стараясь разобщать их. Она увидела в душе именно ту силу, которая проникает собою и одушевляет весь телесный состав человека. „…Во всех, самых ничтожных, телесных явлениях наука видит действие той же силы, участвующей бессознательно в кроветворении, пищеварении и пр. и достигающей высоты сознания в отправлениях нервной системы и преимущественно мозга“ (там же).

Раскрытие единства природы человека позволяет устранить множество искусственных противоречий, а также помогает объяснить факты действительных противоречий, проявляющихся в процессе жизни человека. Именно последние противоречия идеалисты пытались использовать для обоснования своей точки зрения. Добролюбов доказывал полную научную несостоятельность этих попыток. В качестве примера он рассматривал следующий случай. Иногда мы смотрим на предмет, но не видим его. Это объясняется очень просто. „Акт зрения, — писал он, — не состоит в том только, чтобы видимый

предмет отразился в нашем глазе; главное дело здесь в том, чтобы нерв зрения был возбужден и передал в мозг впечатление о предмете. Зрение совершается не в глазе, а в мозгу, как и все наши чувства; если перерезать, например, глазной нерв, то предметы будут отражаться в глазе по-прежнему, а видеть их мы не будем. Поэтому вовсе ничего нет странного, что когда мы заняты какими-нибудь важными думами, т. е. когда в мозгу совершается усиленная деятельность, то слабое раздражение зрительного нерва, чувствительное для нас в других случаях, делается уже недостаточным и не пробуждает в мозгу сознания о себе“ (3, *2,* 437).

Опора на достижения физиологии высшей нервной деятельности и психологии постоянно ощущается при решении Добролюбовым вопроса о материальном субстрате умственной деятельности человека. В качестве такого субстрата он рассматривал мозг и нервную систему. Этот вопрос был очень важным не только для физиологии, но и для философии. После устранения ненаучных представлений о душевных силах человека требовалось привести естественнонаучные и философские аргументы в пользу того, что центром духовной деятельности человека является мозг, материальный орган человека, предназначение которого еще в XVII–XVIII вв. было не совсем ясно науке.

Разоблачая идеалистический взгляд на деятельность человеческого организма, Добролюбов писал: „В своих непрактических — а может быть, и слишком уже практических (имеются в виду вопросы воспитания. — *В. Н.)* — мечтаниях мы забываем, что человеческий организм имеет свои физические условия для каждой духовной деятельности, что нельзя говорить без языка, слушать без ушей, нельзя чувствовать и мыслить без мозга“ (3, 2, 441). Согласно этому высказыванию наличие какой-то деятельности предполагает наличие материального носителя ее. В своем утверждении, что чувство и мысль имеют своим носителем материальный орган — мозг, Добролюбов непосредственно опирается на данные науки. „Физиология непрерывным рядом исследований и открытий последнего времени, — пишет он, — довольно ясно уже показала несомненную связь нравственной жизни человека с устройством и развитием мозга…“ (3, 2, 443). Со ссылками на работы естествоиспытателей Добролюбов приводит данные, показывающие связь мышления с количественными и качественными параметрами мозга, его весом, объемом, составом и т. п. Он указывает на примеры зависимости умственных расстройств от состояния мозга, потери памяти при местных

поражениях мозга и т. п. Факты науки, конкретные примеры, взятые из работ физиологов и психологов, позволили Добролюбову сделать вывод о том, что „все, дурное и хорошее, чувства и страсти наши находятся в полной зависимости от степени развития и от здоровья или нездоровья мозга“ (3, 2, 452).

Одним из главных аргументов идеализма в пользу признания души как особой натуры человека был вопрос о свободе воли. Идеалисты утверждали, что явления духовного мира неподвластны изучению с помощью естественнонаучных методов, так как в области духа господствует абсолютная свобода и т. п. Многие ученые середины XIX в. (И. Мюллер. Г. Гельмгольц, К. Бернар, И. М. Сеченов и др.) мало ориентировались на подобные высказывания и занимались изучением фактов, т. е. стремились по существу материалистически взглянуть на явления духовной жизни человека. Опираясь на результаты науки, Добролюбов заключал, что воля „еще более, нежели чувство, зависит от впечатлений, производимых на наш мозг внешним миром. В наше время, — продолжал он, — уже всякий понимает, что абсолютная свобода поли для человека не существует и что он, как все предметы природы, находится в зависимости от ее вечных законов“ (3, 2, 453). Свобода воли человека есть свобода относительная, в своих поступках человек всегда руководствуется какими-нибудь чувствами и соображениями, зависит от внешнего мира.

Человек низводился Чернышевским и Добролюбовым с того пьедестала, на который он был поставлен Шеллингом, Киркегором, Шопенгауэром и другими идеалистами. Однако это не значит, что он упрощался ими. В человеке ничего нет сверхъестественного, принципиально непознаваемого, несводимого к его материальной жизни, но в то же время человек сам выбирает свои пути, проявляет относительную активность и т. п. Каждый человек — личность, обладающая сложной системой материальных и духовных свойств. Человек немыслим без взаимодействия со средой, с окружающей его жизнью, а в ней, как и в человеке, еще много непознанного. Революционеры-демократы абсолютизировали лишь материальное единство человека и то, что зависимость поведения человека от его материальной жизни, от состояния общественной среды является определяющей. Решение Добролюбовым вопросов о непосредственных стимулах, мотивах и материальных основах действий человека, о мозге как основе умственной и духовной жизни человека и т. п. составило важный вклад в развитие материалистической философии

Через год, в 1859 г., Добролюбов возвращается к этим

вопросам в статье „Основания опытной психологии“, где он продолжает разрабатывать учение о мозге как субстрате, носителе человеческого сознания. Здесь Добролюбов подходит к вопросу несколько шире, обсуждая философские аспекты психофизической проблемы.

Подробное рассмотрение представлений Добролюбова о связи умственной деятельности человека с мозгом показывает тождество взглядов руководителей „Современника“ на вопрос о единстве человеческой природы. Это сходство замечается прежде всего в подобии аргументации. К примеру, возьмем суждения о невозможности отрыва силы (качества) от материи, о миогокачественности материальных объектов и т. п. (ср. 84, 7, 242, 10, 988). Сходство не является случайным. Оно вытекает из того, что работы Добролюбова и Чернышевского, обосновывающие материальное единство природы человека, были написаны по единому замыслу и взаимно дополняют друг друга. В 1858 г. появляется статья Добролюбова „Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью“, в 1859 г. — другая его статья — „Основания опытной психологии“, в 1860 г. опубликована работа Чернышевского „Антропологический принцип в философии“. Добролюбов взял менее широкий аспект проблемы, а именно связь умственной деятельности с мозгом, психического и физиологического, и рассматривает отсюда единство человека. Однако в его работах заключалась основа для более широкой постановки вопроса. Это становится особенно явно тогда, когда он отвечает психологам-идеалистам, возражающим против признания мозга в качестве носителя психической деятельности на том основании, что даже признаков подобного нельзя заметить в других органических и неорганических телах. Добролюбов писал: „…возражатели забывают, что в мире все подлежит закону развития и что мозг человеческий, по их же словам, есть тончайшая материя. В природе все идет постепенно от простого к более сложному, от несовершенства к более совершенному; но везде одна и та же материя, только на разных степенях развития. Что ж удивительного, если на одной степени мы находим то, что несвойственно другой?“ (3, *4,* 262). В работе „Антропологический принцип в философии“ Чернышевский решает вопрос о природе человека уже в предельно широком виде, а именно как вопрос о соотношении материи и сознания, он конкретно прослеживает развитие сознания, формирование и проявление этого свойства высокоорганизованной материи. Примечательно, что о психофизической проблеме, о мозге как материальном носителе сознания Чернышевский не говорит, полагая вопрос исчерпанным

уже в работах Добролюбова. Если мы не будем принимать во внимание этот факт, то будет неясно, почему Чернышевский обошел молчанием вопросы, имеющие в рамках антропологического материализма XIX в. первостепенное значение.

Материалистическое решение проблемы о единстве природы человека Чернышевский положил в основу разработки социологии, вопроса о потребностях человека и путях их удовлетворения и т. п. Добролюбов же с точки зрения единства природы человека рассматривал основы теории личности, направления идейного, нравственного и духовного развития ее. Гармоничное развитие личности, полагал Добролюбов, будет осуществлено в результате ликвидации эксплуатации человека человеком и монополии эксплуататоров на умственное развитие, т. е. на основе социалистического преобразования общественной жизни.

2. ЕДИНСТВО СЛОВА И ДЕЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Философия Чернышевского и Добролюбова имела боевой, наступательный характер. Это в особенности проявляется в понимании ими проблемы личности. Систематическое доказательство личной и социальной активности личности является существенной особенностью антропологического материализма русских революционных демократов. Личность выступает как связующее звено теории и практики, она призвана реализовать теорию в своей практической деятельности. „Получив понятие об общем… расширив свое миросозерцание до понимания общих нужд и потребностей человечества, — пишет Добролюбов, — образованный человек чувствует непременное желание перенести свои теоретические взгляды и убеждения в сферу практической деятельности“ (3, 3, 264). Причем эта деятельность понимается революционными демократами как весьма конкретная по месту и времени, направленная на достижение реальных целей. Согласно Добролюбову, первоначально человек в практической реализации теории ограничивается своим отечеством. Деятельность человека конкретна уже вследствие ограниченности его возможностей и сил. Такая постановка вопроса в условиях России того периода нацеливала общественных деятелей на конкретные задачи освободительного движения и призывала их определить свое место в этом движении.

Переход от революционной теории к революционной практике — сам по себе очень сложный процесс. Революционеры-демократы — и Чернышевский, и Добролюбов — принципиально верно понимали свои ближайшие задачи. Все их шаги были направлены на подготовку деятельности „молодых штурманов будущей бури“, деятельности, которая имела и свой исторический смысл, и историческое оправдание в дальнейшем развитии классовой борьбы в России. Именно политическая деятельность предшественников русской социал-демократии была одновременно и практической проверкой принятых ими теорий, в том числе и разработанных Чернышевским и Добролюбовым.

Понимание неотразимой потребности перехода от теории к практике должно было привести к осознанию необходимости объединения передовых личностей в организацию. Чернышевский и Добролюбов об этом в своей теории не говорили, но такой вывод логически вытекал из их позиции (см. 63, 478–482. 49, 244–

245). Его сделали организаторы „Земли и воли“ 60-х годов (Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, В. С. Курочкин и др.), идейным вдохновителем которых был Чернышевский. Такой вывод с необходимостью следовал еще и потому, что вожди революционной демократии никогда не отделяли политическую борьбу от социальной, напротив, они подчеркивали органическую взаимосвязь той и другой.

Материалистический характер философии Чернышевского и Добролюбова, ее революционно-демократическая направленность, те выводы, которые из нее следовали, — все это обусловило важное значение проблемы идейно-практического единства личности в концепции Добролюбова. Решение ее, по мысли критика, вело к преодолению существенного „разрыва“ в человеке — разрыва слова и дела. Эта проблема была поставлена самой жизнью России того времени. Конечно, было бы неоправданным ждать от Добролюбова обстоятельного и последовательного решения. Поэтому в его работах говорится о необходимости перехода от слов к делу, о необходимости поиска практических решений исходя из теории, приводятся примеры, но не дается никаких конкретных программ.

Добролюбов рассматривает идейно-практическое единство личности, которое он понимает в основном как единство слова и дела, в нескольких аспектах, но все они дополняют друг друга и в совокупности позволяют выяснить его точку зрения.

Первоначально он рассматривает случаи „разрыва“ слова и дела, присущие характеру либералов. В качестве примера он берет французского легитимиста Монталамбера и его друзей. Либералы, согласно Добролюбову, слабые и не очень далекие люди. Они предпочитают молчать, когда требуется говорить, и бездействовать — когда требуется действовать. Предлагаемые ими меры половинчаты, непоследовательны, часто оборачиваются против них самих. Все надежды либералы возлагают на постепенный прогресс общественной жизни. По этому поводу Добролюбов замечает: „Пусть защитник медленного прогресса ждет, пока события сделают свое дело, и пусть не плачет о том, что у одного народа нет такого-то учреждения, которое есть у другого. Учреждения придут вместе с дальнейшим прогрессом, а прогресс совершится в течение веков“ (3, *3,* 425).

С позиций разработанной им материалистической теории Добролюбов объясняет факт отсутствия идейно-практического единства в личности либерала. Либералы не настолько тверды характером и не настолько преданны своим убеждениям, чтобы последовательно бороться за них. Они боятся нарушения общественного порядка, но в то же время и „никак не могут

примириться с неизбежными последствиями факта, ими самими допускаемого“ (3, 3, 423). Например, французские либералы очень много шумели по поводу правительственных репрессий, а ведь эти репрессии, замечал Добролюбов, вытекали из порядка, которому они поклонялись. Дело заключается в том, что либералы, с одной стороны, не в состоянии отказаться от своих привилегий, комфорта, т. е. вполне определенных материальных интересов, а с другой — они пробираются в ряды „прогрессистов“, потому что все их надежды связаны с „медленным прогрессом“. Рассмотрению разрыва идей и практики в деятельности либералов, вытекающего из противоречивости их общественной позиции, Добролюбов посвятил статью „По поводу обыкновенной истории“.

В другой статье — „Литературные мелочи прошлого года“ он раскрывает „разрыв“, вытекающий из неспособности личности последовательно провести материалистический и диалектический взгляд на изменяющиеся общественные отношения. Добролюбов придавал особую важность этому аспекту проблемы, так как сам он сознавал необходимость конкретизировать и определить свою идейную и политическую позицию, т. е. полностью отмежеваться от дворянской революционности, вырождавшейся в новых исторических условиях в заурядный либерализм. Добролюбов никогда не отделял социально-политической стороны вопроса об идейно-практическом единстве личности от его теоретико-методологического аспекта. Отсюда, например, В. В. Боровский вполне закономерно видел в добролюбовском анализе проблемы идейно-практического единства личности отражение столкновения двух наиболее передовых общественных групп середины прошлого столетия. Эти группы, писал Воровский, „говорили нередко одни и те же слова, но смысл этих слов был различен, ибо за „передовыми“ стремлениями этих двух групп стояла не только разница их психологии, но и разница социальная. Первые — были либеральным дворянством, тяготевшим к буржуазно-конституционным порядкам, вторые были радикальным разночинством, стремившимся к освобождению народной массы от всякой эксплуатации, то есть к социализму“ (17, 317). Методологическая несостоятельность деятелей, стоявших на неизменных еще с 30-х годов идейных позициях, объяснялась их исторической несостоятельностью. Отсюда следовал характерный для них „разрыв“ идейно-практического единства личности.

В статье „Литературные мелочи…“ Добролюбов противопоставляет деятельность „зрелых людей“, „пожилых

людей“, с одной стороны, и деятельность „молодых людей“, или „юношей“, — с другой. Причем, согласно Добролюбову, понятия „пожилой“, „зрелый“ и т. п. имеют условный характер. „…Мы везде разумеем людей, — пишет он, — которые прожили свои молодые силы и уже не умеют понимать современное движение и потребности нового времени; такие люди встречаются и между двадцатипятилетними…“ (3, *4,* 66).

Первоначально „зрелые люди“ принадлежали, отмечает Добролюбов, к лучшим деятелям эпохи Белинского, но после смерти последнего, в период реакции в стране, они на долгое время „замолкли или стали выть по-волчьи“ (3, *4,* 61). И вот возобновившим через несколько лет свою деятельность литераторам показалось, что общество не только не способно идти по указанному ими ранее направлению, но еще не может остановиться даже и на том, до чего они успели довести его. Поэтому-то „зрелые люди“, говорит Добролюбов, и принялись повторять то, о чем они толковали в начале своей деятельности, и тем самым „вызывали столько слабости и мелочности при возобновлении своей деятельности“ (3, *4,* 62). По мнению Добролюбова, они переоценили свое значение в жизни общества, полагая, „что жизнь без них обойтись уже вовсе не может: если они поговорят, так и сделается что-нибудь, а не поговорят, — ничего не будет“ (3, *4,* 63). Они надеялись встретить то же, что было и прежде, двадцать лет назад, но при этом не догадались, что „жизнь все-таки идет своим чередом…“ (3, *4,* 61–63).

На первых порах деятельность „зрелых людей“ привлекла к себе „молодежь“. Однако вскоре „молодые люди“ увидели непрочность и бесполезность своего союза со „зрелыми мудрецами“. Добролюбов вскрыл несколько причин несостоятельности „зрелых мудрецов“. Во-первых, большая часть прежних деятелей за последние годы потеряла связь с событиями, совершенно отчаялась в дальнейшем прогрессе общества. В критике концепций „зрелых мудрецов“ выразилась убежденность революционных демократов в необходимости постоянной связи деятельности с развитием жизни. Объективная диалектика освободительного движения в рассматриваемый период исключала проведение кабинетной, созерцательной, оторванной от жизни линии. Понятия, выражающие требования свободы и равенства, подчеркивал Добролюбов, надо рассматривать конкретно-исторически, в противном случае они превращаются в пустые умные фразы, ни в коем случае не способные „лечить общественные раны земли русской“ (3, 3, 65). Таково было понимание данного вопроса Добролюбовым. Требование постоянной связи теории с жизнью, требование „следить за

жизненным движением событий“ создавало определенные возможности для развития диалектико-материалистического взгляда на вещи и объективно ускоряло процесс разработки революционной теории.

Вторая причина несостоятельности „зрелых мудрецов“: из-за идеалистических взглядов и отрыва от живой действительности они „не умеют заглянуть в глубь современной общественной среды, не понимают сущности новых потребностей…“ (3, *4,* 66). В результате они не видят существенных изменений, происшедших прежде всего в материальной жизни общества. „Вообще — в пору цветущей молодости литературных деятелей, — отличавшихся в последнее время, — пишет Добролюбов, — не было многих вещей, которые ныне существуют как явления весьма обыкновенные. Не было ни железных дорог, ни речного пароходства, ни электрических телеграфов, ни газового освещения, ни акционерных компаний; не говорили печатно ни о капитале и кредите, ни об администрации и магистратуре, ни о правительственных и общественных реформах и переворотах, совершавшихся в Европе в последние полвека“ (3, *4,* 66–68). Примечательно, что эти слова Добролюбова мы находим в контексте с вопросом об освобождении крестьян и определением общей несостоятельности феодально-крепостнического порядка в России.

Третьей причиной несостоятельности „зрелых мудрецов“ является, по мнению Добролюбова, то обстоятельство, что они не сумели довести в себе отвлеченный философский принцип до реальной жизненности и глубокой страстности. Последнее можно было объяснить прежде всего политической слабостью передовых людей 30—40-х годов, поставленных в особые исторические условия. То же можно сказать и о либералах последующего времени, которые вследствие противоречивости своего положения не могли решительно действовать в пользу народа. „Там, где общество не способно действовать, — писал демократический публицист того времени В. А. Зайцев, — оно должно мечтать и поклоняться принципам“ (30, 58). Революционеры-демократы 50—60-х годов были согласны с таким объяснением и противопоставляли либеральным фразам свою освободительную деятельность. Особенность подхода Добролюбова к данному вопросу заключалась в том, что он дополнял приведенное объяснение раскрытием теоретических истоков „поклонения принципам“ людей 30—40-х годов. Люди прошлого поколения, говорит он, стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное, но выше всего был для них принцип. *„Принципом* же называли, — пишет Добролюбов, — общую философскую идею,

которую признавали основанием всей своей логики и морали. Страшной меркой сомненья и отрицанья купили они свой принцип и никогда не могли освободиться от его давящего, мертвящего влияния. Что-то пантеистическое было у них в признании принципа: жизнь была для них служением принципу, человек — рабом принципа; всякий поступок, не соображенный с принципом, считался преступлением“ (3, *4,* 70). В этом отрывке Добролюбов нарисовал особенности того исторического этапа в идейном развитии русского общества, когда его передовые деятели впервые взглянули на общественные события с точки зрения общей теории, позволяющей определить место этих событий в рамках исторической связи. Этой общей теорией было гегельянство. Этап политического отрицания, когда придавалось слишком большое значение симпатиям и антипатиям субъекта, сменялся более основательным движением, когда был начат поиск объективных оснований отрицания. Столь красочно показанное Добролюбовым подчинение людей 30-х годов философскому принципу объясняется их идеализмом. Из идеализма вытекает переоценка ими своих сил. Из него же следует и то обстоятельство, что большая часть „зрелых людей“ „осталась только при рассудочном понимании принципа и потому вечно насиловали себя на такие вещи, которые были им вовсе не по натуре и не по нраву“ (3, *4,* 71). Такой разрыв объясняет, по мнению Добролюбова, и вечно фальшивое положение, и фразерство, и практическую беспомощность прежних деятелей. „Отлично владея отвлеченной логикой, они вовсе не знали логики жизни и потому считали ужасно легким все, что легко выводилось посредством силлогизмов, а вместе с тем ужасно мертвили всю жизнь, стараясь втиснуть ее в свои логические формы“ (там же). Заметим, что Добролюбов не совсем точен в своем высказывании. Идеализм людей 30-х годов вовсе и не нуждался в знании логики жизни. Эта теория не имела никаких шансов на корректировку в процессе дальнейшего познания. Об этом собственно говорит Добролюбов далее, отмечая, что, проиграв несколько битв за принцип, люди 30-х годов остались недовольны, но даже это недовольство не было цельным, могучим и деятельным, так как они сами не имели цельного мировоззрения. „Они состояли, — писал Добролюбов, — из двух плохо спаянных между собою начал: страсти и принципа… принцип, витая в высших сферах духовного разумения, остался превыше всех обид и неудач; страсть же негодования ограничилась низшею сферою житейских отношений, до которой они почти никогда не умели проводить своих философских начал“ (там же). Прежние теории требовалось фундаментально

переработать, сохранив в них диалектический метод. Утверждение связи материализма с жизнью позволяло рассматривать его как постоянно развивающуюся основу научного мировоззрения и метод познания. Глубокая критика идеализма русских гегельянцев 30—40-х годов — важная ступень в становлении материалистической философии Чернышевского и Добролюбова.

Деятелям 30-х годов Добролюбов противопоставляет несколько примеров развития идейно-практического единства личности. Именно в этих случаях, по мнению Добролюбова, осуществляется высшее единство принципа и „жизненности".

Внутренняя целостность принципа и жизненной позиции была присуща, считает Добролюбов, Белинскому. Белинский умел слить самого себя со своим принципом. „У Белинского внешний, отвлеченный принцип превратился в его внутреннюю, жизненную потребность: проповедовать свои идеи было для него столько же необходимо, как есть и пить" (3, *4,* 70–71). Кроме Белинского было еще 5–6 человек, замечал Добролюбов, „умевших довести в себе отвлеченный философский принцип до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности" (3, *4,* 72). Эти слова во многом объясняют преклонение Чернышевского и Добролюбова перед авторитетом Белинского. Не только его идеи, не только его статьи, которые, кстати, по замечанию самого же Добролюбова, значительно устарели к копну 50-х годов, вызывали это преклонение, но прежде всего удивительная цельность натуры, идейно-практическое единство, выразившееся в полном слиянии принципа и внутренней природы, „жизненности". Если мы вспомним образ Белинского в „Былом и думах" Герцена, то там показана именно эта черта во всем поведении выдающегося русского критика.

Несколько по-иному достигает единства принципа и жизненной позиции другая группа людей, выделенная Добролюбовым. Кроме Белинского и указанных 5–6 человек, подобных ему, „были и другие сильные люди, — писал Добролюбов, — умевшие на всю жизнь сохранить „святое недовольство" и решившиеся продолжать свою борьбу с обстоятельствами до истощения последних сил" (3, *4,* 72). Добролюбов материалистически объясняет и их появление. Эти люди не имеют таких врожденных склонностей, как это присуще первым; они становятся материалистами („реалистами"), последовательными революционерами в процессе собственного участия в борьбе, осмысления событий и исторического опыта, анализа окружающей обстановки. Они достигают гармоничного слияния философского принципа и жизненной позиции потому,

что они „почерпнули жизненный опыт в своей непрерывной борьбе и умели его переработать силою своей мысли…“ (там же). Вследствие этого они оказались в состоянии оценить общее направление развития событий, смогли отстоять свои убеждения.

Выводя этот тип людей, Добролюбов подчеркивает значение революционно-практической деятельности для выработки правильного мировоззрения и постижения сущности происходящих событий. Он выделяет стихийно сложившуюся формулу движения мысли русских революционеров: от практики, т. е. жизненного опыта, почерпнутого в непрерывной борьбе, к теории, обобщающей данный опыт, и снова к практике, где именно и проявляется полное слияние философского принципа и реальной жизненности. Это важнейшее, диалектическое по существу положение не было для Добролюбова случайным. Здесь мы видим осознание революционно-практического отношения человека-борца к миру. Рассмотрение Добролюбовым идейно-практической цельности личности представляет собой конкретную постановку вопроса о соотношении революционной теории и революционной практики. Практическая деятельность личности и ее результаты служат критерием истинности ее теоретических взглядов. Чернышевский в статье „Антропологический принцип в философии“ поставил этот вопрос значительно шире, рассматривая успешность действия народных масс, овладевших научной, революционной теорией, в качестве главного критерия обоснованности и истинности данной теории.

Во многом впитали в себя черты предыдущего типа личностей представители „молодого поколения“, о которых Добролюбов предпочитает говорить наиболее обстоятельно, так как именно с ними он связывает надежды на будущие преобразования[4]. За молодыми людьми и „отчасти среди них, — пишет он, — виднеется уже другой общественный тип, тип людей реальных, с крепкими нервами и здоровым воображением“ (3, *4,* 73). „Реальные“ люди выступают сознательными сторонниками материалистической философии. В чем это выражается? „Благодаря трудам прошедшего поколения, — объясняет Добролюбов, — *принцип* достался этим людям уже не с таким трудом, как их предшественникам, и потому они не столь исключительно привязали себя к нему, имея возможность и силы поверять его и соразмерять с жизнью. Осмотревшись вокруг себя, они, вместо всех туманных абстракций и призраков прошедших поколений, увидели в мире только *человека,* настоящего человека, состоящего из плоти и крови, с его действительными, а не фантастическими отношениями ко всему внешнему миру“ (там же). Материализм молодых людей, реалистов, приближает их к

жизни и людям, делает их воззрения более гибкими и диалектическими. Материализм молодых людей обращает их внимание на изучение окружающей действительности, в частности общественной жизни, и тем самым лишает их несбыточных надежд, фантастического умозрения, необходимости „надрывания себя“. На место фейербаховского материализма Добролюбов ставит философское мировоззрение, предполагающее достижение в первую очередь существенного, материального блага человека, и видит отражение этой точки зрения во всех поступках и суждениях молодых людей. Правда, Добролюбову не удалось преодолеть определенную абстрактность в подходе к обоснованию необходимости для общества деятельности отдельной личности. Согласно его словам, место отвлеченного принципа у реалистов занимает „сознание своего кровного, живого родства с человечеством, полное разумение *солидарности* всех человеческих отношений между собою…“ (там же). Классовой сущности общественной детерминации поведения личности революционера Добролюбов не раскрыл. Это отражало невысокий уровень социальной дифференциации в крестьянской России 50—60-х годов, хотя деление общества па эксплуататоров и эксплуатируемых осознавалось революционными демократами довольно четко.

Анализ Добролюбовым отношений молодых людей и „зрелых мудрецов“ имел большое практическое значение для русского освободительного движения, так как в этом случае разрабатывалось понятие о личности революционера, столкнувшегося с задачей» социальных преобразований. Революционер должен обладать трезвым, реалистическим взглядом на мир, научным мировоззрением, огромным жизненным опытом — таков вывод Добролюбова. Насколько важным считал он вопрос об идейно-практическом единстве личности, свидетельствует хотя бы то, что он неоднократно обращался к этому аспекту теории личности в последующее время. В этом случае заслуживают внимания крупные статьи Добролюбова «Благонамеренность и деятельность» и «Что такое обломовщина?».

В последнее время, замечает в первой статье Добролюбов, писатели осознали, что «человек вполне зависит от общества, в котором он живет, и что поступки его обусловливаются тем положением, в каком он находится…» (3, 6, 192–193). Так же точно стал общепризнанным и разлад человека с окружающей действительностью. В изображении человека, «заеденного средою», особенно преуспели, констатировал Добролюбов, писатели тургеневской школы. Правда, при этом «самая среда и

ее отношения к человеку рисовались бледно и слабо» (3, *6,* 193). Сделав такой вывод, Добролюбов выражает неудовлетворенность наличным знанием окружающей действительности и выдвигает задачу конкретизации общих понятий. Материалистический подход к объяснению деятельности личности требовал прежде всего возможно полного представления об окружающих ее обстоятельствах. Иначе, вполне справедливо говорит Добролюбов, «всегда есть место двум вопросам: с одной стороны — чего же именно добиваются эти люди, никак не умеющие ужиться в своей среде? а с другой стороны — от чего же именно зависит противоположность этой среды со всяким порядочным стремлением и на чем в таком случае опирается ее сила?» (там же). Исходя из отвлеченностей, чисто теоретически, на эти вопросы ответить нельзя. Добролюбов осознавал, что выявление причин и особенностей борьбы передовых людей за изменение существующих условий жизни происходит в процессе самой жизни, в процессе познания и революционно-практического преобразования общества. Согласно воззрениям Добролюбова, формирование нового общественного сознания имеет вполне объективные основания. Поставленные выше вопросы, пишет Добролюбов, «не прояснятся, пока не будут переработаны в общем сознании самые факты общественной жизни, от которых зависит вся сущность дела. Эта переработка фактов постоянно совершается в самой жизни…» (3, *6,* 193–194). Непосредственные столкновения с действительностью человека неизбежно вызывают в нем понимание невозможности дальнейшего сохранения ныне существующей «общественной среды». В этих условиях «для ускорения и большей полноты сознательной работы общества» может быть полезна и «беллетристика» при том условии, что ее образы будут иметь большую художественную полноту и силу. Однако именно этого состояния и не могли достичь писатели тургеневской школы, так как в их работах, по мнению Добролюбова, «не являлось полного соответствия между двумя элементами, из борьбы которых слагалось содержание повести. Вы видели человека заеденного; но вам не было ярко и полно представлено, какая сила его ест, почему именно его едят и зачем он позволяет себя есть…» (3, *6,* 194). В результате сложилось такое положение, делал вывод Добролюбов, что литература, изображающая лиц, «заеденных средою», отстает от течения действительной жизни либо изображает такие явления, которые не определяют завтрашний день. Действительность дает уже людей, переработавших в своем сознании факты общественной жизни, вставших на путь борьбы, но литература их еще не может постичь. «Да и самый художественный интерес повести требует,

чтобы в изображении борьбы выставлялись враги, которых силы уравновешивались бы чем-нибудь. А тут — представляется громадное чудовище, называемое „дурною средою“ или „пошлою действительностью“, и против этого чудовища выводятся какие-то пухленькие младенцы… Скажут, что других нет… Положим. Но в таком случае… в этой среде нечего и искать, кроме предмета для самой беспощадной сатиры» (3, *6,* 195). Таким образом, начав обсуждение вопроса с критических замечаний в адрес художественного изображения «среды», Добролюбов переводит затем разговор в плоскость рассмотрения идейно-практического единства личности.

Русская литература рассматриваемого периода была перенаселена «благонамеренными» героями. В этом нашло отражение значительное распространение либерализма в русском обществе, а также неумение части общественных деятелей четко определить свою жизненную позицию. Критикуя «благонамеренных», Добролюбов по существу противополагает им людей деятельных, борющихся. Трудно требовать, говорит он по поводу «благонамеренных», сочувствия к «людям ничтожным, бесцветным, пассивным, к людям ни то ни се». Они ничего не умеют, они — «тщедушные и кабинетные люди», которые только и умеют мечтать красиво, благородно и смело. «Благонамеренных людей» характеризует разрыв прекрасных стремлений души с потребностями окружающей среды, да и их прекрасные стремления, по мнению Добролюбова, есть не что иное, как «естественные, неиспорченные стремления человеческой природы», они являются «следствием естественных, нормальных потребностей человека» (см. 3, 6, 196). Поэтому в этих стремлениях и нет ничего героического. Благородные юноши, которыми восхищалась русская литература, не заблуждаются потому, что никуда не идут, а сидят все время на одном месте. Последнее обстоятельство, говорит Добролюбов, превращает их прекрасные стремления и их слова в смутное, робкое полузнание. Напротив, людям деятельным, революционерам присуще истинное убеждение и знание, так как оно «проникло внутрь человека, слилось с его чувством и волей, присутствует в нем постоянно, даже бессознательно… Такое знание, если оно относится к области практической, непременно выразится в действии и не перестанет тревожить человека, пока не будет удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушаемая, неотлагаемая» (3, 6, 202).

Из сопоставления «благонамеренных юношей» и революционеров, имеющих решимость к самостоятельной деятельности и выступающих на борьбу с окружающей средой,

следовал еще и вывод о том, что одних естественных прекрасных стремлений души недостаточно для движения человека вперед, для преодоления бессмысленного и робкого топтания на месте. Для этого требуется сознательная работа человека над своим превращением в личность, достижение личностью идейно-практического единства. Это происходит путем постоянных столкновений с жизнью, борьбы за изменение окружающих условий, для этого в конечном счете требуется трезвый, реалистический взгляд на вещи, в основу которого положена материалистическая точка зрения.

К концу 50-х годов Добролюбов все чаще и чаще говорит о факте вовлечения в процесс преобразования социальной жизни России значительной части общества. Например, разоблачение Обломова Добролюбов объясняет тем, что «теперь уже настало или настанет неотлагательно время работы общественной…» (3, *4,* 333). В этих словах Добролюбова отразился действительный факт расширения социальной базы русского освободительного движения, связанный с переходом к разночинскому периоду его развития. Правда, при этом, рассчитывая на революционное выступление русского крестьянства, Добролюбов значительно преувеличивал этот факт, полагая, что в процесс преобразования вовлекаются и широкие народные массы. Говоря о том, что в русском обществе еще нет людей с цельным, деятельным, характером, т. е. людей, подобных Штольцу, Добролюбов уточнял при этом, что он имеет в виду образованное общество, напротив, «в массе, где идеи и стремления ограничены очень близкими и немногими предметами, такие люди беспрестанно попадаются…» (3, *4,* 340). Именно в массе народа Добролюбов искал тот тип личности, которая сумела бы пробудить в обществе движение, сказать ему «всемогущее слово „Вперед!“».

Сознательные борцы против самодержавно-крепостного строя, разночинцы-демократы представляли собой еще сравнительно узкий круг революционеров. Сложность ситуации заключалась в том, что Чернышевский и Добролюбов четко осознали необходимость коренных преобразований Общественных отношений в пользу интересов угнетенных классов, однако эти классы были крайне слабыми, бессознательными, пассивными, «народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу» (2, *20,* 140). В этих условиях вожди революционной демократии взяли верный курс на подготовку субъективного фактора революционных преобразований, воспитание передовых людей и народных маге в революционном духе. Следует согласиться с Ю. М. Стекловым в

том, что «литературно-критическая деятельность Добролюбова была сплошным призывом к общественной работе, к воспитанию характеров, необходимых для революционных выступлений…» (82, 37). Сознательные личности, революционеры, обладающие материалистическим мировоззрением, решимостью характера, воплощающие в своих действиях единство слова и дела, были призваны расширить идеи и стремления цельных людей из народной массы, внести сознательность, целенаправленность и организованность в народные массы. И хотя расчеты на революционное выступление русского крестьянства в XIX в. не оправдались, раскрытая выше точка зрения на вопросы стратегии и тактики революционного движения оказала большое влияние на последующие поколения революционеров, так как здесь революционеры-демократы подходили к осознанию важнейших закономерностей революционного движения — о необходимости единства теории и практики в революционном движении, о решающей роли в революции не только объективных условий, но и субъективного фактора, о взаимной связи деятельности революционера и движения широких народных масс и т. п. Решающее значение в этом процессе имело рассмотрение проблемы идейно-практического единства личности в трудах Добролюбова.

3. НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ЛИЧНОСТИ НОВОГО ТИПА

Проблема нравственного облика личности нового типа имела для Чернышевского и Добролюбова непосредственно-практическое значение. Она была поставлена развитием освободительного движения, потребностями процесса формирования субъективного фактора общественных преобразований и необходимостью реализации найденных теоретических решений. В условиях смены отрядов революционного движения и перехода к реалистическому взгляду на вещи некоторая часть революционеров недооценивала нравственные моменты при выборе средств достижения положительного идеала. Действия С. Нечаева и его сторонников в 60-е годы были наглядным проявлением этой тенденции. Нетребовательность в выборе средств по существу характеризовало мелкобуржуазную идеологию. Появлению «нечаевщины» способствовали многие обстоятельства русской жизни 50—60-х годов: упоминаемое выше отсутствие в стране революционного класса, неспособность общественных деятелей увидеть различие конечных интересов угнетенных слоев населения, небольшой практический опыт русской революционной интеллигенции и т. п. Правда, следует сказать, что методы Нечаева не получили поддержки русских революционеров. Против подобной нравственной вульгаризации деятельности революционера выступил в конце 50-х годов А. И. Герцен. Он посвятил проблеме нравственности революционера целый раздел в «Былом и думах». Однако подход Герцена основывался во многом на стремлении утвердить в жизни некоторые отвлеченные принципы морали, а также носил ярко выраженный личный характер, что часто сводило проблему к уровню выяснения личных отношений. Гораздо шире поставил вопрос Чернышевский, сформулировав принцип эгоизма как внутреннюю основу поступков людей, и высоконравственных, и безнравственных. Первые, в отличие от вторых, вызываются к жизни эгоизмом, имеющим разумный характер. Первоначально Чернышевский ставил эту проблему в общесоциологическом аспекте, как проблему выяснения мотивов поступков людей и возможности их рационального, научного объяснения. Так же подходил к вопросу и Добролюбов, однако ввиду того, что его целью была разработка теории личности и рассмотрение при этом конкретных типов человеческого поведения, то важнейшее

значение для него приобретает и собственно этический аспект проблемы. В статье «Антропологический принцип в философии», а также, уже после смерти Добролюбова, в романе «Что делать?» и других художественных произведениях Чернышевский специально обращается к проблемам этики.

Ориентация этической концепции Добролюбова на разработку теории личности нового типа лишает основательности всякие попытки противопоставления, которые делал, например, Иванов-Разумник, «индивидуалистических мыслей» Добролюбова «утилитаристской морали» Чернышевского и Писарева (см. 34, 40–43). К тому же надо сказать, что Иванов-Разумник и другие авторы по тем или иным причинам не всегда учитывали особенности так называемого утилитаризма революционных демократов, который, будучи органически слитым с принципом «разумного эгоизма» и утопическим социализмом, был диаметрально противоположен буржуазному утилитаризму И. Бентама и Дж. С. Милля.

Свое понимание нравственного облика личности, борющейся за прогрессивные идеалы, Добролюбов изложил в основном в большой статье о Н. В. Станкевиче. В этой статье Добролюбов в какой-то мере даже идеализировал личность видного просветителя 30-х годов XIX в., что можно объяснить стремлением мыслителя максимально приблизить свои теоретические понятия к жизни.

Реакционные публицисты писали, что Станкевич не был тружеником, не был самоотвержен, а следовательно, разговор о его общественном значении несостоятелен. Добролюбов объясняет появление указанной критики распространением в обществе ошибочной точки зрения, согласно которой «цель жизни не есть наслаждение, а, напротив, есть вечный труд, вечная жертва, что мы должны постоянно принуждать себя, противодействуя своим желаниям, вследствие требований нравственного долга» (3, 2, 387). Эту точку зрения высказывал И. С. Тургенев. Из нее следует, замечает Добролюбов, противопоставление потребностей человеческой природы требованиям долга. Однако эта точка зрения несостоятельна по той причине, что утверждаемые ею страдания в силу велений долга обусловлены дисгармонией наших собственных стремлений с требованиями долга. В случае же со Станкевичем, писал Добролюбов, отсутствие страданий, внутренней борьбы и всяких душевных мук происходит просто от гармонии его существа с требованиями нравственных принципов. Над ним не имели силы грязные побуждения, мелочные расчеты, двоедушные отношения. Во всей жизни Станкевича поэтому замечается ясность и

безмятежность, он живет без разделения с самим собой, без насилования естественных стремлений, присущих ему как личности, как человеку. Вообще взгляд на жизнь, как на тяжелый подвиг, по мнению Добролюбова, высоко ценит внешнюю сторону дела. В действительности же люди, исполняющие нравственный долг в силу предписания, а не любви к добру, не являются достойными восхвалений, так как они постоянно переживают разрыв естественного стремления и предписаний долга. Истинно нравственным человеком, считал Добролюбов, можно назвать только того, «кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития, так, чтобы они не только сделались инстинктивно необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение» (3, 2, 390). В конечном счете это эгоизм, но эгоизм, «полагающий в счастии других собственное счастье». В то же время действия формально-добродетельного человека тоже эгоистичны, но это эгоизм мелкий, вытекающий из тщеславия, малодушия, в основе его лежит либо страх, либо корыстный расчет, либо другие низменные чувства.

Принципы гуманизма пронизывают мысли Добролюбова о нравственном облике личности. Это проявляется в признании им права Станкевича на общее уважение лишь за одно его стремление слить свои влечения с требованиями добра и правды. Принципы гуманизма проявляются от Добролюбова от уважения человеческого достоинства. Зависят от количества бед, преодоленных им. Наличие таких препятствий есть следствие неправильности общественных отношений, утверждает Добролюбов. Поэтому нельзя желать людям горя и страданий, а если уж они сталкиваются с пороками и злоупотреблениями и вынуждены бороться со злом, то последнее обстоятельство кроме уважения к героям вызывает еще чувство жалости к ним, и мы «никогда не решимся, — пишет Добролюбов, — бросить им холодное, фаталистическое: „Так должно! таково назначение великих и благородных людей!“» (3, *2,* 392–393). С точки зрения борьбы за индивидуальные права личности, признания ее значения в жизни и истории, учета потребностей развития ее природы совершенно несостоятельны, считал Добролюбов, «романтические фразы об отречении от себя, о труде для самого труда» или «для такой цели, которая с нашей личностью *ничего общего* не имеет…» (3, *2,* 394).

Станкевич, подчеркивал Добролюбов, очень хорошо понимал нелепость насильственной добродетели. Он твердо сознавал, что человек может удовлетвориться не иначе как полным согласием с

самим собою и что искать этого удовлетворения и согласия всякий не только может, но и должен. Заслуга Станкевича заключается в том, что он сумел в условиях своей жизни максимально развить в себе человеческие элементы, т. е. сумел в себе развить восприимчивость к благу жизни, высшим выражением которой является жизнь для других, наслаждение чужой радостью, чужим счастьем. Заслуга Станкевича заключается и в том, что он был человек действительно честный и высоконравственный в своей жизни. «Мысль и чувство и сами по себе не лишены, конечно, высокого реального значения, — пишет Добролюбов, — поэтому простая забота о развитии в себе чувства и мысли есть уже деятельность законная и небесполезная. Но польза ее увеличивается оттого, что вид человека, высоко стоящего в нравственном и умственном отношении, обыкновенно действует благотворно на окружающих, возвышает и одушевляет их» (3, 2, 395).

Станкевич, по определению Добролюбова, был натурой по преимуществу созерцательной. Поэтому он не боролся со злом, а просто удалялся от него. Он это делал, не видя возможности уничтожить зло, не находя в себе достаточных средств для этого. Такой поступок не может вызвать осуждения, полагал Добролюбов, потому что Станкевич, удаляясь от зла, не мирился с ним, поступал так не из трусости или корысти. Более того, замечает критик, «при обстоятельствах, менее благоприятных для спокойного саморазвития и самосовершенствования, при существовании непосредственных враждебных столкновений с миром Станкевич не побоялся бы отстаивать свои убеждения и действовать против злых в пользу добрых…» (там же). Последнее замечание очень важно, так как показывает особенности понимания Добролюбовым причин появления в обществе высоконравственных людей, вступающих в борьбу с «фальшивыми отношениями» общества. Число борцов против самодержавия и крепостничества в России 50—60-х годов постоянно увеличивалось, несмотря на трудные условия борьбы.

Жизнь Станкевича стала для Добролюбова центральным звеном в исследовании проблемы *нравственного образа личности.* Именно с ним должны сопоставляться те деятели, для которых, по мнению Добролюбова, характерен разрыв долга и естественных стремлений, деятельность которых не может получить высокой оценки и даже может быть признана безнравственной. Кроме ярко выраженных антиподов нравственно целостному человеку, например нравственных уродов, представленных в пьесах А. И. Островского, Добролюбов рассматривает и как бы сопоставляет со Станкевичем некоторых героев, поступки которых на первый

взгляд как будто бы подобны поступкам последнего. Мы имеем в виду «благонамеренных юношей» и Обломова.

Объясняя свое отношение к «благонамеренным юношам», Добролюбов писал, что их прекрасные стремления, пока они остаются только стремлениями, лишены какого-либо практического значения. Все эти прекрасные стремления есть следствия естественных потребностей человека. Прекрасные понятия героев повестей обычно представляют в критике как нечто особенное, высшее, а если «посмотреть просто и беспристрастно, — говорит Добролюбов, — то окажется, что желание избавиться от стеснений и любовь к самостоятельной деятельности так же точно неотъемлемо принадлежат человеку, как желание пить, есть, любить женщину» (3, 6, 198). С какой же стати требовать симпатии к такому человеку, признавать особой заслугой выражение естественных, неизбежных требований его организма? Поэтому истинную оценку людям можно дать только на основе их деятельности, конкретных фактов. Отсюда, «требуя от людей дела, — говорит Добролюбов, — мы строже можем допрашивать всяких мечтателей… и по допросе окажется, что мечтатели эти — весьма ничтожные люди» (3, *6,* 199). Последние слова содержат прямую нравственную оценку «благонамеренных юношей», в которых не трудно узнать характерные черты русских либералов 50—60-х годов. Эта оценка диаметрально противоположна оценке нравственных достоинств Станкевича, хотя заслугой последнего, утверждал Добролюбов, было именно развитие естественных стремлений, «гармония его существа с требованиями чистой нравственности» (3, 2, 387).

Станкевич силою размышлений и самостоятельных наблюдений дошел до сознания ложности того, что всеми окружающими выдавалось за истину. Однако в случае с «благонамеренными», по мнению Добролюбова, такой внутренней работы не происходит. «Человека, сознавшего ложность настоящего порядка и упорно, неотступно добивающегося истины, нового Фауста никто нам и не думал изображать…» (3, 6, 199).

Станкевич сумел достичь такой гармонии долга и собственной природы, что необходимость такого соотношения стала не только инстинктивно необходимой для него, но и доставляла ему внутреннее наслаждение. Именно то, что Станкевич был «разумным эгоистом» в собственном, высшем смысле этого понятия, определяет, по мысли Добролюбова, нравственное превосходство его над «благонамеренными». Последним присущи мысли об изначальной порочности человека, попытки объяснить собственное безделье свойствами

человеческой приооды, низменными стремлениями толпы и т. п. В конечном счете, справедливо считал Добролюбов, «благонамеренные юноши» оказываются реакционерами, так как признают неизбежность существующих отношений, бесполезность борьбы за их изменение. «Доблестные юноши, — пишет он, — мало имеют человечества в груди и смотрят на все как-то официально, при всей видимой вражде своей ко всякой формалистике; они воображают, что человек идет в сторону и делает подлости именно потому, что уж такое его назначение, так сказать — должность, чтобы делать подлости…» (3, 6, 203). Нравственная позиция, подобная позиции Станкевича, пронизана, считал Добролюбов, реальным гуманизмом и в конечном счете неизбежно ведет к социализму, является его краеугольным камнем. В условиях отсутствия подлинно научного взгляда на развитие общества «разумный эгоизм» был тем рычагом, который, как считали революционеры-демократы, в состоянии побудить к высоконравственной практической деятельности личность, подобную по своему складу Станкевичу.

Станкевич удаляется от зла, вместо того чтобы вступать с ним в борьбу. Однако это не помешало сохранить ему нравственную чистоту и честность. Созерцателями по существу являются и герои обломовского типа, однако позиция обломовых, согласно Добролюбову, не характеризуется высокой нравственностью. Это происходит прежде всего потому, что у них в жизни нет такого дела, которое было бы для них жизненной необходимостью, органически срослось бы с ними так, что без него немыслима была бы их жизнь. «Все у них внешнее, ничто не имеет корня в натуре» (3, *4,* 335). Они только говорят о высших стремлениях, о сознании нравственного долга, о проникновении общими интересами, но даже наиболее выдающиеся из них легко отступают в практической жизни от своих идей, планов и принципов. И хотя, сталкиваясь с действительностью, они тоже страдают, но обществу, замечает Добролюбов, нет дела до их страданий.

Что же касается самого Обломова, то, несмотря на то что он, по словам Добролюбова, не делает зла, так как вообще ничего не делает, нравственный облик его не может вызвать никакой симпатии. Безнравственность Обломова, как и безнравственность помещиков в рассказах писательницы Марко Вовчок, определяется их положением в обществе. «…Гнусная привычка, — пишет Добролюбов, — получать удовлетворение своих желаний не от собственных усилий, а от других, — развила в нем (Обломове. — *В. Н.)* апатическую неподвижность и повергла его в жалкое состояние нравственного рабства. Рабство это так

переплетается с барством Обломова, так они взаимно проникают друг в друга и одно другим обусловливаются, что, кажется, нет ни малейшей возможности провести между ними какую-нибудь границу» (3, *4,* 318). Нравственное рабство Обломова проявляется и в его жизненной позиции. Если для Станкевича всегда есть дело, занятие по развитию человеческих начал собственной природы, по развитию мысли и чувства, а высшее наслаждение ему доставляет деятельность для других, то Обломов, не осознавая своего положения, точнее, не умея постичь смысл жизни, тяготится и скучает от всего, что ему приходится делать. Неестественное материальное состояние Обломова и ему подобных, по мысли Добролюбова, полностью обусловливает разлад в их характере между нравственными понятиями, принципами, долгом и подлинными потребностями их природы. Те же стремления, которые на первый взгляд выступают как естественные, есть в действительности стремления искаженной человеческой природы.

Проблема нравственной дельности личности постоянно волновала Добролюбова. Он углубляет ее решение привлечением других конкретных примеров и образов. Вспомним статью «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ». Добролюбов в ней не ограничивается анализом деятельности и взглядов английского утописта. В статье нарисован образ Оуэна, показан его высокий нравственный облик. Несмотря на наивность утопических мечтаний Оуэна, Добролюбов видит в нем чрезвычайно гармонично развитого человека, преданного своим убеждениям, готового на любые шаги во имя их практического осуществления и, более того, сделавшего такие шаги, пусть и неудачные. Именно убежденность, готовность к практическим действиям и, кроме того, поразительное бескорыстие, политическая принципиальность, стремление преобразовать мир на началах правды — все это и составляет, по мнению Добролюбова, нравственный облик Оуэна, возвышает его над окружающим в умственном и нравственном отношениях и действует благотворно на других людей.

Добролюбов пытался решить проблему нравственной цельности личности с позиции антропологического материализма. Основанием для этого выступает гармония потребностей человеческой природы с требованиями долга. Нравственными являются все те стремления, которые будут следствием естественных потребностей человека. Таким образом, предпринимается попытка подвести для нравственных законов реальные основы в виде человеческой природы. Последняя приобретает особо важное значение в системе этических

представлений Добролюбова. Возникает вопрос, что следует понимать под природой человека, какие потребности и стремления ее являются действительными, естественными, а какие — искусственными, искажающими природу человека и т. п.? Отвечая на этот вопрос, Добролюбов писал, что сущностью природы человека может выступать способность человека к развитию. Из этого свойства человеческой природы следует, согласно Добролюбову, соответствие ее потребностям начал социализма, в том числе новой морали. Из признания способности человека к развитию и наклонности его к деятельности можно вывести, писал Добролюбов, «с одной стороны, естественное требование человека, чтоб его никто не стеснял, чтоб предоставили ему пользоваться его личными неотъемлемыми средствами и безмездными, никому не принадлежащими благами природы, а с другой стороны — столь же естественное сознание, что и ему не нужно посягать на права других и вредить чужой деятельности» (3, 6, 197). В итоге Добролюбов понимает природу человека как человеческий организм со всей совокупностью физических и духовных отправлений и потребностей, взятый во взаимодействии с окружающей природой и обществом, определяющими реальные возможности развития человека.

В теоретической части своей этики Добролюбов весьма близок воззрениям Фейербаха и просветителей предыдущих эпох. Согласно Фейербаху, стремление к счастью прирождено человеку и поэтому постоянно требует уважать в других такое же стремление. Однако имеются и значительные различия в концепциях двух мыслителей. Добролюбов не пытается вывести нравственность из природы человека. Главная его забота — показать нравственное единство личности, такое состояние ее, когда требования долга и естественные стремления человека полностью соответствуют друг другу. Поэтому он не ограничивается абстрактными рассуждениями по данному вопросу, а приводит конкретные примеры людей, воплотивших такое гармоничное единство: Станкевича, Оуэна, Белинского и др. Такой подход приводил к рассмотрению нравственных явлений в зависимости от условий исторически конкретного общества. Примером такой конкретизации может служить мысль Добролюбова о том, что жизнь Станкевича, Белинского полностью удовлетворяла условиям России 30—40-х годов, но в новых условиях требуется иное отношение к жизни, к деятельности. Занявшись проблемой нравственной гармонии человека, Добролюбов получил возможность выводить нравственные принципы, обобщая жизнь и поведение определенных классов,

сословий, групп общества, интересы и стремления которых он считал объективно прогрессивными. Чернышевский доказывал прогрессивность стремлений этих сил путем социологического, экономического и философского исследования, Добролюбов показывал, что их нравственность соответствует и естественным потребностям человеческой природы. Разумеется, все эти аспекты рассмотрения тесно переплетались в работах вождей русской революционной демократии. Ссылки на человеческую природу мы постоянно встречаем у Чернышевского, как и философскую, социологическую аргументацию — у Добролюбова.

Добролюбов утверждает нравственные принципы людей будущего: ведь только с будущим связывается представление о гармонии требований долга и естественных стремлений. В современном ему обществе человек лишь в очень редких случаях может быть счастливым. Та реальная нравственность, которая характеризует жизнь простого народа, во многом искажена «искусственными», отжившими свое время отношениями, отсутствием материальных условий для удовлетворения потребностей человека и т. п. Значит, следовал вывод из работ Добролюбова, утверждение гармонии требований долга и естественных стремлений в масштабах всего общества требует изменения общественных отношений, установления социалистического порядка. В настоящих же условиях только отдельные индивиды воплощают такую гармонию, и появление их создает, считали революционные демократы, возможность формирования субъективного фактора будущих революционных преобразований. Можно полагать, что именно стремление объяснить появление на фоне господствующей в обществе безнравственности таких личностей, как Белинский, Станкевич, Герцен и др., заставляет Добролюбова вводить представление о гармонии выработанных самосознанием гуманных требований долга и требований человеческой природы, да и вообще привлекать последнее понятие в систему своих рассуждений. Чернышевский и Добролюбов уже начинают осознавать относительный, классовый характер нравственных принципов. У Чернышевского можно встретить мысль о том, что со времени появления классов жизнью общества, к сожалению, управляли жадность и властолюбие. Да и вряд ли возможно допустить, чтобы при наличии солидного политического опыта, изучения истории, непосредственного участия в общественной жизни, знакомства с жизнью народа Чернышевский и Добролюбов пытались утвердить некие отвлеченные принципы чистой морали, основанные, как это было у Фейербаха, на всеобщей любви, абстрактной справедливости т. п. Материалистическая по своей

тенденции трактовка «разумного эгоизма» как основы нравственности предполагала деятельность в интересах определенных, а именно эксплуатируемых, классов, должна была способствовать нравственному воспитанию революционеров и стать фундаментом морали социалистического общества, которое, согласно Чернышевскому и Добролюбову, порождается не нравственным перевоспитанием личности, а упорной политической и социальной борьбой трудящихся масс. «Разумный эгоизм» поведения личности, в трактовке Чернышевского и Добролюбова, не противоречил интересам общества, не противоречил стремлениям прогрессивных классов.

Конечно, этическая концепция, основанная на принципе «разумного эгоизма», была теоретически и практически ограниченной. Эта ограниченность проявлялась прежде всего в нечеткости сознания классового характера человеческих поступков, а также в относительной неопределенности рассуждений о «стремлениях, потребностях человеческой природы», что вполне отвечало социальной сущности демократии. Однако в то же время концепция Чернышевского и Добролюбова позволяла приблизиться к осознанию того, что в «действительности каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно» (1, *21,* 298–299). Это приближение особенно заметно при анализе Добролюбовым пьес Островского, жизненной позиции и поступков героев этих произведений — Дикого, Пузатова, Большова и др.

Учение Добролюбова о нравственной цельности человека, о слиянии требований долга и естественных стремлений человека, выражающемся в жизни и деятельности для другого и доставляющем личности истинную полноту существования и высшее наслаждение, имело большое воспитательное значение.

4. ДУХОВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЛИЧНОСТИ

Идеалисты иронизировали по поводу революционно-демократического подхода к объяснению деятельности личности, мотивов и причин человеческих поступков. Самым уязвимым местом в этой теории идеалисты считали упрощенное понятие о человеке, сведение его к «таблице логарифмов» и т. п. В противовес революционно-демократической теории выставлялся либо иррационалистический взгляд, ведущий к принятию веры в качестве нравственной опоры человека, признанию божественного промысла в качестве конечной причины проявлений темной и непознаваемой человеческой природы, либо взгляд позитивистский, предполагающий всемерную биологизацию человека, не признающий иных причин человеческих поступков, кроме достижения утилитарных целей. Идеалистической атаке подвергался материалистический подход к объяснению психики человека, вера в силу человеческого разума, гуманизм революционных демократов. Эта критика имела и более широкий фон и далеко идущие цели: отвергая революционно-демократическую точку зрения на личность, реакционная идеалистическая философия проповедовала пессимизм и неверие в возможности человека, отрицала пути социалистического переустройства общества. Объектом критики стали положения Чернышевского о материальных причинах как явлений духовной деятельности человека, так и его поступков — нравственных или безнравственных, содержащиеся в «Антропологическом принципе в философии», а также наглядно проиллюстрированные в романе «Что делать?». Однако при видимой основательности обвинений Чернышевского в схематизме возражения идеалистов ни в коем случае не подрывают теорию личности революционных демократов. Чернышевский дал на основе материализма общее, теоретическое объяснение поступков и духовной деятельности человека. Признавая в качестве основы деятельности человека расчет, эгоизм, Чернышевский объяснял причины конкретных человеческих поступков. Дело в том, что расчет каждого человека относится к его ближайшему поведению, но он постоянно опосредствуется включением человека в систему общественных отношений, его личными свойствами и т. п. Вот и получается, что человек не рассчитывает, а действует, повинуясь естественным стремлениям, порывам чувств и страсти, призыву других людей и

т. п. Еще более сложными являются поступки разумных эгоистов. В применении к проблеме переустройства общества на началах справедливости разумный эгоизм совокупности индивидов, составляющих сообщество революционеров, в первую очередь опосредствуется исторической необходимостью. Так что то «упрощение» человека, о котором толковали противники социализма, в действительности отсутствует в концепции Чернышевского. Хотя революционные демократы пользуются здесь явно просветительской терминологией, содержание этих понятий нельзя считать чисто просветительским. Стержнем анализа Добролюбовым вопроса о духовном единстве личности является образ Катерины, созданный Островским в драме «Гроза». Анализируя произведения великого русского драматурга, Добролюбов сумел изложить в печати систему собственных воззрений по вопросам личной и общественной жизни в России. В статье «Темное царство», посвященной комедиям «Бедность не порок» и «Свои люди — сочтемся», Добролюбов выразил революционно-демократический взгляд на самодержавно-крепостнические порядки. Основной акцент статьи сделан на том, что в условиях «темного царства» человек становится «гадок для нас именно тем, что в нем видно почти полное отсутствие человеческих элементов…» (3, 5, 57). Причем это характерно не только для угнетателей (Болыпов, Подхалюзин), но и для угнетенных. Подобное искажение или, по словам Добролюбова, «сглажение, *отменение* человеческой личности» (3, 5, 69) — неизбежный результат тех обстоятельств, в которых проходит жизнь героев «темного царства». Будучи посвящена литературным произведениям, к тому же вызывавшим противоречивые толкования и оценки, статья «Темное царство» была удобной формой изложения революционно-демократических взглядов.

В статье «Луч света в темном царстве» Добролюбов продолжил поднятую тему, однако центр тяжести перенесен здесь на изображение личности, способной выступить против устоев «темного царства». Основой суждений Добролюбова является развиваемая им точка зрения антропологического материализма. Уже в первой статье Добролюбов писал, что самая гадость и пошлость действий самодура Болыпова, «представленная следствием неразвитости натуры, указывает необходимость правильного, свободного развития и восстановляет пред нами достоинство человеческой природы, убеждая нас, что низости и преступления не лежат в природе человека и не могут быть уделом естественного развития» (3, 5, 57). Вторая статья показывает конкретные проявления природы человека, составляющие его характер, психическое и эмоциональное

восприятие мира и т. п. В ней ярко показано влияние на эти проявления природы конкретных условий существования человека.

Островский изобразил, как сила природы проявляется в протесте человека против условий своего существования. Условия жизни в «темном царстве» ужасны. С одной стороны, произвол самодуров, опирающийся на толстую мошну, с другой — жизнь большей части обитателей «темного царства» под гнетом произвола, когда «система бесправия и грубого, мелочного эгоизма, водворенная самодурством, прививается и к тем самым, которые от него страдают…» (3, 6, 320). Последние «находят неловким и даже дерзким настойчиво доискиваться разумных оснований в чем бы то ни было» (3, *6,* 325). Самодурство оказывается в состоянии исказить логику здравого смысла у людей, оно не позволяет им отличить истину от лжи.

Русская жизнь, по мнению Добролюбова, родила потребность в людях деятельных и энергичных, способных внести сознание правды и права в жизнь и деятельность. Однако такая деятельность натолкнется на решительное сопротивление Дикого, Кабановой и других самодуров, а поэтому «для преодоления препятствий нужны характеры предприимчивые, решительные, настойчивые» (3,6,335).

Какие же характеры давали до сих пор, спрашивает Добролюбов, либо реальная русская жизнь, либо отвлеченные логические конструкции писателей, сознавших необходимость новых людей? Он выделяет несколько типов таких характеров и указывает их неспособность разрушить устои «темного царства».

Прежде всего речь идет о характерах, сильных одной логической стороной. Их возможности, намечает Добролюбов, весьма ограниченны. перед самодурами всякая логика исчезает. В статье высказано очень важное положение, показывающее отсутствие в сознании критика всяческих иллюзий относительно возможностей просветительского подхода к вопросу о коренном преобразовании существующих общественных отношений. «Никакими силлогизмами, — писал он, — вы не убедите цепь, чтоб она распалась на узнике…» (3, 6, 337). Добролюбов имеет в виду попытки либеральной оппозиции ограничить произвол и «исправить» существующие порядки с помощью просвещения, увеличения роли «образованных кругов» в общественной жизни и т. п. «Очевидно, что характеры, сильные одной логической стороной, — сделал вывод Добролюбов, — должны развиваться очень убого и иметь весьма слабое влияние на общую деятельность там, где всею жизнью управляет не логика, а чистейший произвол» (там же). Ни в коем случае не следует

понимать эти мысли Добролюбова как свидетельство недооценки им и Чернышевским революционной теории. Они признавали первостепенное значение теории для практики.

Далее Добролюбов выделял людей, сильных практическим смыслом, который выступает в «темном царстве» как умение пользоваться обстоятельствами и располагать их в свою пользу. Эти люди превращаются в обыкновенных дельцов, приспособленцев. По мнению критика, практический смысл может вести человека к честной деятельности только тогда, когда обстоятельства располагаются сообразно с «естественными требованиями человеческой нравственности» (там же).

Не способны на серьезный протест и характеры патетические, живущие минутою и вспышкою. Это объясняется, во-первых, тем, что их порывы случайны и кратковременны, приверженность делу во многом определяется удачей, а так как самодуры упорно защищают свое положение, то указанные люди отступают от дела. Во-вторых, даже при относительной удаче, когда самодуры почувствовали бы шаткость своих позиций и пошли бы на уступки, все равно, замечает Добролюбов, патетические характеры не способны достигнуть многого, так как они, «увлекаясь внешним видом и ближайшими последствиями дела, никогда почти не умеют заглянуть в глубину, в самую сущность дела» (3, *6,* 338). Последнее обстоятельство приводит к тому, что их легко обмануть малейшими признаками успеха, а незамедлительное проявление последствий подобного легковерия приводит их в состояние апатии и ничегонеделания.

Сильный русский характер, полагал Добролюбов, представлен в образе Катерины. «Не с инстинктом буйства и разрушения, но и не с практической ловкостью улаживать для высоких целей свои собственные делишки, не с бессмысленным трескучим пафосом, но и не с дипломатическим, педантским расчетом является он перед нами» (3, *6,* 337). Этот характер изображен сосредоточенно-решительным, неуклонно верным чутью естественной правды. Ему лучше гибель, чем жизнь в старых условиях. «Он водится… — читаем мы в статье Добролюбова, — просто *натурою,* всем существом своим. В этой цельности и гармонии характера заключается его сила…» (там же). Добролюбов неоднократно отмечал силу этого характера. Она определяется уже тем, что против произвола самодуров протестует женщина, самое угнетенное и забитое существо в семейном быту «темного царства». Возникает вопрос: где взять Катерине столько характера? Отвечая на него, Добролюбов подчеркивал, что естественных стремлений человеческой природы совсем уничтожить нельзя, упругая человеческая натура

способна выдерживать большое сжатие, но, «чем положение неестественнее, тем ближе и необходимее выход из него» (3, 6, 341). Натура заменяет в действиях Катерины и «соображения рассудка и требования чувства и воображения: все это сливается в общем чувстве организма, требующего себе воздуха, пищи, свободы. Здесь-то, — говорит Добролюбов, — и заключается тайна цельности характеров, появляющихся в обстоятельствах, подобных тем, какие мы видели в „Грозе“, в обстановке, окружающей Катерину» (там же). Самодурство стало до крайности враждебно естественным требованиям человечества и стремится остановить их развитие, но это еще более усиливает протест, который переходит в упорную борьбу. Катерина не принимает воззрения, господствующие в «темном царстве», она пытается на основе живых впечатлений иметь свой собственный взгляд на мир. И хотя Катерина и не понимает сама своих ощущений, писал Добролюбов, она «в грубых и суеверных понятиях окружающей среды… постоянно умела брать то, что соглашалось с ее естественными стремлениями к красоте, гармонии, довольству, счастью» (3, 6, 344). Создавая свой мир, она в то же время не принимала собственные мечты за действительность, и в этом проявляется сила ее характера. Сила характера проявляется также в последовательности стремлений и действий Катерины. Когда такая личность поймет, что ей нужно, говорил Добролюбов, то добьется своего во что бы то ни стало, ничто ее не остановит. К указанию на силу характера, духовную цельность Катерины Добролюбов добавляет и нравственную оценку ее жизни. Катерина из «Грозы» выступает против господствующей морали, с точки зрения последней ее любовь и даже ее гибель безнравственны. Но в действительности стремление Катерины к духовной и нравственной цельности является выражением высшей нравственности, так как оно, считает Добролюбов, гармонично сливается с естественными стремлениями ее природы. Как в известной статье Добролюбов показал, что нет основании порицать созерцательную позицию Станкевича, так в статье «Луч света…» он говорит, что и самоубийство Катерины не дает оснований для нравственного осуждения. Поступки Катерины находятся в гармонии с ее натурой, они для нее естественны, необходимы. «Претендованные в других творениях нашей литературы сильные характеры, — подводил итог анализу характера Катерины Добролюбов, — похожи на фонтанчики, бьющие довольно красиво и бойко, но зависящие в своих проявлениях от постороннего механизма, подведенного к ним; Катерина, напротив, может быть уподоблена большой, многоводной реке: она течет, как требует ее природное

свойство… Не потому бурлит она, чтобы воде вдруг захотелось пошуметь или рассердиться на препятствие, а просто потому, что это ей необходимо для выполнения ее естественных требований — для дальнейшего течения» (там же).

Образ Катерины позволял Добролюбову от анализа жизнедеятельности личности перейти к анализу жизнедеятельности народа. Он замечал, например, что воздействие даже самых высоких идей ораторов «всегда будет гораздо слабее и ниже того простого, инстинктивного, неотразимого влечения, которое управляет поступками личностей вроде Катерины, даже и не думающих ни о каких высоких „идеях“» (3, *6,* 353). А ведь именно совокупность таких личностей составляет народ. Добролюбов осознавал, что усвоение правильной революционной теории ускорит движение масс, но и без этого объективный процесс развития общества ведет к удовлетворению их естественных стремлений. В мыслях Добролюбова о необходимости удовлетворения естественных потребностей личности и народа, несмотря на характерную для предшествующих марксизму материалистических систем ограниченность, заключалось положительное содержание, так как эти естественные стремления понимались революционерами 60-х годов как выражение необходимости реализации демократических и социалистических начал в жизни общества.

Образ Катерины был использован Добролюбовым в двух тесно связанных и обусловливающих друг друга аспектах. Первый из них заключался в выяснении основных черт характера Катерины, духовной цельности личности и в использовании полученных результатов в процессе разработки революционно-демократической теории личности. Второй — более широкий и, кажется, более важный для Добролюбова в силу специфики понимания задач литературы и литературной критики заключался в выяснении общественного значения появления такого образа. Раз литература призвана выступать в роли «барометра» общественного развития, раз она должна выражать естественные стремления времени, то несомненно, что это развитие должно в первую очередь проявиться в жизни человека, обладающего сильным характером. Именно таким человеком была Катерина.

В цельности и гармонии характера Катерины, по мнению Добролюбова, заключается «существенная необходимость его в то время, когда старые, дикие отношения, потеряв всякую внутреннюю силу, продолжают держаться внешнею, механическою связью» (3, 6, 337). Вывод Добролюбова о том, что старые отношения в России середины XIX в. были лишены

внутренней силы, был недостаточно обоснованным, что вытекало из ограниченности антропологического материализма, принятого в качестве методологии рассмотрения жизни общества. Правда, здесь содержалась и рациональная мысль о том, что, будучи лишены внутренней необходимости, старые, отжившие отношения в обществе могут еще долго существовать, опираясь на случайные обстоятельства, на старые внешние связи и т. п. Приведенное высказывание Добролюбова раскрывает значение образа Катерины и других образов реалистической литературы для революционной демократии 60-х годов. В этом образе, полагал Добролюбов, выразилась и слабость устоев «темного царства», и созревание народного гнева, и осознание личностью собственных стремлений, и появление характеров, способных умереть во имя торжества начал справедливого общественного устройства, появление людей, для которых новые идеалы не временные увлечения, а выражение потребностей развития человека и общества. Такая оценка образа Катерины Добролюбовым была равносильна постановке революционной демократией 50—60-х годов проблемы определения революционной ситуации в стране, хотя, разумеется, этим уровнем решения вопроса о наличии революционной ситуации в стране они не могли удовлетвориться. Многочисленные статьи революционных демократов указанного периода по крестьянскому и другим политическим вопросам были попыткой ответа на поставленный вопрос.

Добролюбов затрагивал проблему духовной цельности личности, ее характера, мотивов деятельности и т. п. и пои анализе жизни конкретных исторических лиц: Оуэна, Петра I и др. Однако деятельность этих лиц протекала в иных исторических условиях, чем условия России середины XIX в., характеризовалась другими целями и задачами, и поэтому вопросы духовного единства личности при ее рассмотрении отступали на второй план.

Всесторонняя разработка Чернышевским и Добролюбовым теории личности вела в ряде моментов к преодолению абстрактного подхода к человеку в антропологической философии. Выдвигая на первый план вопросы материального единства человека, идейно-практической, нравственной и духовной цельности личности, русские революционные демократы создавали, с одной стороны, модель личности будущего общества, а с другой — объясняли конкретный факт появления в условиях «заедающей среды» России передовых личностей, революционеров-разночинцев. Выделяя в результате анализа образов реалистической литературы и исторической

деятельности конкретных лиц наиболее существенные характеристики новой личности, а также рассматривая реальность этих характеристик как выражение определенного состояния, уровня общественного развития, Чернышевский и Добролюбов шли в направлении исторического материализма.

Глава III
ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИЯ НАРОДА

Наряду с проблемой личности важнейшие статьи Добролюбова связывала в единое целое проблема народа. Она предполагала прежде всего решение вопросов о роли народа, народных масс в истории, о соотношении личности и народа, о революционном народе и о перспективах народной революции.

Исходной базой для Добролюбова служили социологические взгляды Белинского и Чернышевского. Добролюбов стремится к развитию материалистической социологии, можно сказать, по линии определения субъективного фактора истории и социально-политической конкретизации общесоциологических воззрений Чернышевского. В его работах народ представлен как исторический деятель, более того, речь идет чаще всего о русском народе конкретной исторической эпохи. С этих позиций Добролюбов пытался объяснить особенности исторического бытия народа. Это проявляется в желании объективно, реалистически объяснить явления народной жизни, исключить идеализм и произвол в толковании действий народа, а тем более исключить недооценку роли народа в истории. Необходимость и важность разработки теории народа в рамках материалистических взглядов революционных демократов усиливалась тем, что народ был тем элементом общества, посредством деятельности которого была возможна практическая реализация революционно-демократических идей.

Однако ограниченность антропологической Методологии не позволила Чернышевскому и Добролюбову создать подлинно научную теорию народа. В то же время материалистическая, социалистическая направленность поисков, преданность интересам угнетенных народных масс приводят к формулировке в созданной ими теории ряда интересных и правильных положений (см. 10, 112–114, 82, 51–56). Именно это обусловило большое значение теории народа, разработанной Чернышевским и Добролюбовым, для последующего революционного движения в России.

1. НАРОД В ИСТОРИИ

Закономерность истории была очевидным фактом для вождей русской революционной демократии. Вопрос этот неоднократно обсуждался в статьях Чернышевского, начиная от «Критики философских предубеждений против общинного владения» и кончая «Антропологическим принципом в философии». Признание закономерности исторического развития было краеугольным камнем оптимистического взгляда на будущее человечества. Хотя социалистическая концепция революционеров-демократов и была утопической, но закономерность победы нового строя не вызывала у них сомнения. Социализм, полагали революционеры-демократы, должен быть следствием определенных материальных и социальных предпосылок, общественных условий, борьбы народных масс; исторический процесс носит в конечном счете прогрессивный характер, и общество неизбежно движется к более совершенному устройству.

Не следует считать, что закономерность исторического развития постулировалась революционными демократами просто как необходимый принцип их идеологии. Вывод о закономерности истории и всеобщей связи явлений общественной жизни был сделан на основе тщательного изучения исторических фактов, исторических трудов, осмысления событий общественной жизни. Центральным пунктом в этом случае была попытка проведения в истории материалистической точки зрения, требование реалистического подхода к выяснению причин любых явлений. Поэтому и возникал вопрос об отказе от высокопарных фраз в объяснении истории и от привлечения в качестве оснований исторических событий побуждений отдельных лиц, волевых решений и т. п. Для того чтобы найти общую нить, связывающую исторические факты, надо приучить себя к строгому отличию слов от дел, писал Добролюбов. В то же время требование учета реальных фактов не приводило Чернышевского и Добролюбова к отказу от поиска существенных связей в историческом процессе, а также скрытых от поверхностного взгляда движущих сил его. И здесь, так же как и в других областях исследований, революционными демократами, с одной стороны, отвергались попытки развить умозрительную, спекулятивную философию, лишенную надежной опоры на факты конкретных наук и общественной практики, с другой — утверждалась необходимость признания ряда основополагающих философских положений, являющихся в свою очередь предпосылками науки и практики, так как они выражают

наиболее существенные связи действительности.

В работах Добролюбова выделяется ряд основных черт исторического процесса. Будучи в общем виде представлены в работах Чернышевского, эти признаки конкретизировались Добролюбовым на основе изучения литературных произведений, обращения к фактам истории, современной повседневной жизни, осмысления социально-политических и психологических явлений и т. п. Вскрытые черты исторического процесса служили определенной канвой теоретических представлений о народе.

История, согласно Добролюбову, является закономерным процессом. Он неоднократно говорит о постоянных либо всеобщих законах истории (см. 3, 3, 264). Правда, при этом не уточняется, о каких законах идет речь, какую сторону общественной жизни они выражают. Не разделяя научного взгляда на историю, как он представлен историческим материализмом Маркса и Энгельса, невозможно разработать отчетливое представление об общественных закономерностях. Поэтому Плеханов был прав, говоря об отсутствии у Чернышевского научного понятия исторической закономерности, т. е. представления о преемственной связи материальных состояний общества, прежде всего представления об объективном процессе развития производительных сил. Однако заслугой революционных демократов была постановка проблемы исторической закономерности, их материалистическая методология предполагала выявление таких закономерностей и их практическое использование с целью улучшения условий жизни трудящихся.

Добролюбов в качестве исторических законов рассматривал как самые общие характеристики исторического процесса, так и те существенные зависимости, которые характеризуют жизнь и деятельность всего общества, личности и народа в конкретный период истории.

Наряду с закономерным характером исторического процесса важнейшей чертой его является объективность. Внимательное рассмотрение явлений, читаем мы в статье Добролюбова «Первые годы царствования Петра Великого», показывает, что «история в своем ходе совершенно независима от произвола частных лиц, что путь ее определяется свойством самих событий…» (3, 3, 77). Выделение объективности как важнейшего закона истории имело большие последствия для определения характера подхода революционных демократов к историческим событиям и к определению собственных задач в общественном движении. С этим положением была связана характеристика Добролюбовым тактики политической борьбы «молодых людей», одним из

вождей которых, как мы уже знаем, был он сам. «Прежние молодые люди постоянно ставили себя в положение шахматного игрока, который желает сделать своему противнику знаменитый *трехходовый* мат… Нынешние молодые люди считают нелепым фарсом даже удачу этого рода… Вообще молодое, действующее поколение нашего времени не умеет блестеть и шуметь… Дело очень просто объясняется его взглядом на ход событий и на свои отношения к ним. Признавая неизменные законы исторического развития, люди нынешнего поколения не возлагают на себя несбыточных надежд, не думают, что они могут по произволу переделать историю…» (3, *4,* 74–75). Важно учитывать и то обстоятельство, что объективность истории в понимании Добролюбова выражает зависимость исторических событий от материальных причин. В этом проявилось движение мыслителя к выделению материальной основы исторического развития. Чернышевский в своих работах стремился показать, что общественное сознание определяется общественным бытием, хотя и не давал четкого определения этих понятий. Вслед за ним Добролюбов в качестве одной из существеннейших основ устоев «темного царства» считает материальную зависимость угнетаемых от самодуров. Пьесы Островского позволяют увидеть, как «материальная сторона во всех житейских отношениях господствует над отвлеченною и как люди, лишенные материального обеспечения, мало ценят отвлеченные права и даже теряют ясное сознание о них» (3, 6, 320). Последнее высказывание Добролюбова, очевидно, было связано с осмыслением не только российской действительности, но и исторического опыта капиталистических стран Западной Европы.

Объективность истории, независимость ее от частного произвола проявляется в том, что она не поддается никакой рациональной обработке до фактического свершения исторических событий. Истории свойственны уклонения от прямого пути, ведущего к достижению определенных целей, ошибки, зигзаги. «Совершенно логического, правильного, прямолинейного движения, — писал Добролюбов, — не может совершать ни один народ при том направлении истории человечества, с которым она является перед нами с тех пор, как мы ее только знаем…» (3, 5, 458). Логика жизни не совсем соответствует планам людей, и это крайне затрудняет практическую реализацию различных теоретических начал. Люди стремятся достичь одних результатов, но получают, другие.

Зигзагообразность исторического процесса проистекает, согласно Добролюбову, на того, что история до сих пор была делом рук лишь некоторой части общества, преследующей свои

корыстные интересы. С этим связан такой важнейший закон истории как ее противоречивость. Но Добролюбов отступает от материализма абсолютизируя зависимость объективного развития от субъективного фактора. Противоречивость истории проявляется не только в отсутствии строгой поступательности исторического процесса, но и в том, что история представляет собой непрерывную борьбу классов, которые можно свести, по мнению Добролюбова, к двум основным историческим классам: трудящимся и «дармоедам». Выделяя эти классы, Добролюбов, как и Чернышевский, следовал своим предшественникам, утопистам-социалистам и историкам XIX в. К тому времени факт классовой борьбы в обществе и ее решающей роли в истории признавался многими историками и социологами.

Выделение Добролюбовым основных общественных классов основывается на их отношении к распределению продуктов труда, общественного богатства. В одной из статей Добролюбов высказывал мысль о том, что разлад человека со всем окружающим миром вызван особенностями распределения благ природы между людьми при существующих общественных отношениях (см. 3, *6,* 176). Однако революционные демократы не выделяли основное отношение — отношение к средствам производства, а за основу деления общества на классы брали вторичные отношения распределения. К формам «дармоедства» Добролюбов относил табу океанийских дикарей, индийское браминство, персидское сатрапство, римское патрицианство, средневековый феодализм, современные откупы, крепостное право и т. п. (см. 3, 3, 315). Добролюбовское понимание природы общественных классов. их места в общественной жизни, а также понимание обусловленной отношениями классов противоречивости исторического процесса позволяло увидеть основное социальное противоречие тогдашней исторической эпохи и понять историю европейских народов как антагонизм эксплуататоров и эксплуатируемых, тем более что к тому времени он развился до такой степени, что вылился в открытую политическую борьбу, принимавшую даже вооруженную форму в ходе революций 1848–1849 гг. Более того, такое понимание позволяло дать более четкую картину социальной действительности. Например, в статье «От Москвы до Лейпцига» Добролюбов указывал на существование в Западной Европе нескольких классов: феодалов («лордов»), буржуазии («мещан») и рабочих классов («фермеры» и «работники-пролетарии»). Аналогично показывал социальную структуру западноевропейских стран и Чернышевский, в особенности в своих экономических сочинениях. Что касается России, то

Чернышевский выделял здесь три сословия: высшее — земельная аристократия, помещики, среднее — промышленники и купцы, низшее — крестьяне и другой трудовой люд. Указание Добролюбова на «современные откупы» и «крепостное право» как формы эксплуатации позволяет заключить. что взгляды Чернышевского и Добролюбова по данным вопросам совпадали. Несмотря на то что дифференциацию сословий (классов) внутри двух основных исторических классов — трудящихся и эксплуататоров («дармоедов») они нередко проводили на эмпирической основе, она имела важное методологическое значение при анализе событий общественной жизни и определении выразившихся в этих событиях экономических, политических, правовых и других отношений.

Определение общественных классов в зависимости от их участия в распределении общественного продукта давало возможность революционным демократом-разночинцем свою политическую линию в общем виде правильно формулировал социальные требования, реализация которых должна была открыть путь к социалистическому переустройству общества. Эти требования предусматривали ликвидацию эксплуатации человека человеком, коллективную собственность на средства производства, демократические преобразования.

Обусловленная объективными обстоятельствами неспособность дать научный анализ борьбы классов и их развития в ходе исторического процесса вызывала неизбежную ограниченность понимания Добролюбовым важнейшей закономерности истории — прогрессивного характера исторического процесса, взятого в целом. В то же время общественный прогресс — непреложный факт для него. Вслед за Чернышевским он видит его и в расширении круга пользующихся благами прогресса, и в благоприятных переменах, происходящих в общественной жизни и в сознании широких масс. Прогресс является, считал Добролюбов, объективной характеристикой исторического процесса, однако скорость прогрессивных изменений жизни общества может быть различной. Прогресс может осуществляться очень медленно, и тогда его достижения будут видны на расстоянии столетий и тысячелетий. Но прогресс может идти и ускоренными темпами. В этом случае большое значение приобретает субъективный фактор исторического процесса. В качестве подлинных субъектов истории выступают и отдельные личности, и классы, и народ. Темпы прогресса по самым разным областям общественной жизни могут быть различны и зависеть от многих обстоятельств. Например, в ходе революционных событий во Франции было возможным. полагал

Добролюбов, более ускоренное развитие страны по демократическому пути. Однако вследствие трусости и непоследовательности либеральных политиков (Ш. Ф. Монталамбер и др.) революция потерпела поражение и во Франции установилась диктатура Наполеона III.

Выявление закономерности, объективности и прогрессивности исторического процесса предполагало постоянный интерес к вопросам о движущих силах истории, действительных основаниях исторического прогресса, путях и средствах общественных преобразований. Чернышевский взял а конечном счете за основу исторического прогресса процесс накопления знаний человечества. Добролюбов, конкретизируя социологические положения своего учителя, рассматривал народ в качестве основного субъекта истории.

Чернышевский был глубоко убежден в материалистическом характере своих взглядов на историю. Этому убеждению в немалой степени способствовало то, что в качестве звена, опосредствующего влияние знаний, в теории революционных демократов выступает исторически сложившаяся совокупность людей — народ. В понимании же жизни народа, как и в понимании жизни человека, и Чернышевский и Добролюбов стремились провести свою, материалистическую точку зрения. Центральным пунктом в понимании человека были единая природа и естественные потребности его, а в понимании народа таким пунктом выступали материальные отношения людей и естественные стремления народной жизни. В какой-то мере наше предположение подтверждается мыслью Добролюбова о том, что исторические законы и законы частной жизни те же самые, но разница только в масштабах (см. 3, 6, 306). Несомненно, что в таком отождествлении видно ограниченное, неточное понимание исторических закономерностей. Правда, Добролюбов стремился преодолеть эту ограниченность, неизбежную на почве антропологического материализма, используя диалектический закон перехода количества в качество. Он пишет, например, что вследствие различия (в масштабах) исторических законов и законов частной жизни «исторические законы о логическом развитии и необходимом возмездии — представляются в происшествиях частной жизни далеко не так ясно и полно, как а истории народов» (там же). В действительной жизни, кстати, имеют место различные по своей субъективной мотивации и особенностям проявления поступки людей. Нельзя подчинять поступки отдельных людей рациональным, раз навсегда данным формулам. Поступать так, считал Добролюбов, — значит, насиловать существующую действительность. Как неверно

полагать, что всякое преступление носит в себе самом свое наказание, так неверно полагать и обратное, т. е. что люди злы по природе. Следовательно, «отношения человеческие, — читаем мы у Добролюбова, — редко устраиваются на основании разумного расчета, а слагаются большею частию случайно, и затем значительная доля поступков одних с другими совершается как бы бессознательно, по рутине…» (там же). Как видно из приведенного отрывка, Добролюбов придерживался диалектического понимания соотношения необходимости и случайности в истории, хотя действительная основа соотношения необходимого и случайного в истории осталась у него, как и у Чернышевского, нераскрытой.

Естественные стремления человечества, говорил Добролюбов, в конечном счете могут быть выражены в двух словах — «чтоб всем было хорошо» (см. 3, *6,* 307). Эти стремления всецело соответствуют естественным стремлениям индивида.

Учитывая потребности развития жизни народа, отношения людей между собой, закономерности истории, Добролюбов рассматривал вопрос о роли народных масс в истории в общем виде и на материале конкретной истории жизни и деятельности русского народа.

В общем виде Добролюбов обсуждает этот вопрос в связи с объяснением особенностей процесса смены идей в обществе. Жизнь в своем непрерывном развитии накопляет множество фактов, ставит множество вопросов. Со временем появляется достаточно умный человек, который придает предмету его естественный вид и разъясняет суть дела. Умные люди принимают объяснения гениального человека в качестве оснований своих исследований и своей жизни, а глупые — долго еще защищают старые, отсталые воззрения. Только тогда, когда новые взгляды принимало большинство либо появлялись какие-нибудь особые обстоятельства, глупые люди отказывались от старых идей. Но пока шло утверждение новых воззрений, жизнь не стояла на месте: появлялись новые факты, новые вопросы. Процесс утверждения новых идей был очень длительным и сложным, и в результате оказалось, что прежние умные люди смотрят безучастно на еще более новые идеи, и принявшие прежнее учение последними принимаются преследовать новое движение. «Но, разумеется, — продолжает Добролюбов, — события брали свое: новые факты образовали новые общественные отношения и приводили людей к новому пересмотру прежних систем, прежних фактов и отношений» (3, *4,* 57). Таким образом, согласно Добролюбову, люди, идущие в уровень с жизнью и умеющие наблюдать и понимать ее движение,

всегда забегают несколько вперед толпы, которая затем, по мере своего развития, убеждается в правоте «умных людей» «до тех пор, пока не наступит новый период цивилизации» (3, *4,* 57–58). Отсюда Добролюбов подчеркивал роль интеллигенции и ее просветительской и пропагандистской деятельности в историческом процессе. Он писал: «Степень развития умных людей в начале каждого периода дает мерку будущего развития масс в конце того же периода» (3, *4,* 57).

Чем же обусловлено первостепенное значение указанного процесса развития идей в историческом прогрессе? Дело в том, что «умные люди» разъясняют вопросы не отвлеченные, решают не словесные задачи, а дают ответы, направленные на удовлетворение естественных стремлений человечества. Напомним, что, согласно Добролюбову, эти устремления, сведенные к самой простой формуле, можно выразить словами «чтоб всем было хорошо». Стремясь к этой цели, люди сначала от нее удалялись. Добролюбов прибегает к аллегории для передачи своей мысли. Допустим, говорит он, что в танцевальном зале собралось много народу. Первые, самые ловкие, танцуют, а остальные жмутся по углам. Ловкие танцоры продолжают следовать естественному влечению и забирают себе все больше простора. Наконец, они теряют меру. Начинается борьба. Среди сидящих находятся люди, тоже способные танцевать, но их отталкивают, прогоняют. Но чем хуже становится жить людям, тем они сильнее стремятся к хорошему. «До сих пор поэтому, — пишет Добролюбов, — борьба не кончена; естественные стремления, то как будто заглушаясь, то появляясь сильнее, все ищут своего удовлетворения. В этом состоит сущность истории» (3, 6, 308).

Мысль Добролюбова проникнута глубоким демократизмом, так как подлинной сущностью истории провозглашается многовековой процесс борьбы народных масс, трудящегося большинства за удовлетворение своих материальных и духовных потребностей. Все действия, направленные на удовлетворение естественных стремлений народа, прогрессивны, сам же прогресс — длительный и сложный процесс. Основным носителем его, связывающим отдельные этапы истории общества в единое целое, выступает жизнь народа. Народ является целостным образованием, социальной общностью людей не только в каждый данный момент, но и в смысле историческом, так как для него свойственны преемственность стремлений, сохранение традиций и обычаев, развитие быта и сознания. Необходимость жизненных стремлений народа пробивает себе дорогу сквозь массу случайностей. Тем самым процесс жизни народа имеет

объективный и необходимый характер. Примечательна в этом случае следующая мысль Добролюбова: «Меры обременительные, стесняющие народ в его правах, могут быть вызваны, вопреки требованию народной жизни, просто действием произвола, сообразно выгодам привилегированного меньшинства… но меры, которыми уменьшаются привилегии и расширяются общие права, не могут иметь свое начало ни в чем ином, как в прямых и неотступных требованиях народной жизни, неотразимо действующих на привилегированное меньшинство, даже вопреки его личным, непосредственным выгодам» (3, *6,* 318). В качестве таких мер Добролюбов приводил отмену крепостного права в России.

Особенностью воззрений вождей русской революционной демократии было то, что они никогда не ограничивались сугубо философским решением вопросов. Для них было характерным постоянное движение от теории к практике и обратно, что в свою очередь обусловливало общую связь в их работах абстрактного и конкретного, логического и исторического. Это проявилось и при создании Добролюбовым теории народа. Дело в том, что представленные выше философские выводы о борьбе народа за удовлетворение своих естественных потребностей как подлинной сущности истории и о жизни народа как основном носителе прогресса в истории составляют только одну сторону данного Добролюбовым решения. Другая сторона предполагает раскрытие вопроса о народе как субъекте истории. Здесь Добролюбов широко обращается к современной ему действительности, активно привлекает конкретные факты общественных наук, дает социально-политический, нравственный и психологический очерк жизни русского и других народов. Этой пели способствовали статьи, содержащие литературно-критический разбор произведений писателей-реалистов, например Марко Вовчок («Черты для характеристики русского простонародья»), И. Никитина («Стихотворения Ивана Никитина») и др. Основное содержание этих статей составляют не только общие суждения, заключающиеся в них, но и данный в них конкретный материал. Без этого конкретного материала теория Добролюбова была бы лишена своей силы и значения. Образы Катерины, Ефима, Маши из рассказов Марко Вовчок, стихотворные образы И. Никитина, персонажи драматических произведений Островского служат конкретизацией теории Добролюбова. и эта конкретизация в свою очередь показывает стремление мыслителя развить материалистические воззрения в понимании общественной жизни О «прямых и неотступных требованиях народной жизни», о народе, как творце истории, и т. п. разговор был не нов в русской

литературе первой половины XIX в., однако только Добролюбов сумел достичь в этих вопросах необычайной силы воздействия на современников, и объясняется это органической связью в его работах общих философских рассуждений и конкретных, жизненных фактов. Такой подход позволил ему по-новому поставить ряд интересных вопросов, относящихся к жизни и борьбе народа, важнейшими из которых являются вопросы о степени готовности народа к революции и о воспитании народных масс как субъективного фактора революционных преобразований.

Опираясь на конкретный материал. Добролюбов сумел во многом правильно определить содержание понятия «народ».

Признание связи исторических событий с положением и степенью развития народа, по мнению Добролюбова, составляет необходимое условие научного исторического труда. Это обусловлено той ролью, которую народ играет в истории. «История самая живая и красноречивая, — писал Добролюбов. — будет все-таки не более как прекрасно сгруппированным материалом, если в основание ее не будет положена мысль об участии в событиях самого народа. Участие это может быть деятельное или страдательное, положительное или отрицательное, — но, во всяком случае, оно не должно быть забыто историею» (3, *3,* 15). Следует заметить, что вопрос о роли народа в истории в то время более активно обсуждался в литературе и публицистике, чем в исторической науке. Не в малой степени под влиянием событий 1812 г… а также декабристского движения речь о народе и его значении в истории идет в произведениях прогрессивных писателей и поэтов: А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева, М Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и др. Немало было и спекуляций по этому поводу реакционеров и либералов. Широко известны, например, попытки славянофилов приписать русскому народу черты глубокой религиозности, покорности и т. п. Не очень отличалась от славянофильской точка зрения западников. Все эти по существу антинародные взгляды были возможны, замечает Добролюбов, на основе крепостного воззрения на народ (см. 3, *6,* 228). В противовес им Добролюбов и Чернышевский развивали точку зрения на народ В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Это развитие выразилось не только в дальнейшем анализе вопроса о месте народа в истории, но и в том, что в качестве народа рассматривается русское и западноевропейское крестьянство, европейский пролетариат. Господствующие классы, угнетающие и эксплуатирующие большинство населения, не включаются в состав народа. В работах Добролюбова можно найти множество примеров, подтверждающих такой вывод.

Например, оценивая итоги установления господства буржуазии в европейском обществе, он писал, что народ оказался после революции под двойным гнетом: феодалов и буржуазии (см. 3, 5, 459). Русский народ отождествляется Добролюбовым с крепостным крестьянством (см. 3, *6,* 222–223; 241 и др.). Это уже вполне конкретное представление.

В русской литературе той поры много говорили о горе, бедности и несчастьях народа, однако это все — «словесная гимнастика», замечает Добролюбов, так как никто из рассуждающих не согласится пожертвовать своим комфортом ради народа. Возможно, продолжал он, разбирая эти отвлеченные философские и экономические представления о народной жизни, «можно почерпнуть много умных мыслей для политико-экономических соображений; но нельзя сродниться душой с этой жизнью, прожить ее сердцем и воплотить ее в живое слово тому, кто кровно и прямо в ней, кто не охвачен ее веяньем во всех условиях своего существования — и умственных и материальных» (3, 6, 164). С такой точки зрения чрезвычайно важными для постижения жизни народа были произведения писателей-реалистов, вышедших из народа и глубоко знающих его нелегкую жизнь и естественные стремления.

Народ является субъектом истории вследствие того, что он играет главную роль в материальном производстве общества. Добролюбов разделяет эту мысль, следующую из политической экономии Чернышевского, и обогащает ее, используя исторические факты и анализ современной ему жизни. Труд составляет существенное свойство народа, необходимость трудиться — основной элемент его существования и основа его нравственного и умственного развития. Согласно крепостническим воззрениям, русский мужик «груб и необразован и потому не имеет ни сознания прав своей личности, ни собственного разума и воли» (3, 6, 227). В опровержение такого взгляда Добролюбов пишет несколько статей, в которых стремится доказать мысль о том, что «народ способен ко всевозможным возвышенным чувствам и поступкам… и что следует строго различать в нем последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений…» (3, 6, 278). Последние характеризуют, согласно Добролюбову, основу развития народа как по пути удовлетворения материальных и духовных потребностей, так и в направлении перестройки общественных отношений на началах справедливости и разума, в соответствии с потребностями развития труда.

Какой бы ограниченной и противоречивой ни была материалистическая методология Чернышевского и Добролюбова,

но использование ее в теории народа было крупным шагом к научному пониманию истории общества. Исторический процесс выступал как имеющий определенную историческую преемственность, непрерывность. Материальные и нравственные потребности народа принимались в качестве решающих факторов истории. Движение к удовлетворению естественных потребностей народа, проявляющихся в стремлении к такому состоянию общественного устройства, «чтоб всем было хорошо», рассматривается как существенная тенденция истории. Рассмотрение народа в качестве решающего субъекта истории было приближением к историческому материализму еще и потому, что в этом случае социальная наука охватывала все стороны жизни общества — его хозяйственную деятельность, политические отношения, психологию, культуру и т. д. Например, говоря по поводу «прямых и неотступных требований народной жизни», которые определяют собой развитие страны, Добролюбов конкретизировал это расплывчатое понятие изображением исторической обстановки в допетровской Руси. В народной жизни того времени оказались «такие раны, такие болезни, такой хаос, который ясно показывает, что и в самой сущности организма есть где-то повреждение, препятствующее правильности физиологических отправлений… невежество и суеверие господствовало во всех слоях общества… самовластие и лихоимство господствовали „в *подробностях управления*“… Внутри все было расстроено, искажено, перепутано, лишено всякой чести и справедливости. Все было натянуто до того, что нужно было — или разом выйти из старой колеи и броситься на новую дорогу, или ждать страшного, беспорядочного взрыва, предвестием которого служило все царствование Алексея Михайловича» (3, *3,* 22–24). Реформы Петра I позволили ликвидировать возникшие противоречия. Он совершенствовал государственное управление, армию, законодательство и т. д. Тем самым был дан «больший простор развитию естественных сил народа, как вещественных, так и нравственных…» (3, 3, 75). Однако следует учитывать, что и Добролюбов и Чернышевский никогда не считали, что Петр I сумел 1 осуществить все конечные стремления народа или хотел улучшить положение трудящихся. Они подходили к оценке Петра конкретно-исторически, рассматривая его деятельность как закономерное выражение определенных потребностей народа в исторически конкретный период.

В то же время представления Добролюбова о месте народа в истории имели и слабые места. Это проявлялось в упомянутой выше попытке рассматривать естественные стремления народа в

определенный период истории по аналогии с естественными стремлениями отдельного человека. Ограниченность проявлялась и в расплывчатости употребляемого понятия «народ». Добролюбов и Чернышевский, говоря о народе и «простолюдинах», часто имели в виду конкретные условия России 50—60-х годов, а здесь, как известно, народ представлял еще сравнительно однородную крестьянскую массу. Ограниченность концепции Добролюбова проявилась и в том, что она не позволяла в полной мере раскрыть природу эксплуататорского государства. Государство представляется в виде некоторого социального института, стоящего вне народа и над народом, а в качестве посредника между государством и народом выступают какие-нибудь сатрапы, мытари и т. п., «не имеющие, конечно, силы унизить величие своего государства, но имеющие возможность разрушить благоденствие народа» (3, *3,* 20). Антинародная деятельность русского феодально-крепостнического государства или буржуазных государств Западной Европы была для Добролюбова и Чернышевского историческим фактом, однако увидеть, что государство есть необходимое порождение существующих экономических отношений, они не смогли. Такая позиция в условиях русского освободительного движения могла привести к противопоставлению борьбы социальной борьбе политической, что и имело место в русском народничестве. У Чернышевского и Добролюбова такое противопоставление не имело места прежде всего потому, что будущие преобразования общества они рассматривали как прямой результат классовой борьбы. Классовая борьба между угнетенными и угнетателями есть борьба политическая, но в основе ее лежит материальный интерес классов. Такая точка зрения последовательно проведена Чернышевским в его политических обзорах, а также в статьях, посвященных положению во Франции середины XIX в.

2. ЛИЧНОСТЬ И НАРОД

Признание объективной необходимости истории и жизни народа как основы этой необходимости было важнейшим положением социологии русских революционных демократов. Сколько бы ни возникало препятствий на пути общества, рано или поздно они устраняются ходом развития материальных фактов. Процесс всевозрастающего удовлетворения естественных потребностей народной жизни имеет всеобщий характер. Однако прогресс общества может быть очень замедленным, растянуться на века. Объективная необходимость в этом случае полностью поглощает субъективную в частностях, но объективную в общем случайность. Исторический оптимизм оборачивается фатализмом. Вожди русских революционеров-демократов много занимались вопросом диалектического объяснения соотношения исторического действия народа и деятельности конкретных людей, составляющих этот народ. Дело в том, что, хотя народ и представляет собой сумму отдельных людей, тем не менее его история не есть простая сумма индивидуальных поступков. История делает зигзаги, скачки, исторические действия народа нередко дают совсем не те результаты, которые ожидались, и т. п. Не менее трудно предвидеть результаты своих поступков и отдельным людям, но здесь все же чаще определенное действие влечет определенный, ожидаемый результат. Возникает вопрос; может ли отдельный человек или группа лиц как-то воздействовать на ход истории и ускорить прогрессивные изменения? Простой утвердительный ответ на этот вопрос, который мы встречаем уже в литературе XVIII в., не мог удовлетворить ни Чернышевского, ни Добролюбова. Этот вопрос со времени возникновения учений о сознательном переустройстве общества и вовлечения в процесс революционной борьбы все более широких масс приобретает непосредственный практический интерес и значение. В конкретных условиях России 50—60-х годов XIX в. метафизическое решение его служило либо оправданием либеральной концепции постепенного и мирного прогресса, либо утверждению в освободительном движении различных волюнтаристских и субъективистских теорий, основанных, как правило, на преувеличении роли личности в истории.

В работах Добролюбова вопрос о возможности активного воздействия личности на исторический процесс поставлен как проблема соотношения личности и народа в истории. Он выделяет два аспекта проблемы: а) великая личность в истории;

б) личность и история.

Проблема великой личности в истории обсуждается в русской социологической литературе с конца XVIII в. Постановка ее диктовалась попытками просветителей найти выход из сложившегося в стране положения. В условиях XVIII в., когда отсутствовало сколько-нибудь широкое прогрессивное движение в обществе, надежды возлагались чаще всего на «просвещенного монарха». Постановке проблемы в русской философии содействовало решение ее французскими просветителями. Будучи не в состоянии на основе исторического идеализма найти выход из заколдованного круга — «мнения правят миром» и в свою очередь «общественная среда формирует мнение», — ряд французских просветителей отводили чрезвычайно большую роль великим личностям, перекраивающим историю в соответствии со своими идеалами и целями.

К середине XIX в. вопрос о роли великой личности в истории обсуждается в России особенно активно. В споре западников и славянофилов проблема конкретизировалась тем, что в качестве великой личности рассматривался Петр I. Однако, несмотря на указанную историческую конкретизацию, решение и в том и в другом случае было идеалистическим. Западники высоко оценивали роль Петра, приписывая ему сознательное стремление к приобщению России к западноевропейской цивилизации и объясняя причины проведенных реформ деятельностью ума и воли этого великого человека. Славянофилы в свою очередь сделали Петра ответственным за все преобразования и из них уже объясняли отход русской жизни от патриархальных начал. Идеализм и западников и славянофилов заключался как в предполагаемой возможности перекраивать ход истории по усмотрению великой личности, так и в отсутствии каких-либо объективных критериев оценки исторического значения событий. В работах Белинского мы видим попытку выйти за пределы идеалистического толкования проблемы. Личность и ее поступки рассматриваются в рамках исторической необходимости. Исходя из диалектики Гегеля, Белинский рассматривал деятельность Петра I как закономерное проявление исторической необходимости, а следовательно, и результаты ее — как совершенно необходимые для страны. Белинский одновременно рассматривал в качестве исторического деятеля народные массы. Однако, давая слишком абстрактное объяснение деятельности Петра I, он не избежал преувеличения его роли в истории. Но во времена Белинского этот вопрос не имел такой актуальности, как в 50—60-х годах XIX в.

Новые условия общественной жизни заставляли дать более

глубокое и материалистическое объяснение деятельности великих личностей в истории. С одной стороны, страна переживала процесс отмены крепостного права. Крепостники представляли этот факт как проявление доброй воли правящего класса, как знак распространения в обществе просвещения и справедливости. Решая вопрос о роли личности в истории, мыслитель-материалист должен был указать на объективные причины происходящих преобразований и, пользуясь своей методологией, определить тенденции и закономерности дальнейшего движения. С другой стороны, происходили большие изменения в освободительном движении. Расширение социальной базы движения, теоретические достижения его идеологов, осознание факта политического кризиса в стране — все это вызывает лихорадочный поиск путей перехода от теории к практике. В последнем случае речь идет не только о роли великой личности в истории, но и об участии в историческом процессе отдельной, рядовой личности.

К вопросу о роли великих личностей в истории Чернышевский и Добролюбов обращались неоднократно. Особенно обстоятельно обсуждал этот вопрос Добролюбов, в какой-то мере сделав его связующим звеном между теорией личности и теорией народа.

В качестве примера великих личностей Добролюбов рассматривал Петра I и Магомета. Он посвящает крупную статью анализу работы профессора И. Устрялова «Первые годы царствования Петра I», вышедшей в 1859 г. Личность основателя мусульманства рассматривается в статье, посвященной книге В. Ирвинга «Жизнь Магомета».

Согласно Добролюбову, объяснение причин и мотивов деятельности великих людей, а также причин их успеха должно быть естественным. Нельзя забывать, что великие люди — все-таки люди. Возьмем, к примеру, действия Магомета. Историки, не обращающие внимание на историческое развитие народа, на естественную, живую связь событий, объясняют распространение мусульманства и завоевания арабов личными свойствами Магомета. «Но ведь был же какой-нибудь материал, — спрашивает Добролюбов, — над которым все эти… великие люди производили свои упражнения?.. Верно, кто-нибудь помогал ему (великому человеку. — *В. Н.),* служил орудием его планов, и, верно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребности тех, которые согласились содействовать ему?» (3, 2, 274). Добролюбов с одобрением отзывался о попытке В. Ирвинга изобразить личность Магомета с учетом реального положения страны и народа Аравийского полуострова во время

возникновения мусульманства. Конкретная картина страны и народа позволяет увидеть «и естественное происхождение Магометовой религии…» (3, 2, 275).

Такими же естественными обстоятельствами можно объяснить и деятельность Петра I. На первый взгляд кажется, что деятельность его полностью оторвана от прошедшего и направлена волею отдельного человека на переворот в жизни общества вопреки привычкам и обычаям народа. Однако, говорил Добролюбов, великие люди исполняют свою роль в истории постольку, поскольку она имеет важное значение для народа. Деятельность великой личности должна рассматриваться как результат взаимного отношения между нею и народом, на который она воздействует. В этом случае главная задача историка состоит в том, чтобы показать, как умел великий человек «воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти п своем народе» (3, 3, 15).

Деятельность Петра I, согласно Добролюбову, носила необходимый характер. Петр выступил в истории России «как олицетворение народных потребностей г стремлений, как личность, сосредоточившая в себе те желания и те силы, которые по частям рассеяны были в массе народной» (3, 3, 119–120). Народ, который служил проводником замыслов Петра, поддерживал его начинания. Почему такое происходило? Это был очень важный теоретический вопрос. Не удивительно, что Добролюбов уделил столько внимания его изучению.

Успех деятельности Петра I объясняется тем, что она была подготовлена всем предыдущим ходом развития жизни народа. Ко времени Петра острейшие противоречия самого различного плана — экономические, политические и т. п. порождают в народе смутные идеи преобразований, назревает кризис, который надо было разрешать решительно и смело. Решение могло быть только революционным, так как попытки поправок или незначительных реформ сохраняли старое положение. В подобных условиях и появляются чаще всего великие личности, которые обладают способностью угадывать естественные стремления народной жизни. «Во все времена и во всех сферах человеческой деятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественные стремления говорили в них чрезвычайно сильно, незаглушаемо» (3, *6,* 308). Именно таким человеком был Петр I. Однако, отмечал Добролюбов, как бы высоко ни стоял Петр умом и характером над Русью, все же он вышел из того самого общества, которое должен был преобразовать, он впитал понятия и нравы того времени, в

которое он жил. Следовательно, заключал Добролюбов, Петр сумел вычленить те естественные потребности, которые уже созрели в обществе. Его отец, Алексей Михайлович, пытался тоже провести реформы, но успеха очи не имели, и в первую очередь по той причине, что противоречия в тогдашнем обществе еще не достигли своего кульминационного момента, сознание естественных требований жизни еще отсутствовало, да и сами требования существовали еще в своей начальной стадии. «Не тогда изменяется известная мера, установление, вообще положение вещей, — делает важный вывод Добролюбов, — когда гениальный ум сообразит, что оно может повести к дурным последствиям через несколько столетий… Нет, оно изменяется тогда, когда делается несоответствующим настоящему положению вещей, когда неблагоприятное его влияние уже не некоторыми только предвидится, а делается ощутительным для большинства. В это-то время и являются энергические деятели, становящиеся тотчас во главе движения и придающие ему стройность и единство» (3, 3, 76–77).

Возможности великой личности, взятой в своей единичности, весьма и весьма ограниченны. Отдаленные потребности народной жизни, отмечал Добролюбов, глубокий ум может понять и до их полного осознания обществом. К такому акту способны умы философские, однако они оказываются неспособными к практической деятельности и стоят обыкновенно вне движения настоящей минуты. Они просто оказываются неспособными заставить людей действовать в соответствии с открытыми идеями или планами и поэтому не являются в истории великими двигателями событий своего времени. «Только тогда человек может заставить людей сделать что-нибудь, когда он является как бы воплощением общей мысли, олицетворением той потребности, какая выработалась уже предшествующими событиями» (3, *3,* 78). Петр I был двигателем и выразителем новых стремлений, «общей мысли», и поэтому все, кто был недоволен старыми порядками, а недоволен был народ, пошли за ним. О том, что Петр осуществил коренные преобразования, выражающие потребности времени, свидетельствует, согласно Добролюбову, факт прочности и долговечности этих преобразований. «Обширные преобразования, — пишет он, — противные народному характеру и естественному ходу истории, если и удаются на первый раз, то не бывают прочны. Преобразования же Петра давно сделались у нас достоянием народной жизни…» (3, 3, 27).

Решение проблемы великой личности в истории дано Добролюбовым в соответствии с его материалистическими понятиями. Это выражается в том, что деятельность личности

органически сочеталась с действиями и жизнью народа. Великая личность есть не более как искра, которая может воспламенить только материал, подготовленный обстоятельствами исторического развития народа, В то же время это материалистическое решение, правильное в своей отвлеченной формулировке, оказывается весьма ограниченным, будучи примененным к анализу существенных причин деятельности великой личности, так как основание истории — развитие производительных сил и производственных отношений остается вне поля зрения. Исторические условия, вызывающие на сцену великую личность, составляются из совокупности материальных интересов людей, потребностей государственной жизни, желаний народных масс, идей и т. п., но это ведь только проявление существенных процессов истории. Подобная ограниченность четко выявляется в следующем примере. Добролюбов пишет, что тайна успеха Петра I заключается в том, что он выступил в нашей истории «как личность, сосредоточившая в себе те желания и те силы, которые по частям рассеяны были в массе народной». Но это же объясняет, «почему Петр мало тогда обратил внимания на главнейшие условия народного благоденствия — на распространение просвещения между всеми классами народа и на средства свободного, беспрепятственного развития всех производительных сил страны» (3, 3, 119–120). По логике Добролюбова, и материальное и нравственное положение народных масс в допетровской России изобиловало такими противоречиями, что постепенно желания общества сосредоточились на необходимости их решения, и Петр разрубил этот гордиев узел. В то же время «прошедшее народа не подготовило еще тогда достаточно данных для того, чтобы стремление к истинному, серьезному образованию и к улучшению экономических отношений могло сильно и деятельно проявиться в массе» (там же). Если бы Петр попробовал проводить реформы в последнем направлении, то его ждало бы поражение, так как он не мог вызвать ранее срока «тех сил, которые еще были так слабы, что неспособны были к движению» (3, 3, 129). Требовалось еще раскрыть глаза тогдашней массе, а для этого должны быть в свою очередь соответствующие условия.

Однако даже столь ограниченная материалистическая позиция позволяла Добролюбову сделать ряд интересных практических выводов, в ней были тенденции к научной разработке вопроса. Кроме того, что утверждалась объективная обусловленность деятельности великой личности общественными отношениями, предполагалось, что личность может действовать только в условиях, когда «естественные потребности народной

жизни» достигли своего высшего развития. Личность выражает эти потребности. Следовательно, появление таких личностей и успех их деятельности могут служить своеобразным критерием протекающего в обществе процесса. Перед революционной демократией возникла задача постижения глубинных законов общественного развития и организации своей деятельности в соответствии с ними. Осознавалась необходимость последовательной ориентации революционеров на народ, на изучение его реальных потребностей, определение конкретных коренных интересов народной жизни, воспитание народных масс. Подчеркивалась мысль, что попытки провести преобразования, чуждые народу в данный момент, не встретят его поддержки и надежды на успех практически не будет.

Хотя деятельность великой личности и ее исторический успех определяются уровнем созревания «естественных потребностей народной жизни», это не исключает в то же время влияния личности на события. Естественные требования — это только условие появления великой личности и основная направляющая ее деятельности. Историческое событие происходит только в результате сочетания объективных и субъективных факторов истории, т. е. для Добролюбова — исторических особенностей, характера, положения и степени развития народа, с одной стороны, и умственной и практической деятельности великой личности — с другой.

Новизна подхода Добролюбова к проблеме объяснения деятельности великой личности видна в решении им вопроса о цели этой деятельности. Решая практические вопросы, личность может не сознавать конечных целей, и пример Петра I это показывал наглядно. При этом действие великой личности ограничивается всегда ближайшими целями, решением конкретных вопросов. «…Петр инстинктивно имел тот такт, — пишет Добролюбов, — который отличает подобных ему исторических деятелей от непризнанных фанатиков, часто принимающих мечты своего расстроенного воображения за истинные потребности века и народа…» (3, *3,* 129–130). Прежде всего здесь подчеркивается, что цель деятельности личности определяется «истинными потребностями века и народа». Сама постановка вопроса о цели деятельности личности свидетельствует о первостепенном значении, которое придавал русский мыслитель практической стороне деятельности вообще и конкретно— революционных демократов, а также о его внимании к вопросам тактики революционной борьбы. Цели, которые могли ставить себе реально мыслящие революционеры, согласно Добролюбову, отнюдь не сводились к формуле «все или ничего».

Цели борьбы, ее тактика должны определяться реальными условиями, «истинными потребностями века и народа».

Вопрос о роли великой личности в истории не скрыл от внимания Добролюбова вопрос о месте отдельного человека, рядовой личности в исторических событиях. Великая личность только тогда добивается успеха, когда ее дело совпадает с действиями народных масс. Отдельные люди служат орудием планов великого человека, но в то же время они живут своей индивидуальной жизнью.

Великая личность и ее ближайшие последователи в какой-то мере осознают общие цели своих действий и руководствуются общим интересом если не общества в целом, то отдельного класса, сословия. Этого нельзя сказать о простых людях, включенных в исторический процесс, поступки которых создают формы его реализации. Люди живут, борются, побеждают и гибнут, преследуя свои интересы и не думая, как правило, об общем интересе. Такое положение дела не способствует прогрессу общества. Только совпадение основных интересов и естественных стремлений великой личности и большинства рядовых людей, по Добролюбову, в состоянии вызвать наиболее бурное осуществление целей общественного развития, создает условия исторического успеха великой личности.

Свидетельством назревших исторических событий может служить не только факт появления великой личности и ее успех, но и появление в массе народа отдельных личностей, выступающих носителями народных желаний. В качестве таких личностей Добролюбовым рассматриваются Катерина из драмы Островского «Гроза», Катерина из одноименного рассказа Марко Вовчок, Ефим из ее же рассказа «Купеческая дочка» и др. Такими личностями были «молодые люди», о которых Добролюбов говорил в статье «Литературные мелочи прошлого года». Уже то, что факт появления в народе личностей, наделенных необычайной полнотой осознания «естественных» потребностей и прав человека, обладающих сильным характером, делающим их способными к борьбе, рассматривается Добролюбовым важнейшим критерием развития общественной жизни и созревания необходимости преобразований, свидетельствует о решительном переносе революционными демократами в своей теории личности ударения с проблемы великой личности на проблему участия в истории личности из народа, рядового труженика истории. Этот поворот означал новую постановку вопроса формирования субъективного фактора и тем самым активного воздействия на исторический процесс. Концепция Чернышевского — Добролюбова о роли личности и народа в

истории позволяет заключить, что они видели будущую революцию п России народной по содержанию и по форме. Она не может быть осуществлена великой личностью типа Петра I, так как она будет направлена против всего старого строя в целом. Заключению революционных демократов о характере и движущих силах будущей революции способствовал и анализ революционных событий в Европе.

Решение вопроса о роли личности и народа на началах демократизма, признание необходимости расширения активного воздействия масс на ход исторического процесса как субъективного фактора революции стало отражением борьбы российских крестьян против феодально-крепостнического гнета. Такое решение означало, что революционная демократия выходила из состояния «маленькой подпольной секты», приобретала множество последователей, приводила в движение народные массы, становилась во главе демократического движения масс. Впоследствии, отмечал В. И. Ленин, именно за это осуждали веховцы русских демократов. «Прививка политического радикализма интеллигентских идей… — цитировал Ленин „Вехи“, — совершилась с ошеломляющей быстротой». Противопоставляя веховской, буржуазно-либеральной идеологии позицию революционных демократов, Ленин отмечал качественный скачок, который пережила русская революционная демократия, осознав необходимость политического просвещения народа. «…Демократическое движение, — пишет Ленин, — отличается от простого „бунта“ как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей» (2, *19,* 171).

3. НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ

Постоянной тенденцией истории, согласно Добролюбову, является уничтожение эксплуатации и возвеличение труда. В новых исторических условиях эксплуататоры вынуждены маскировать свою истинную сущность. Например, в Западной Европе, пишет Добролюбов, эксплуатация прячется под личиной капитализма (см. 3, *3,* 316). В России с отменой крепостного права так же происходит изменение форм эксплуатации. Уже то, что эксплуататоры вынуждены маскировать свою сущность, говорит Добролюбов, свидетельствует об ослаблении их позиций, о росте политической силы и значения народных масс. В то же время все переживаемые старым обществом метаморфозы и реформы не в состоянии ликвидировать основное противоречие — противоречие «дармоедства» и труда, а только обостряют его. Общество неизбежно движется к коренным и решительным преобразованиям, к революции. Однако только признание такой неизбежности уже не могло удовлетворить революционных демократов. Требовалось четко определить характер и движущие силы будущей революции, указать условия ее свершения. От решения этих вопросов зависела разработка тактики и стратегии революционного движения. Исторической заслугой вождей русской революционной демократии была постановка указанных проблем и стремление найти правильное решение. В дальнейшем вопросы социальной революции, тактики и стратегии борьбы были стержневыми вопросами революционной идеологии.

Если постоянной тенденцией истории является уничтожение эксплуататоров и возвеличение труда, то сущностью ее, согласно Добролюбову, является борьба за удовлетворение естественных стремлений народа. В конечном счете и по форме и по содержанию это два однопорядковых процесса, выражающих необходимость перехода от старого общественного устройства к новому.

Как можно представить историю народа, человечества в целом в виде борьбы между трудящимися и эксплуататорами, точно так же можно представить ее и в виде борьбы между «естественными» и «искусственными» потребностями, между общественными порядками, не соответствующими потребностям народной жизни, и стремлениями удовлетворения последних. Требовалось показать, насколько борьба за возвеличение труда приводит к удовлетворению естественных потребностей народа, и обратно, можно ли свести последнее к данной борьбе. Это был важный момент в разработке идеологии угнетенного класса,

потому что идеологи господствующих классов всегда выдавали свой классовый интерес за общечеловеческий, а свои собственные цели — за цели развития мировой истории. Анализ революционных событий конца XVIII — середины XIX в. в Западной Европе позволил вождям русской революционной демократии глубже увидеть классовый характер господствующих в обществе идей.

Однако не только идеологический момент в соотношении указанных процессов интересует Добролюбова. Идеология вторична по отношению к реальной жизни, полагал он вслед за Чернышевским. Анализ искусственных и естественных потребностей в реальной истории, по концепции Добролюбова, позволяет дать философское и социально-историческое обоснование социальному идеалу революционных демократов — социализму и их борьбе за переустройство общества.

Классовая борьба определяет ход истории человечества. Согласно Добролюбову, господствующие классы предпочитали делать историю сами, устраняя из нее участие народных масс. Они стремятся привить народу искусственные формы жизни, искусственные потребности и побуждения. «Бывает время, — пишет он, — когда народный дух ослабевает, подавляемый силою победившего класса, естественные влечения замирают па время, и место их заступают искусственно возбужденные, насильно навязанные понятия и взгляды в пользу победивших…» (3, *2,* 224). В другом месте он говорит: «…искусственные общественные комбинации, бывшие следствием первоначальной неумелости людей в устройстве своего благосостояния, во многих заглушили сознание естественных потребностей» (3, 6, 311). Феодалы, капиталисты, опираясь на произвол, стремятся заглушить естественные стремления народной жизни. Для этого используются государственная власть, право, религия, обычаи и т. п. Все это приводит к тому, что «вследствие неправильного развития часто людям представляется совершенно нормальным и естественным то, что, в сущности, составляет нелепейшее насилие природы» (3, 6, 313). В качестве примера такого искусственного образования и нелепейшего искажения природы можно рассматривать так называемое чувство законности в людях «темного царства». Однако, говоря об этом чувстве, Добролюбов отмечал, что оно опирается на материальный интерес. Это же относится и к другим «искусственным комбинациям», основой которых является экономическое угнетение. Так, например, Добролюбов отмечал, что европейским пролетариям недостаточно одних юридических прав, которыми их одарили капиталисты и лорды, сделавшие уступку либо им ничего не

стоящую, либо выгодную. Массы рабочего сословия, согласно Добролюбову, не хотят больше расплачиваться за прогресс для меньшинства «Теперь, — пишет он, — в рабочих класса; накипает новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба…» (3, 5, 459).

Констатируя факт нового обострения классовой борьбы в Западной Европе, подъем борьбы крестьянства, угнетенных людей в России, Добролюбов был совершенно прав. Методологической основой такого вывода служило фактическое распространение на общество материалистических принципов, конкретно выраженное в форме реалистического взгляда на общественную жизнь. Добролюбов верно усматривал причины сохранения и усиления эксплуатации и притеснения в наличии материальных интересов победивших классов, в необходимом для существования этих классов ограблении ими трудящихся масс. Однако этот же «реалистический» взгляд и ограничивал воззрения Добролюбова, предлагая исследовать развитие вторичных явлений вместо первичных. Ограниченность материализма Чернышевского и Добролюбова, вышедшего из антропологического материализма Фейербаха, наглядно проявляется в объяснении источника борьбы народных масс за свое освобождение. В отличие от К. Маркса, который видел необходимость разрешения объективного противоречия между производительными силами и отжившими производственными отношениями и тем самым ликвидации противоречия между общественной формой производства, характерной для капитализма, и частнокапиталистической формой присвоения результатов труда, Добролюбов сводит вопрос к природе человека. И все же рассуждения Добролюбова об искусственных комбинациях и формах, порождаемых произволом эксплуататоров, позволяли заострить вопрос идеологически. Он утверждал необходимость ликвидации власти помещиков и буржуазии, однако не смог вскрыть подлинную сущность этих классов.

Изучение и осмысление истории Европы последнего времени позволяет, полагал Добролюбов, выяснить внутренний смысл ее. Он заключен в том, что у всех проявляется стремление «к восстановлению своих естественных прав на нравственную и материальную независимость от чужого произвола» (3, 6, 241). В России такое стремление вследствие более жестокого угнетения народа еще сильнее. Оно неизбежно породит протест против деспотизма. «…Деспотизм и рабство, противные природе человека, никогда не могли достигнуть *нормальности…»* Поэтому состояние угнетенных масс, даже безропотно подчинявшихся рабству, постоянно напряженное и неспокойное. «В истории всех

обществ, где существовало рабство, вы видите род спиральной пружинки…» Нельзя, «не истребивши народа, уничтожить в нем наклонность к самостоятельной деятельности и свободному рассуждению» (3, *6,* 237).

С течением времени человечество все более освобождается от «искусственных» искажений своей жизни и приближается к удовлетворению естественных потребностей. Основания этого процесса коренятся в природных свойствах человека, и объективно ход истории ведет к утверждению прав личности. Согласно Добролюбову, в душе каждого «простолюдина» существует следующее соображение: «…первое, что является непререкаемой истиной для простого смысла, есть неприкосновенность личности. Рядом с этим неизбежно является и понятие об обязанности и правах труда… Стоит только обернуть рассуждение, приводящее к мысли об обязанности работать, и мы получим вывод о правах труда» (3, 6, 245). Таким образом, борьба за удовлетворение естественных потребностей личности трудового народа в целом совпадает с борьбой за равноправие в труде. Революционный демократизм Добролюбова и Чернышевского был неразрывно связан с их социалистическим учением и защитой экономических интересов трудящихся масс (см. 10, 120–128. 19, 229–233).

Революционные демократы полагали, что в преобразованном обществе будущего найдут удовлетворение естественные стремления каждого трудящегося человека и в нем труд будет иметь все права. Эксплуатация во всех видах будет ликвидирована, при этом более разумная организация труда приведет и к повышению его производительности, и к улучшению распределения произведенного продукта. Последний вопрос подробно разбирался Чернышевским, и поэтому Добролюбов его почти не касался, за исключением того случая, когда он рассматривал попытки рациональной и справедливой организации труда Р. Оуэном и его последователями.

Чернышевский разрабатывал общую социалистическую концепцию. В применении к конкретным условиям России он полагал, что возможности развития социализма на основе русской общины еще не исчерпаны, однако отнюдь не пытался абсолютизировать их. Некапиталистический путь развития России, переход от натурального хозяйства к экономическим отношениям социализма, согласно Чернышевскому, не более как благоприятная историческая возможность. Однако это не значит, что данная возможность обязательно будет реализована. Это не значит, что в России при неблагоприятных для революции условиях капитализм не будет развиваться. Согласно

Чернышевскому, он уже развивается, а реформа 1861 г. усиливает этот процесс. Начавшееся капиталистическое развитие России было фактом и для Добролюбова. Но «реалистический» взгляд на капиталистическое развитие России привел его к признанию крестьянской общины институтом, который позволил бы быстрее осуществить переход к социализму.

Здесь Добролюбов был полностью солидарен с Чернышевским, о чем свидетельствуют его рецензия на сочинения И. Жеребцова и замечания в статье «Литературные мечтания прошлого года» (см. 40,66. 19,229). «Имея в виду широкий социалистический идеал, — пишет В. А. Малинин, — Добролюбов не отрицал значение общинного устройства в русских условиях» (57, 229). Наметившееся противоречие теории и практики Чернышевский, и в этом с ним был, пожалуй, согласен Добролюбов, решал путем введения понятия о «переходном состоянии» (см. 59, 77).

Новый общественный строй, согласно Добролюбову, возникнет вследствие революционной борьбы трудового народа, распрямления «социальной пружины». Таким образом, будущая революция, следует из рассуждений Добролюбова, должна иметь социалистическую направленность. Она осуществляется в интересах народа. В Добролюбове, писал А. В. Луначарский, «жила непоколебимая вера в массовое движение» (56, 195). Согласно Добролюбову, это будет крестьянская революция и таковой она станет как результат внутренней борьбы в обществе, как неизбежное следствие развития народа. В условиях назревавшей революционной ситуации Чернышевский и Добролюбов «сумели достаточно правильно установить объективное содержание социальных процессов в нашей стране в середине прошлого века…» (35, 59).

Выяснив характер и движущие силы будущей революции, Добролюбов неизбежно должен был решать вопрос о конкретных возможностях осуществления социалистической революции русским народом и критериях готовности его к революции. Этот вопрос постоянно был в центре внимания Добролюбова и Чернышевского. Конечно, у них не было сомнения в том, что социалистическая революция произойдет в России. Вера в грядущую революцию наполняет их работы. Однако в оценке конкретных возможностей свершения социалистической революции в России 50—60-х годов вожди русской революционной демократии были реально мыслящими людьми.

Западная Европа, где «глухо готовится новая борьба народа против феодалов и мещан», стоит к революции ближе, чем Россия. Пролетариату недостаточно одних юридических прав. В

этих условиях, пишет Добролюбов, «пролетарий понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекраснодушные ученые, надеющиеся на великодушие старших братьев в отношении к меньшим…» (3, 5, 460). При этом вывод о том, что «нет оснований приписывать автору комментариев к Миллю или работы „Капитал и труд“ одно только „интуитивное угадывание“ роли рабочего класса в созидании социалистического будущего, там, где… речь идет о ее сознательном постижении» (69, 107), вполне обоснованно можно распространить и на Добролюбова. Правда, Добролюбов подчеркивает, что неудачные опыты Оуэна и других утопистов свидетельствуют о необходимости большой работы в массах, революционного воспитания и организации их. Для свершения социалистических преобразований потребуется не только просвещение, но прежде всего революционное насилие, долгая и упорная борьба. России к тому же потребуется подняться до уровня Европы. «…Мы должны пройти тем же путем… — пишет Добролюбов, — и мы на пути своего будущего развития не совершенно избегнем ошибок и уклонений… Но все-таки наш путь облегчен; все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе» (3, 5, 470).

Либералы отрицали возможность сознательного, активного положительного действия народных масс. Либералы смотрели на возможное выступление народа с ужасом. Тема падения Римской империи стала самой актуальной в тогдашней публицистике. Период повышения социальной активности народных масс и обострения классовой борьбы до и после реформы 1861 г. сравнивался с периодом разрушения античной культуры Рима варварами. В противовес либералам Чернышевский доказывал, что падение римской цивилизации под ударами варварских народов — историческая случайность. Не будь ее, Рим сумел бы осуществить необходимую социальную революцию внутренними силами и не разрушая культурных ценностей прошлого.

Добролюбов развивает свою точку зрения на указанную проблему, решая одновременно вопрос о критериях готовности народа к социальным преобразованиям. Специально обсуждаются эти вопросы в его больших статьях «Народное дело» и «Черты для характеристики русского простонародья». Пессимисты, писал он, «отрицают возможность какого бы то ни было общего самостоятельного движения в народе» (3, 5, 249). Однако они принимают временную пассивность народных масс за обычное состояние народа. Они не учитывают того обстоятельства что действительные факты (холод и голод, произвол, несправедливость и т. п.) порождают тоже действительный факт

сопротивления народа. Гаким конкретным фактом, свидетельствующим об активности народных масс в России, согласно Добролюбову, может служить борьба народа против откупов. Выступление крестьянских масс против винных откупов, на первый взгляд весьма незначительное, говорит Добролюбов, может служить критерием начавшихся в народе процессов, направленных на удовлетворение естественных стремлений народной жизни. Из факта выступления крестьян Добролюбов делает вывод о том, что народные массы, поднявшись на борьбу, займутся практическим делом, а не ударятся в разговоры. «Эти же сотни тысяч, — говорил Добролюбов, — откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишки, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созреет в их душах. В этой-то способности приносить существенные жертвы раз сознанному и порешенному делу и заключается величие простой народной массы…» (3, 5, 285). Действие народа в революции будет конкретным, решительным, самоотверженным. Народная жизнь дает множество фактов, свидетельствующих о безграничных силах и возможностях народа, подымающегося за свои права. Надо только приглядеться к жизни народа, чтобы увидеть это.

Народная революция не будет грозить человеческой цивилизации, если она не противоречит естественным стремлениям народа и личности. Наряду с вопросом об исторической активности народа вопрос о нравственности народных масс был для Добролюбова и других революционеров-демократов важнейшим теоретическим и практическим вопросом. В нравственности трудящихся ищут они гарантию как социалистических устремлений народа, так и последующей приверженности его социалистическим принципам. «…Люди, восстающие против насилия и произвола, — пишет Добролюбов, — тем самым дают уже нам некоторое ручательство в том, что они сами не будут прибегать к насилию и… произволу; желание неприкосновенности для своей личности заставит их уважать и личность других» (3, *6,* 244). Конечно, это слабый аргумент в пользу социалистического характера будущих общественных отношений, однако такой поворот мысли позволяет нам увидеть действительное значение высокой оценки нравственных достоинств трудящихся масс для социалистической концепции Чернышевского и Добролюбова. Добролюбов очень много говорил о «деликатности» народных масс, об уважении к личности и правам других лиц и внимательности к общему мнению, присущих простым людям, о чуткости народа к доброй славе и т. п. Это не заигрывание с народом, так характерное для

либералов, а констатация способности народных масс «к высокому гражданскому развитию на началах живых и справедливых» (3, 6, 272). Надо только различать в пароде последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений. С особой тщательностью Добролюбов выписывал положения Оуэна о природе человека и зависимости его облика, характера и поведения от окружающей среды. Трудящиеся в силу занятия трудом ближе к естественному состоянию человека, а именно последнее заключает в себе сущность человека — способность к развитию, считает Добролюбов. Из этой способности он выводил, во-первых, естественное требование человека, чтобы его никто не стеснял, и, во-вторых, что человеку не надо посягать на права других. Этот простой закон, по мысли Добролюбова, является общей формой выражения социалистического принципа. «…К этому закону, — пишет он, — и сводятся все стремления к независимости, самостоятельности и строгой справедливости, все гуманные чувства, все антипатии к деспотизму и рабству» (3, *6,* 197). Мысль о соответствии социализма интересам и природе русского крестьянина прослеживается во многих работах Добролюбова.

Революционные демократы считали, что характер выхода страны из возникшего кризиса не мог оказать решающего воздействия на существующие ориентиры народного движения. Народ мог потерпеть в 60-х годах поражение, в России могла произойти революция, приближающая жизнь русского народа к порядкам Западной Европы, восстание парода могло породить какие-то новые формы общественной жизни. Но все это не могло отменить тенденции развития народной жизни к социализму и неизбежного свершения социалистической революции. Они сознавали, что неизбежность социалистической революции не обусловливает пассивное ожидание ее. Революцию надо готовить. Философия Чернышевского и Добролюбова, выражая исторический оптимизм трудящихся масс, ориентировала их на активную борьбу за светлое будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идейное наследие вождей русской революционной демократии XIX в. играет большую роль в общественной жизни страны как в период их деятельности, так и в последующее время. Революционеры-демократы 50—60-х годов выступили в качестве идеологов разночинной интеллигенции, ставшей основной силой русского освободительного движения во второй половине XIX в. Революционеры-разночинцы выражали классовые интересы многомиллионного русского крестьянства, ограбленного в ходе реформы 1861 г. Таковы экономические и социальные корни жизненности идей, выработанных в период созревания первой революционной ситуации в России. Более того, русское крестьянство со своими требованиями земли и воли оказывается существенным звеном буржуазно-демократической революции в России в начале XX в. В. И. Ленин отмечал, что в ходе ее четко выразились либеральная и революционно-демократическая тенденции в в развитии русского освободительного движения.

Говоря о жизненности идей Добролюбова в русском обществе второй половины XIX — начала XX в., прежде всего следует обратить внимание на факты политической борьбы вокруг его наследия. В связи с днями памяти Добролюбова в России в 1901 г. прошло несколько демонстраций, известны также факты выпуска революционерами прокламаций и воззваний по этому поводу.

Произведения Добролюбова были очень популярными среди прогрессивно мыслящих людей России (см. 6, 137, 89, 259–261). Достаточно сказать, что подготовленное и изданное Чернышевским четырехтомное Собрание сочинений Н. А. Добролюбова выходило в дореволюционное время 6 раз (1862, 1871, 1876, 1885, 1901, 1908). Еще два более полных издания были осуществлены М. Лемке и Е. Аничковым в 1911–1913 гг.

Представители реакционных и либеральных кругов отрицали оригинальность философских взглядов Добролюбова, умалчивали о его революционно-демократической позиции, принижали заслуги в литературной критике и развитии русской литературы и т. п. (Н. Энгельгардт, Е. Марков, А. Волынский, «веховцы» и др.). Представители народничества обращали внимание на цельность мировоззрения Добролюбова, на его веру в светлые идеалы, преданность интересам трудящихся и т. п. Народники продолжали в этом случае линию Чернышевского, который отстаивал имя Добролюбова, опубликовал в 1862 г. в журнале «Современник» «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», нарисовал образ Добролюбова в своих художественных

произведениях и т. п. (см. 58, 78–92). Линию Чернышевского продолжали и русские марксисты. В дореволюционное время ряд из них (Г. Плеханов, В. Засулич, В. Боровский и др.) посвятили свои работы раскрытию революционного значения литературно-критического наследия Добролюбова.

Большое внимание уделял Добролюбову В. И. Ленин. В статье «Начало демонстраций» он писал, что Добролюбов дорог всей образованной и мыслящей России как писатель, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства» (2, 5, 370). Ленин напоминал в своих статьях («Памяти Герцена», «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», «Очередные задачи Советской власти» и др.) о последовательной, революционной позиции Добролюбова, о его «мужицком демократизме», о его непримиримом отношении к либерализму в условиях борьбы против крепостничества и самодержавия, подчеркивал значение традиций великих русских революционеров-демократов. Ленин рассматривал русских революционеров-демократов как предшественников русских социал-демократов.

Важно учитывать идейно-воспитательное, интеллектуальное влияние Чернышевского и Добролюбова на несколько поколений передовых русских людей, формирование у них революционных убеждений. Здесь интересным фактом является свидетельство Н. Валентинова, после II съезда РСДРП примыкавшего к большевикам, о беседе В. И. Ленина с ним и В. В. Воровским, состоявшейся в январе 1904 г. В начале беседы Ленин говорил об огромном значении для его личного идейного и нравственного становления работ и примера Чернышевского. Завершая беседу на эту тему, Ленин сказал: «Говоря о влиянии на меня Чернышевского, как главном, не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — Друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же „Современнике“ я тоже взялся серьезно. Две его статьи — одна о романе Гончарова „Обломов“, другая о романе Тургенева „Накануне“ — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал „Накануне“, но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и „Обломов“, я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора „Обломова“ он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа „Накануне“ настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать!» (цит. по: 55, 650).

Не менее актуальным является наследие Добролюбова и его изучение в настоящее время. Мировоззрение Добролюбова, литературные работы, публицистические статьи составляют важнейшее достояние нашей народной социалистической культуры. «Добролюбов не будет забыт никогда, пока звучит где-нибудь русская речь», — писал А. В. Луначарский (56, 247).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аристофан 67
Байрон Дж. Г. 68
Бауэр Б. 14
Белинский В. Г. 8, 9, 11, 13–15, 19, 52, 53, 93, 98, 99, 119–121, 134, 150, 157
Бентам И. 110
Берви В. Ф. 33, 42, 43
Бернар К. 85
Бибиков Н. А. 100
Валентинов Н. 182
Венгеров С. А. 25
Вовчок М. (Вилинская-Маркович М. А.) 117, 148, 166
Волков М. С. 42
Волынский А. Л. 54, 181
Боровский В. В. 12, 92, 181, 182
Гегель Г. В. Ф. 19
Гельмгольц Г. Л. Ф. 85
Герцен А. И. 7–9, 14, 15, 19, 40, 56, 98, 109, 121, 150
Гете И. В. 68
Гоголь Н. В. 51, 149
Григорович Д. В. 12
Данте А. 68
Достоевский Ф. М. 69
Зайцев В. А. 96
Засулич В. И. 181
Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) 26, 109
Иовчук М. Т. 76
Ирвинг В. 158–159
Кавелин К. Д. 6
Карамзин Н. М. 45
Кикодзе Г. М. 43, 81
Киркегор С. 86
Козельский Я. П. 39
Кольцов А. В. 69
Котошихин Г. К. 46
Кружков В. С. 35, 71
Курочкин В. С. 90
Кусаков А. 31—33
Лавров П. Л. 179
Лебедев-Полянский П. И. 51, 60
Ленин В. И. 20, 23, 36, 37, 55, 56, 167, 180–182

Лермонтов М. Ю. 149
Ломоносов М. В. 39
Луначарский А. В. 174, 183
Магомет (Мухаммед) 158, 159
Малинин В. А. 174
Марков Е. Л. 181
Маркс К. 16, 17, 22, 36, 78, 137, 171
Милль Дж. С. 110
Михайлов М. Л. 13
Монталамбер Ш. 91, 143
Мюллер И. 85
Некрасов Н. А. 7, 12
Нечаев С. Г. 108
Никитин И. С. 148
Овсянико-Куликовский Д. Н. 51, 71
Овсянников М. Ф. 54
Огарев Н. П. 7
Островский А. Н. 69, 114, 122, 124, 126
Оуэн Р. 118, 119, 133, 173
Панаев И. И. 11
Петр I 133, 153, 156–164, 166
Писарев Д. И. 109
Платон 67
Плеханов Г. В. 36, 37, 54, 137, 181
Посошков И. Т. 46
Пушкин А. С. 51, 149
Радищев А. Н. 39, 40
Рылеев К. Ф. 149
Серно-Соловьевич А. А. 90
Серно-Соловьевич Н. А. 90
Сеченов И. М. 85
Смирнова З. В. 54
Сократ 67
Станкевич Н. В. 110–117, 119–121
Стеклов Ю. М. 54, 107
Тургенев И. С. 12, 110
Устрялов Н. Г. 45, 158
Фейербах Л. 14, 16, 17, 34–37, 39, 40, 43, 44, 76–78, 81, 119, 121
Чернышевский Н. Г. 6, 7, 9, 10, 12–26, 29, 33, 35–37, 39, 40. 42, 44, 48–52, 55–57, 74–76, 79, 80, 86–90, 98, 100, 107–109, 120–124, 133–138, 140–144, 150–155, 158, 166, 169, 173–176, 178, 179, 181–183
Шекспир У. 68

Шеллинг Ф. В. 86
Шопенгауэр А. 86
Штраус Д. Ф. 14
Эпгельгардт Н. А. 181
Энгельс Ф. 16, 22, 36, 76–78, 137

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Этельс Ф.* Соч. Изд. 2-е.

2. Ленин *В. И.* Полн. собр. соч.

3. *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. В 9-ти томах. М.—Л., 1961–1964.

4. *Добролюбов Н. А.* Соч. В 4-х томах СПб., 1862.

5. *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. Л… 1969.

6. *Аничков Е.* Н. А. Добролюбов. — Новая жизнь (М.), 1911, № 12.

7. *Бибиков Н. А.* О литературной деятельности Н. А. Добролюбова. СПб., 1862.

8. *Боборыкин П. Д.* За полвека. М.—Л., 1929.

9. *Боград В. Э.* Журнал «Современник». 1847–1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959.

10. *Бурлацкий Ф. М.* Политические взгляды И. А. Добролюбова. М., 1954.

11. *Бурсов Б. И.* Русские революционные демократы о положительном герое. *Л;* 1953.

12. *Бушуев С.* Русская история в освещении революционных демократов (В. Белинский, Н. Чернышевский, И. Добролюбов). — Историк-марксист, 1940, № 8.

13. *Венгеров С. А.* Собр. соч., т. I. Героический характер русской литературы. Пг., 1919.

14. *Водолазов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову. М., 1969.

15. Володин *А. И., Корякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Чернышевский или Нечаев? М., 1976.

16. *Волынский А. Л.* Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896.

17. *Боровский В.* Литературная критика. М., 1971.

18. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI–XIX веков. Л., 1970.

19. *Горев Б.* Добролюбов — революционный демократ и утопический социалист. — Красная Новь, 1936, № 2.

20. *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. Л., 1928.

21. *Григорьев А.* Воспоминания. М.—Л., 1930.

22. *Деборин А.* Н. А. Добролюбов. — Фронт науки и техники, 1936, № 3.

23. *Добролюбов В. А.* Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбове, Н. Г. Чернышевском и духовенстве. СПб., 1902.

24. Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965.

25. Н. А. Добролюбов. Сборник статей. М., 1929.

26. Н. А. Добролюбов. 100 лет со дня рождения (1836–1936). Памятка. Л., 1936.

27. Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Л., 1961.

28. *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936.

29. *Жданов В. В.* Николай Александрович Добролюбов. М., 1961.

30. *Зайцев В. А.* Белинский и Добролюбов. — Русское слово (СПб.), 1864, № 1, отдел II. Литературное обозрение.

31. *Засулич В. И.* Статьи о русской литературе. М., 1960.

32. Зельдович *М. Г.* Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и русская критика их времен. Л., 1969.

33. *Зельдович М. Г., Черняков М. В.* Н. А. Добролюбов. Семинарий. Харьков, 1961.

34. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли, т. II. СПб., 1907.

35. *Иллерицкий В. Е.* История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963.

36. *Иовчук М. Т.* Философские и социально-политические воззрения Н. А. Добролюбова. — *Добролюбов Н. А.* Избр. филог. произв., т. 1. М… 1948.

37. *Иовчук М. Т.* Философские и общественно-политические воззрения II. А. Добролюбова. — Из истории русской философии. М., 1949.

38. История философии в СССР, т. 3. М., 1968.

39. *Караганов А. В.* Чернышевский и Добролюбов о реализме. М., 1955.

40. *Кирпотин В.* Маркс, Энгельс и Ленин о Добролюбове. — Под знаменем марксизма, 1936, № 2–3.

41. *Коган Л.* Материализм Добролюбова. — Под знаменем марксизма, 1938, № 2.

42. *Коган Л.* Этические взгляды Добролюбова. — Фронт науки и техники, 1938, № 3.

43. *Коган Л.* К вопросу о формировании мировоззрения Добролюбова. — Литературный критик, 1938, № 9—10.

44. *Козьмин Б. П.* Журнал «Современник» — орган революционной демократии. М., 1957.

45. *Колтоновская Е.* Тени старого «Современника». Добролюбов в редакции «Современника». — Современник (СПб.), 1911, № 12.

46. *Котляревский Н.* Из истории общественного настроения 60-х годов. Николай Александрович Добролюбов. Его программа. — Вестник Европы, 1911, № 12.

47. *Кранихфельд В.* Николай Александрович Добролюбов. — Современный мир, 1911, № 11.

48. *Кружков В. С.* Формирование мировоззрения Н. А. Добролюбова. — Ученые записки АОН при ЦК ВКП(б), 1949, вып. V.

49. *Кружков В. С.* Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., 1952.

50. *Кружков В. С.* Н. А. Добролюбов. Жизнь. Деятельность. Мировоззрение. М., 1976.

51. *Крупская Н. К.* Н. А. Добролюбов. — В помощь фабрично-заводской газете, 1936, февраль, № 3.

52. *Лаврецкий А.* Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1968.

53. *Лебедев-Полянский П. И.* Н. А. Добролюбов. Мировоззрение и литературно-критическая деятельность. М., 1933.

54. *Лемке М.* Н. А, Добролюбов, как политический поэт. — Книга и Революция. Пг., 1922, № 3.

55. В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976.

56. *Луначарский А. В.* Статьи о литературе. М., 1957.

57. *Малинин В. А.* История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х годов XIX в.). М., 1977.

58. *Мартынов А. Ф.* Борьба Н. Г. Чернышевского за идейное наследие Н. А. Добролюбова. — Освободительное движение в России, вып. 9. Саратов, 1979.

59. *Мелентьев Ю. С.* Революционная мысль России и Запад. М… 1966.

60. *Морозов П.* Н. А. Добролюбов. — Образование, 1896, № 12.

61. *Наумова М. А.* Социологические, философские, политические и эстетические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1960.

62. *Неведомский М.* О Н. А. Добролюбове. — Наша Заря, 1911, кн. 11.

63. *Нечкина М.* Новые материалы о революционной ситуации в России (1859–1861 гг.). — Литературное наследство, т. 61. М., 1953.

64. *Овсяника-Куликовский. Д. Н.* Н. А. Добролюбов. — История русской литературы XIX века, т. III. М., 1909.

65. *Овсянников М. Ф., Смирнова З. В.* Очерки истории эстетических учений. М., 1963.

66. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950.

67. *Панаева А. Я. (Головачева Е. А.).* Воспоминания. М., 1948.

68. *Панкевич Н.* Историко-социологические взгляды Н. А.

Добролюбова. — Под знаменем марксизма, 1928, № 12.

69. *Пантин И. К., Плимак Е. Г.* «Эпоха 1861 года» в России (К методологии исследования). — Вопросы философии, 1979, № 10.

70. *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв., т. 4, 5. М., 1958.

71. *Покровский С. А.* Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952.

72. *Прийма Ф.* Н. А. Добролюбов и русское освободительное движение. — Русская литература, 1963, № 4.

73. *Рейсер С. А.* Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953.

74. *Рейсер С. А.* Н. А. Добролюбов. Л., 1954.

75. *Рейсер С. А.* К вопросу о революционных связях Н. А. Добролюбова. — Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1952, т. 9, № 1.

76. *Рюриков Б.* Великие традиции революционно-демократической эстетики. — Новый мир, 1953, № 7.

77. *Скабичевский Л, И.* Н. А. Добролюбов, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1894.

78. *Смирнова З. В.* Вопросы художественного творчества в эстетике русских революционных демократов. М., 1958.

79. Соколов *Н. И.* Николай Александрович Добролюбов. Биография. М.—Л., 1965.

80. Соловьев *Г.* Эстетические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1963.

81. *Соловьев Г. А.* Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974.

82. *Стеклов Ю. М.* Жизнь и деятельность Добролюбова. Л., 1930.

83. *Фейербах Л.* Избр. филос. произв., т. 1, 2. М., 1955.

84. *Чернышевский Н. Г.* Поли. собр. соч. В 15-ти томах. М., 1939–1953.

85. *Чернышевский Н. Г.* Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах, т. 1. М., 1890.

86. *Чернышевский Н. Г.* Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах. — Поли. собр. соч., т. X, ч. I. Пг., 1918.

87. Чернышевский и его эпоха. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг., М., 1972.

88. *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М. — Пг., 1923.

89. *Штрайх С.* Судьба литературного наследства Добролюбова. — Красная Новь, 1936, № 2.

90. *Щербина В. Р.* Революционно-демократическая критика и современность: Белинский, Чернышевский, Добромобов. М., 1980.

notes

Примечания

1

На содержательное и структурное единство трудов Чернышевского и Добролюбова одним из первых, правда в самом общем виде, указал Р. В. Иванов-Разумник: «Добролюбов разрабатывал в своих критических статьях все насущные вопросы современной ему эпохи — о роли интеллигенции и роли личности в истории, о воспитании, о значении лишних людей… большая часть чего была затронута Чернышевским только мимоходом. С этой точки зрения деятельность Чернышевского и Добролюбова представляется как бы взаимодополнительной» (34, 35, см. также 82, 102).

2

Противопоставление публицистической и литературно-критической деятельности Добролюбова с последующей негативной оценкой последней было характерным для реакционного и либерального лагерей в литературе и преследовало цель принизить актуальность идей критика в русском обществе второй половины XIX — начала XX в., сделать эти идеи достоянием только исторического прошлого. Наиболее характерной в этом случае была позиция А. Л. Волынского, который писал: «Не обладая глубоким и самостоятельно выработанным взглядом на цели человеческого творчества (идеалистическим взглядом. — *В. Н.),* Добролюбов поддался сильному влиянию идей Чернышевского и в продолжение своей четырехлетней журнальной деятельности шел в статьях своим путем откровенной публицистики, иногда обнаруживая в случайных, мимолетных выражениях счастливую художественную или психологическую догадку…» (16, 151–152). Подобные «опровержения» значения работ Добролюбова были подвергнуты решительной критике не только марксистами (Г. В. Плеханов, Ю. М. Стеклов, П. И. Лебедев-Полянский и др.), но и представителями демократических кругов вообще. Д. Н. Овсянико-Куликовский отмечал: «Здесь (в статьях Добролюбова. — *В. Н.)* мы имеем дело не просто с талантливыми произведениями литературной критики, каких много, но с несомненными продуктами высшего творчества в этой области… Он хотел влиять на общественное мнение и воспитывать читающую публику в духе гуманности и освободительных идей…» (64, 204–205).

3

Реалистическая эстетическая концепция Добролюбова как теория «реальной критики» обстоятельно рассмотрена в литературе (см. 52, 306–335, 81, 276–311, 90, 393–405). Поэтому мы в основном опускаем эту сторону.

4

К вождям «молодого поколения» современники относили самого Добролюбова. Например, Н. А. Бибиков писал: «Во главе этого молодого поколения, без всякого пристрастия им очерченного, стоял сам Добролюбов. Он был лучшим, безукоризненным его представителем» (7, 108).